

Илья Тамигин
Важнее и сильнее всего...

Повествование о запутанной любви

Илья Тамигин

**Важнее и сильнее
всего... Повествование
о запутанной любви**

«Издательские решения»

Тамигин И.

Важнее и сильнее всего... Повествование о запутанной любви /
И. Тамигин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900696-7

1984 год. Эстрелла Рамирес приезжает в Москву на учебу и влюбляется в Михаила, проезжавшего мимо в машине. Он тоже влюбляется в девушку, увиденную на перекрестке. Лишь через полгода они находят друг друга, но Люся Воробьева путем хитрой интриги женит Михаила на себе. Несколько лет спустя они разводятся, и Михаил снова сходится с Эстреллой. Но Эстреллу не отпускают с Кубы как ценного специалиста (врача)! Михаил возвращается в Москву и организовывает для неё побег. Удастся ли его авантюра?

ISBN 978-5-44-900696-7

© Тамигин И.
© Издательские решения

Содержание

Эпиграфы	6
Посвящается моей жене Наташе	7
От Автора	7
Глава нулевая	8
Пролог	14
Часть первая: Социалистический Реализм	16
Глава первая	16
Глава вторая	24
Глава третья	32
Глава четвертая	40
Глава пятая	49
Глава шестая	58
Глава седьмая	66
Глава восьмая	75
Глава девятая	83
Глава десятая	91
Глава одиннадцатая	99
Глава двенадцатая	109
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Важнее и сильнее всего...

Повествование о запутанной любви

Илья Тамигин

© Илья Тамигин, 2019

ISBN 978-5-4490-0696-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Илья Тамигин

Эпиграфы

*Москва, Москва, моя Москва
Моя красавица*

Песня

*Куба, любовь моя!
Остров зари багровой!*

Другая песня

Посвящается моей жене Наташе

От Автора

В основу сего произведения положена история, рассказанная мне много лет назад моим другом Сергеем Г. Конечно, я её творчески переработал. В романе нет ни капли вранья, только иногда вкраплен кристально чистый вымысел. Тем не менее, с прототипами главных героев и героинь я был знаком лично, хотя поверхностно и недолго. Разумеется, все имена изменены. Все географические названия, секретные объекты, растения, животные, насекомые, рецепты блюд, фасоны одежды и интерьеры, а также синий цвет выдуманы нарочно. За любые совпадения с реальной жизнью Автор ответственности не несет. А если кто-нибудь, тем не менее, уловит в персонажах сходство с собой, то пусть гордится, что ему так повезло!

Глава нулевая

Высокое синее небо с важно плывущими облаками простодушно отражалось в зыбком зеркале маленькой речки. Речка была мелкая – в самом глубоком месте по шею. Это облегчало задачу двух ребят, с фырканьем нырявших под глинистым берегом.

– Уй, зараза! Кусается! – темноволосый парень высоко вскинул руку с кровоточащим пальцем.

В руке был зажат крупный рак.

– Ну, а ты как хотел? – пропыхтел его товарищ, с усилием поворачивая под водой корягу, – Животинка имеет право на самооборону... Давай, пошарь тут, а я подержу!

Под корягой обнаружилось ещё три рака.

– Может, хватит, Сереж? Полведра уже есть!

– А ты что, замерз? Работай, раб, солнце ещё высоко!

– Не, ну их на фиг! Давай, правда, отдохнем!

Сергей пожал могучими плечами и отпустил корягу. Парни вылезли на берег, собрали раков в ведро и присели у костерка. Рядом стояли велосипеды и валялась одежда. Вытерев руки о траву, оба неумело закурили. Им было по семнадцать, и после десяти лет заключения в школе душа требовала чего-нибудь эдакого, бунтарского. Сигареты и пиво, ждущее в погребе на даче (целых четыре бутылки!), как нельзя лучше годились для старта новой, взрослой жизни. Пиво и раки! Вообще, солидно, по взрослому!

– Миш! – позвал Сергей, выпуская дым через ноздри, – А может, ну его, твой институт? Давай лучше махнем куда-нибудь, наймемся к геологам... или археологам?

– Не, я рисовать хочу... Да и родители расстроятся.

– Ну и пусть! Порасстраиваются – и успокоятся. Зато будешь самостоятельным и независимым.

– Лениво, Сереж! Ну, какой из меня рабочий? Там же лопатой придется эксплуатировать, а мне это трудно!

Друг хмыкнул и ничего не ответил.

В этот момент из-за кустов вразвалочку вышли пятеро. Резиновые сапоги с закрученными вниз, наподобие ботфорт, голенищами, длинные, до плеч, сальные волосы по моде позапрошлого десятилетия и характерный запах. Деревенские, значит, парни. Они были постарше Сергея с Михаилом... или просто казались старше.

– Эй, пацаны! Закурить есть?

Михаил протянул спрашивающему беломорину. Тот взял её и презрительно скривился:

– А с фильтром нет?

– Нет! – мотнул головой Михаил.

– А если найду? – строго сдвинул брови заводида и ткнул пальцем в сторону Сергея:

– А ты когда рубль отдашь?

Остальные заржали, довольные остроумной шуткой.

– Сейчас и отдам! – покладисто кивнул Сергей, вставая.

Он подошел к одежде, подмигнув на ходу Михаилу. Тот все понял, и тоже перешел в вертикальное положение, держа в руке толстый сук, которым только что ворошил костер. Сергей, делая вид, что ищет деньги в кармане рубахи, вдруг схватил шуплого главаря одной рукой за промежность, а другой – за волосы, и с разворотом швырнул его в речку. Тот даже заорать не успел!

– Поищи, рубль там, на дне лежит!

Четверо оставшихся несколько секунд ошалело смотрели, как на речной поверхности всплывают пузыри. Затем опомнились и бросились в атаку. Один, чуть задержавшись, открыл

зубами перочинный нож. Михаил встретил набежавшего на него врага торцом дубины в живот. Когда тот, охнув, согнулся, добавил наотмашь по ногам. Задира не удержал равновесия и свалился в воду. Сергей, тем временем, провел два отличных удара, и один из его противников уже стоял на коленях, зажимая рукой кровоточащий нос. Двое оставшихся неуклюже пытались с разбегу сбить Сергея с ног, уже умудрившись подбить ему глаз и губу. Михаил напал с фланга и заехал тому, что пониже, по уху, но удар получился слабый, а в следующий миг нешуточная боль полоснула спину: владелец ножа достал таки лезвием! Михаил лягнул его ногой и угодил в живот. Хрюкнув, тот выронил нож и согнулся. В реку его! Ещё несколько метких ударов – и через пару минут все нападавшие угрюмо плескались по пояс в воде, ругаясь и осторожно ощупывая свои повреждения.

– Ну-ка, Мишка, дай мне дрын побольше, – попросил Сергей, – Я им вылезти не дам, а ты собирай вещи!

Когда на берегу в единственном удобном для высадки десанта месте стоит здоровенный парень с дубиной, шансы на прорыв невелики, поэтому деревенские остались на месте.

– Мы вас ещё поймает! – злобно посулил предводитель, – На куски порвем, бля!

Сергей издевательски расхохотался, поднял дубину повыше и обрушил её на водную гладь. Полетели брызги, враги шарахнулись.

– Уходим, Серега! – крикнул Михаил, уже оседлавший велосипед.

Намокшая от крови рубашка противно липла к спине, но он не обращал на это внимания.

Сергей метнул дрын в реку и тоже вскочил на железного коня.

И парни помчались по тропинке вдоль берега. До дачи было километров пять...

– Ни фиги себе! Во, кровящи-то натекло! – ужасался Сергей, перевязывая Михаила лоскутом простыни, – Ты как, вообще, нормально?

– Нормально, только голова кружится. Туже бинтуй!

– А то!

Кровотечение остановилось.

– Спасибо, комсомолец Златогор! Спас меня от смерти неминуемой! Что бы я без тебя делал? – прочувствованно-трагическим голосом изрек Михаил, морщась от боли.

Сергей смутился и слегка покраснел:

– Да ладно! Давай лучше пиво пить. Тебе надо возместить потерю крови.

– А раки?

– Варятся, уже варятся!

Раки, сваренные с лавровым листом и черным перцем! Такое не часто случается в жизни! А в самый первый раз – это, вообще, восторг!

– Прямо таки ласкают пищеварительный орган! – слегка заплетающимся языком заявил Михаил, выплевывая кусочек хитинового панциря.

Сергей захихикал:

– Хорошо тебе, боец Михайлов? – и вышел во двор отлить.

Через несколько секунд до Михаила донесся звук удара и вопль:

– Мишка-а!!!

Метнувшись к окну, он разглядел в вечерних сумерках какой-то бесформенный ком, катавшийся по земле: Серегу месили давешние пятеро. Выследили, гады! Мелькнула гаденькая мысль: не выходить, спрятаться! Могучим усилием воли Михаил подавил её и, шипя от боли в лопатке, откинул крышку сундука, на котором только что сидел. На свет явился шмайссер, откопанный прошлым летом в овраге. Передернув затвор, Михаил выскочил на крыльцо и дал очередь в воздух. На третьем выстреле автомат заклинило, но это было уже не важно.

– Стоять, козлы! Всем стоять! – заорал наш автоматчик жутким, срывающимся на визг голосом, – Убью, нахрен!!!

Деревенские, вопя от ужаса, рассыпались в стороны, оставив на земле неподвижную фигуру. Уронив шмайссер, Михаил склонился над Сергеем. Тот был в сознании, но затылок был мокрым от крови.

– Идти можешь?

– Нет... Башка кружится...

– Хреново, блин!

– Подстерегли, гады, – бормотал ушибленный, пока Михаил, пыхтя, волоком тащил его в дом, – Поленом припечатали...

Перевязав Сергея остатками простыни, Михаил задумался: друга необходимо срочно доставить в больницу, а как? Райцентр в десяти километрах. На велосипеде – сущие пустяки, а пешком, с восьмьюдесятью килограммами Серегиного тельца... Нереально! Оставить его, смотреть по быстрому в одиночку и вызвать «Скорую»? А вдруг чего, поплохеет Сереге, и они опоздают...

Решение пришло простое, но эффективное. Через пять минут по дороге катилась тачка, в которой с комфортом лежал сложенный вдвое Сергей. Дело продвигалось медленно, то и дело приходилось останавливаться, чтобы выкатить транспортное средство из очередной лужи. Ноги разъезжались в грязи, но Михаил упрямо толкал тачку. Несколько раз он падал, но снова поднимался и продолжал путь. Через три часа они были в приемном покое районной больницы: перемазанный всякой дрянью (тачка была предназначена для компоста) Сергей и мокрый от пота и крови Михаил (от усилий снова началось кровотечение).

Вошел зевающий во весь рот хирург.

– Что случилось?

– Упал он, – буркнул Михаил, с трудом держась на ногах.

– А ты? Тоже упал?

– Не, об колючую проволоку ободрался...

Хирург вздохнул, ибо ясно было, что ребята побывали в драке.

Медсестра, тихо матерясь, повела парней на санобработку.

Час спустя они лежали на чистых простынях. В палате, кроме них, было ещё три человека, но они спали, поэтому шептаться можно было беспрепятственно.

– Да, Мишка, мы с тобой теперь...

– Ага, мы с тобой два берега у одной реки! – сонно перебил Михаил и зевнул с подвывом.

– Ну! И повязаны кровью! Кровные братья, так сказать...

– О! Интересная мысль! Тогда, давай дружить, кунак-побратим!

– Давай... Слушай, шмайссер жалко, засветили. Как ты не забоялся, стрелять-то?

– А что, нужно было ждать, пока тебя до смерти затопчут?

Сергей осторожно спросил:

– А реально в человека стрельнул бы?

– Не знаю, Сереж... Думаю – да.

Помолчав, Михаил успокоил:

– Ничего, я его спрятал, шмайссер-то, не найдут, а мы отопремся, если что.

Он повернулся на бок и нажал кнопку, торчащую из стены в изголовье. Оказалось, что это радиоточка. Мужской голос негромко пел песню из кинофильма «Путь к Причалу»:

Друга не надо просить ни о чем,

С ним не страшна беда.

Друг мой, третье мое плечо

Будет со мной всегда...

– Выключи, люди же спят! – шикнул Сергей.

Они все-таки поехали в то лето в Среднюю Азию – устроились рабочими в археологическую экспедицию, раскапывать какой-то древний курган. Работёнка была ещё та: таскать носилки с грунтом и прочие тяжести, копать ссохшуюся каменистую землю, и вообще – быть на подхвате. Но друзья не жаловались. Жара стояла за тридцать, пот покидал тело литрами и высыхал моментально, образуя жесткие разводы на рубашках. От этого, а также от мух, сильно чесалось всё тело. Попробовали работать голыми – получилось ещё хуже: обгорели до живого мяса! Хорошо, хоть вода была в изобилии, купаться в ручье можно было хоть три раза в день. Через месяц привыкли, загорели до черноты, похудели, набили на ладонях твердые, как янтарь мозоли. Все бы хорошо, но одолевала скука. Коллектив был приятный, но все археологи и рабочие возрастом нашим героям не соответствовали. Конечно, были песни у костра вечером под гитару, и интересные истории, но... чего-то не хватало. Город-райцентр был в двадцати километрах. Оттуда раз в неделю привозили припасы на ГАЗ-66 с брезентовым верхом, а народ отдыхал под сенью струй местного фонтана. Ну, мороженное, кино, а больше ничего за четыре часа не успеешь.

– А давай останемся и вечером на танцы сходим? – предложил однажды Сергей, – Чувихи в платьях разноцветных подарят нам свою любовь...

– А чуваки, ревнуя злобно, прольют на землю нашу кровь! – скептически продолжил Михаил.

– Да брось! Мы наглеть не будем, присмотримся, пригласим тех, кого местные игнорируют. Потому, что на десять девчонок по статистике девять ребят!

Короче, остались, не сказав о том завхозу. Машина ушла в лагерь без них.

Вечером на танцплощадке все прошло как нельзя лучше. Местные парни не задирались. Девчата попались симпатичные, не возражали, когда к ним прижимались совсем уж тесно, и даже, когда танцы закончились, позволили себя проводить до общежития какого-то ПТУ. Выбрав местечко поукромнее, Сегей целовался со своей новой подругой часа два! Михаил – только один разок, в момент расставания. Девушка была несколько разочарована столичным кавалером, хотя он и прочел ей целую лекцию о художниках эпохи Возрождения.

Встретились друзья у городского фонтана.

– Эх, жалко, в общагу проникнуть не удалось! – расстроено пожаловался Сергей, шлепая распухшими, как олады, губами, – Там вахтерша – во! (При этих словах он широко развел руки!) Не обойти, не объехать!

– Что делать будем? – поинтересовался Михаил, отхлебывая из фляжки водичку, – На скамеечке до утра дожидаться?

– Да ну на фиг! Пойдем в лагерь. Всего-то двадцать кэмэ! К утру дойдем.

– А не заплутаем? – с сомнением pokrutil головой Михаил.

– С чего бы? Ночь лунная, дорога на лагерь одна...

И они пошли.

Когда по грунтовой дороге едешь в кузове грузового автомобиля – это одно, а когда идешь пешком, да ещё ночью – совсем другое! Тем более в степи, или, в данном случае, полупустыне, где нет четких ориентиров. Заблудились ребята, пропустили нужную развилку.

Утро застало их, уже изрядно притомившихся, как говорят англичане, *in the middle of nowhere*, то-есть посреди полной ненаселенки. Дорога была, да! Но куда она ведет, было совершенно непонятно.

– Слышь, Серега, уже семь часов идем! Пора бы уже и прийти! – сплевывая пыль, прохрипел Михаил.

– Сам не пойму! – пожал плечами товарищ, – Давай сядем и подумаем.

Присели в реденькой тени какого-то саксаула.

– Лагерь от города на северо-запад, так?

– Ну...

– А северо-запад у нас во-он там! – Сергей уверенно указал пальцем... в сторону от дороги! – Блин, как это? Мы с тобой на запад чешем!

– Пойдем обратно? – без всякого воодушевления предложил Михаил, ковыряя землю под саксаулом.

– Не, лучше напрямик! Я думаю, тут километра три-четыре, – с ни на чем не основанным апломбом заявил Сергей, – Вставай!

В это момент Михаил доковырялся до неприятностей: из норки под саксаулом выскользнула змея и цапнула его повыше лодыжки!

– А-а-а!!! Ёпэрэсэтэ! – завопил укушенный, ваясь на спину.

Сергей лихорадочно соображал, что делать. Вспомнился инструктаж: «Перетянуть ногу выше места укуса, крестообразно надсечь ранку, высосать кровь... Доставить пострадавшего к врачу как можно скорее...»

– Держись, Мишка, я щас!

Выдернув ремень, наложил турникет под коленом. Перочинным ножом (тупой, зараза!) чиркнул поперек ранки раз, другой. Михаил заорал.

– Чё орешь, будто тебя режут? – огрызнулся Сергей, наклоняясь к ране, из которой стекала густая темно-вишневая струйка.

В последний момент вспомнилось, что если во рту есть поврежденные десны, или трещина на губах, то яд может сделать своё черное дело оказывающему помощь... Голова непроизвольно отдернулась, но тут же стыд затопил сознание: «Трус! Если ты сейчас не решишься, Мишка помрет! Навсегда!»

Мертвое тело Сергей видел один раз, когда в прошлом году хоронили соседку, бабу Надю. Она лежала в гробу на табуретках у подъезда, неподвижная и бледная... нет, серая, и вид её вызывал ужас. Это потому, что в ней не было жизни! И если не отсосать кровь, Мишка тоже будет лежать на этой пыльной дороге мёртвый, как баба Надя, только ещё и с открытыми глазами, в которых застынет укор: «Что же ты, Серега, не спас меня от смерти?»

Содрогнувшись, Сергей пересилил себя и снова склонился к ране. Авось, ничего!

Нога у Михаила была вонючая и пыльная, и эта пыль скрипела на зубах. Солёная, с металлическим противным привкусом кровь наполнила рот, заставив кишки свернуться в узел от отвращения. Выплюнув её на дорогу, Сергей некоторое время боролся с тошнотой, затем принялся высасывать кровь снова. Минут через пять рана уже не кровоточила, и он, отдуваясь, отвалился, тяжело дыша.

– Ну, как ты?

– Ну, ты спросил, вампир! Нормально...

Но оба видели, что ни фига не нормально: нога распухла на глазах и приобретала неприятный синюшный оттенок.

– Идти сможешь, а, Мишка?

– Попробую... А куда?

Действительно: куда?

– Обратно в город?

– Пошли...

И они побрели по дороге в сторону, где, как им казалось, был город.

Через час нога у Михаила распухла вдвое. Солнце с безоблачного неба давило и плющило градусами. Сергей встряхнул фляжку: воды оставалось всего граммов триста. Он посмотрел на товарища: глаза запали, бледный, дышит со свистом.

– Пей, Мишка!

Тот приник к фляжке пересохшим ртом, сделал несколько глотков.

– А ты?

– Я не хочу...

Выкурили на двоих последнюю сигарету.

– Отдохнул? Пошли!

Михаил встал, но тут же со стоном снова сел.

– Не могу... Больно! Давай подождем, может, проедет кто...

Сергей молча взвалил его на плечи... но сил хватило только на километр. Язык распух и сделался сухой, как деревяшка. В глазах плавали огненные пятна, в висках стучало. Не дойти! Оставалось только сидеть и ждать чуда, в смысле – попутной машины.

Безжалостное солнце миновало зенит, но палило по прежнему немилосердно. Михаил потерял сознание.

«Надо дать ему воды, а то и впрямь помрет...»

Сергей наклонил фляжку и вода тонкой струйкой потекла в черный спекшийся рот... Последняя капля упала на подбородок и мгновенно испарилась. Это навело на мысль. Сергей отрезал штанины у джинсов (жаль, конечно, настоящий «Супер Райфл»!) и помочился на лоскуты. Затем укутал одной тряпкой голову друга, а другой – свою. Стало немного легче... Долбаная дорога! Проедет ли по ней хоть кто-нибудь? Он закрыл глаза и постарался улечься поудобнее. Камни впивались в спину, но было уже всё равно...

К вечеру чудо все-таки произошло: на них наткнулся военный уазик. Два бесчувственных тела солдаты погрузили в кузов и привезли в воинскую часть, всего-то в десяти километрах. Там Михаилу ввели поливалентную противозмеиную сыворотку и отправили в райбольницу.

– Повезло тебе, джигит. Если бы не твой друг... Он тебе грамотно первую помощь оказал и последнюю воду отдал, знаешь? – качнул седой головой доктор, – Благодаря этому ты так долго продержался.

– А... сам он... как?

– Он то? Нормально! Чаю выпил целый самовар, теперь арбуз ест и икает.

Потом было ещё много всякого...

Михаил на следующий год поступил в Строгановку. Сергей пошел работать кузнецом на «Серп и Молот». Ну, а через три года и в армию.

Пролог

– Встать! Смирно!

Класс вскочил и замер.

Преподаватель сел за стол, поерзал немного, устраиваясь поудобнее на венском стуле.

– Прошу садиться.

Все дружно сели.

– Сегодня у нас новая тема: Высшее предназначение человека. На прошлом занятии мы выяснили, что у каждого человека есть некое специальное предназначение, ему не известное, как правило. И строго индивидуальное. А высшее предназначение? У кого есть мысли по этому поводу?

Класс безмолствовал.

Преподаватель пригладил волосы и встал:

– Это – любовь.

По классу пронесся шелест удивления.

– Да, ангелы мои, любовь. Специфическое состояние, возникающее между душами мужчины и женщины, духовная связь, поднимающая их на новую ступень развития, приближающая к Богу, ибо Он и есть любовь. К сожалению, настоящая любовь случается очень редко. Часто за нее ошибочно принимают влюбленность, страсть и патриотизм. Увы! Страсть переходит в привычку, влюбленность угасает. Патриотизм, или любовь к своей стране и своему народу, есть продукт воспитания. Настоящая любовь длится вечно, переходя после смерти партнеров в новое качество. Но это уже тема следующего занятия. А сейчас запоминайте: не бывает так называемой неразделенной любви, как не бывает магнита с одним полюсом. Возникновение любви непредсказуемо и не зависит от свободы воли. Человек не может разлюбить своего партнера и, соответственно, не может полюбить другого. Любовь, как и Вера, способна творить то, что люди называют чудесами, то-есть совершать действия, противоречащие законам природы данной вселенной.

Преподаватель отпил воды из стакана и продолжил:

– К сожалению, Любовь возникает очень редко, спонтанно, а потому является одной из величайших ценностей этого Мира. Люди часто этого не понимают умом, но, тем не менее, чувствуют сердцем. Они посвящают Любви множество стихов, песен, романов. Эта тема – самая популярная в их искусстве, если не считать войны и насилия. Ну, эта тема, сами понимаете, продукт работы Соседей. Сейчас я нарисую на доске график возникновения Любви на протяжении всей истории человечества...

Он подошел к доске и заскрипел мелом. Класс старательно копировал в прошнурованные и опечатанные тетради.

– Видите? Число случаев растет от столетия к столетию! Это не может не радовать!

Прозвенел звонок.

– Все свободны! А тебя, Вагабонд, я попрошу остаться.

Класс опустел. Преподаватель жестом предложил Вагабонду пересест поближе.

– Есть мнение послать тебя на Землю. Будешь Исполнителем Желаний. У тебя, ведь, уже есть опыт подобной работы?

– Так точно! Я Золотой Рыбкой был!

– А, так это про тебя Пушкин писал?

– Так точно, про меня. Один эпизод отразил. Откуда только узнал-то!

– Тогда, так: примешь образ женщины, поселишься в деревне Ворсино, в Подмосковье. Будешь исполнять желания людей. Но только ясно сформулированные! Конкретное желание – соответствующее исполнение! Ни на миллиметр в сторону, чтобы конфуза не вышло, как с...

ну, ты помнишь, с тем, который джинн из бутылки! Это первое. Второе: среди людей сейчас появилось несколько Гениев. Найдешь, поможешь им себя реализовать. И, наконец, самое главное: только что возникла новая Большая Любовь. Твоя задача: наблюдать, опекать, но в отношения не вмешиваться. Вопросы есть?

– А если у этой пары, ну, у которой Любовь, желания возникнут, и они на меня выйдут, исполнять тоже?

– Ну, конечно!

– А без их просьбы можно им что-нибудь приятное сделать?

– Г-м... Можно, но смотря по обстоятельствам, и чтобы не выглядело Чудом.

– Так точно! Разрешите приступить к выполнению?

– Разрешаю. Следующий семинар через восемьдесят лет, не опаздывай. Свободен!

– Есть! – Вагабонд, ангел второй статьи, повернулся через левое плечо и вышел из аудитории строевым шагом.

Часть первая: Социалистический Реализм

Глава первая

Тем ранним утром 7-го мая в двухкомнатной хрущевке стоял тяжелый дух спиртного и табачного перегара, ибо гуляли уже третьи сутки, делая лишь кратковременные вылазки в Гастроном за пополнением горючего. На столе в живописном натюрморте причудливо компоновались пустые бутылки (угадайте, из-под чего!), консервные банки, недоеденная заветрившаяся «любительская» колбаса, грязные тарелки с окурками и стаканы. Родители всех участников пребывали до конца праздников на даче, поэтому помех народному гулянию не было. Май робко стучался в окно ещё не набравшими летнюю упругость солнечными лучами. Оные лучи, пошарив по интерьеру, высвечивали золотую бахрому эполет и витые шнуры аксельбантов висящего на плечиках кителя с голубыми петлицами ВДВ, а также потертый чемодан с художественно исполненной надписью: «Дембель-1984». Вне всякого сомнения, повод для празднования был самый что ни на есть уважительный – не каждый день человек из армии приходит!

На пороге совмещенного санузла нетерпеливо сучила длинными балеринистыми ногами Марина, сестра Михаила, завернутая в линялый, не по размеру, чужой халат.

– Сережка, выходи! Мне в тубзик надо! – жалобно, и в то же время злобно канючила она.

– Я в ванне, Мариш! Только-только оживать начал! – донесся сопровождаемый плеском воды ответ.

– Да я же сейчас обоссусь! – отбросив всякую деликатность, завопила Марина, – Вылезай скорей!

В санузле послышалось движение, шлепанье босых ног и щелчок задвижки.

– Не заперто,ходи!

Девушка вихрем ворвалась в воделенное помещение и плюхнулась на унитаз.

– Не подсматривай, извращенец! – строго потребовала она, – Мишке скажу!

– Больно надо! – ворчливо отозвался из-за пластиковой занавески Сергей.

Раздалось мелодичное журчание, сопровождаемое блаженными вздохами облегчения. Затем на долгую минуту воцарилась тишина.

– Сереж!

– А?

– Погода хорошая, солнышко... Может, возьмем пивка и на природу двинемся?

– Мысль! Растолкай своего, совет держать будем!

Через полчаса за столом собрались вся компания: свежедембельнутый Сергей, он же хозяин квартиры; лучший друг Михаил с сестрой Мариной; её коллега по кордебалету Оля, подруга Михаила; Маришкин новый кадр Виталик и Лена, соседка и одноклассница Сергея, дождавшаяся его из армии (заметим: редкий случай!).

– Товарищи! Поступило предложение продолжить празднование на природе. Так сказать, организовать выездную сессию, – шумно отхлебнув трижды женатого чаю провозгласил Сергей.

– Погода шепчет: займи рубль и опохмелись! – утробно хохотнул Виталик, – Поддерживаю! Пивко на природе ещё вкуснее и ядренее!

Михаил довольно хлопнул Марину по плечу:

– Молодец, сеструха! Правильные идеи генерируешь!

– Дурак! – взвизгнула она возмущенно, – Силу-то, рассчитывай! Синяк же будет!

– А я чо... Я – ничо... – смутился брат и неуклюже погладил ушибленное место.

Лена и Оля присоединились к мнению коллектива.

– Так, Мишка и Маришка! Идите за машиной! – деловито принялся раздавать ценные указания Сергей, – А вы, девчата, быстренько приберитесь маленько, устроили тут срач, понимаешь!

– Кто устроил? Мы? – раздался возмущенный дуэт.

– И вы тоже! Шнелль, шнелль!

Михаил с Мариной ушли, ибо добывать машину надлежало вдвоем: Михаил умел водить, а Марина – упрашивать деда. Дед, отставной генерал, если и давал ключи, то разрешал им кататься на его ЗИМе только вдвоем, наивно полагая, что внучка не допустит всяких безобразий и глупостей, на которые горазд балбес-внук.

Идти было недалеко, два квартала. Войдя в подъезд старого, тридцатых годов постройки, дома, Михаил нажал кнопку вызова лифта, пробормотав при этом:

– Пепелац, однако!

Решетчатая шахта позволяла видеть, как кабина, громокая и лязгая, неторопливо спускается из верхних слоёв атмосферы.

У двери дедовой квартиры Марина оглядела брата и пригладила ему волосы.

– Горе моё небритое, – вздохнула она, – Дыши, что ли, носом, а то дед учует выхлоп и тачку не даст!

– Яволь! – покладисто кивнуло небритое трое суток «горе».

Дед открыл дверь не сразу, ибо разговаривал по телефону и бросить трубку было никак нельзя. При виде внуков его усы, как стрелка барометра, поползли вверх.

– О, какие люди! Милости прошу в горницу!

По натертому мастикой паркету брат и сестра не разувааясь прошли в гостиную, ибо тапочки для гостей в этой квартире считались нонсенсом. Михаил, памятуя о перегаре, приземлился на диван, чтобы быть от деда на некотором расстоянии, а Марина села рядом со стариком за стол.

– Кофейку выпьете? Клава как раз сварила, – спросил хозяин апартаментов и по гусарски шелкнул подтяжками.

Получив утвердительный ответ, рявкнул:

– Клаша! Накрывай на троих! Ко мне внуки припожаловали!

Домработница внесла поднос с фарфоровым кофейником, тремя изящными чашками, сахарницей и молочником, а также овсяным печеньем. Сервиз был праздничный – трофейный, вывезенный из Германии в 1946 году, и внуки поняли, что дед в хорошем настроении, а значит, скорее всего, выцганить машину выгорит!

– Ну, какие новости? – откусывая печенье ровными, хотя и желтыми от никотина зубами, поинтересовался дед-генерал.

– Серега Златогор намедни из армии пришел, – поведал Михаил, дуя на кофе перед тем, как отхлебнуть.

Старик хмыкнул. Штатский вид и манеры внука ранили его самолюбие. Не пошел парень по военной, семейной традицией освященной тропе! Какой офицер мог бы быть! И стать, и голос! Но – увы, учиться всего-навсего в Строгановке...

– Не пришел, а демобилизовался!

– Ну, да... демобилизовался. На прошлой неделе.

– Напомни мне, в каких войсках Сергей служил?

– В воздушно-десантных.

– Г-м, да... Не танкист, значит... И до каких чинов дослужился?

– До рядового.

Генерал открыл было рот, чтобы порассуждать о слабом карьерном росте Сереги, но тут вмешалась Марина:

– Вот, хотим сегодня отметить Сережкино возвращение! На природу поехать, костерок, шашлыки... Ты нам машину не одолжишь, Михал Михалыч?

Взгляд её, устремленный на деда, был кристально чистый и совершенно незамутненный тремя сутками загула. Молодость!

– Дело! – улыбнулся владелец вожденного транспортного средства, – Я, пожалуй, с вами поеду! Проветрюсь перед парадом!

Он достал из черно-зеленой коробки с надписью «Герцеговина Флор» толстую папиросу, продул мундштук и прикурил от американской зажигалки «Зиппо», подаренной ему в сорок пятом адъютантом самого Эйзенхауэра. Облачко ароматного дыма из заросших волосами ноздрей поплыло по комнате, завихряясь по краям.

Брат и сестра тревожно переглянулись. Они любили деда, но брать его с собой на природу... как-то не вписывалось в сегодняшние планы. Марина, впрочем, быстро нашлась:

– Да как же ты без дамы, один поедешь? Разве что, я кому-нибудь из подруг позвоню?

Михал Михалыч, несмотря на солидный возраст (75 лет!), был до женского полу охоч, ибо вдовел уже лет пятнадцать. Периодически он заводил романы, но в данный момент у него никого не было, это Марина знала точно. Да и предпочитал он женщин зрелых, от тридцати пяти до сорока пяти, молоденькие девчонки его не привлекали.

Ход оказался верным. Генерал на секунду задумался, затем тряхнул головой:

– Лады, езжайте без меня! Только, Мариш, лично проследи, чтоб безобразиев не нарушали! По бутылке пива на человека достаточно... Или вина сухого бутылку на всех!

– Ну, конечно, дедуля! – проворковала девушка, и, чтобы закрепить согласие, обняла деда за шею.

– А ты, Мишка, раз за рулем, вообще не пей! – с напускной строгостью продолжал напутствовать своего горячо любимого потомка дед, – И вообще, слушай, приведи себя в порядок! Побрейся, постригись сходи, а то уже на ушах патлы висят! Пуговицу застегни!

– Так точно! – вскочил с дивана Михаил и вытянулся по стойке «смирно», выпучив при этом глаза.

– Что, «так точно»? – брюзгливо поднял бровь генерал.

– Ой, я хотел сказать: есть, товарищ генерал!

– Ну, то-то! Возьми ключи в тумбочке... И переключайся с двойным выжимом, береги машину!

– И про двойной выжим, и про перегазовку – все помню! – отозвался из прихожей внук, уже сжимающий в кулаке заветные ключи от гаража и автомобиля.

Марина вскочила и поцеловала деда в висок:

– Спасибо-распасибо, дедуля!

Он придержал её левой рукой.

– Погоди... На, вот, на гулянку вам, – и протянул полусотенную.

Внуки!

Через полчаса сверкающий черным лаком и сияющий хромом, похожий на огромную галюшу семиместный аппарат басовито библикнул у Серегиного подъезда.

Сергей, сопровождаемый Леной, Олей и могучим Виталиком, тащившим сумки со стратегическими материалами, появился незамедлительно.

– Ого! – восхищенно выдохнул Виталик, – Вот это так да! Прямо, крейсер Аврора!

– Ага! ГАЗ-12, пятьдесят восьмого года, – солидно кивнул Михаил, – Таких уже больше не делают. Ну, давайте, грузитесь, грузитесь в машину!

Народ принялся темпераментно грузиться, пытаясь занять лучшие места. Оле выпало сидеть на откидном сидении, но зато у окна. Место рядом с водителем занял, естественно, Сергей. Выждав, когда все успокоится, Михаил со скучающим видом осведомился:

– Куды ехать-то, ваше благородие, господин военный?

– Ты, вот что, машинист, отвези-ка нас на пляж какой-нибудь... или в лес. Отдыхать желаю. Ну, сам сообрази! Домчишь с ветерком – на чай получишь! – особым, барским голосом приказал Сергей.

– Не извольте сумлеваться, Ваше степенство, господин-товарищ-барин, мигом домчим!

Взревел мотор, со скрежетом и дымом пробуксовали задние колеса – и ЗИМ рванулся с места так резво, что пассажиры повалились друг на друга. Девчата хором завизжали, а Марина отвесила хулигану подзатыльник:

– Ехай нормально! Не дрова, чай, везешь!

Вывернув вскоре на Ленинский проспект, покатили на юго-запад. Там, километрах в шестидесяти от кольцевой, имелось отличное место с лесной опушкой и уединенным песчаным пляжиком на неширокой речке.

Отъехав с километр, остановились на светофоре. Часы показывали 9:17. Вот, загорелся зеленый. ЗИМ продолжал стоять. Сзади раздались нетерпеливые гудки какого-то жигуленка, но Михаил по-прежнему не трогался с места.

– Миш, а Миш! Ты чего? – толкнул его в бок Сергей, – Зеленый же! Опа, опять красный! Эй! Очнись!

Михаил не отвечал и, вообще, не реагировал на раздражители, ибо по тротуару шла девушка, красивая нездешней, не московской красотой. Первое, что приковывало к ней внимание, была танцующая походка. Казалось, девушка двигается под звуки одной только ей слышимой мелодии. Второе – распущенные волосы, перехваченные алой лентой. Черные, пышные, выющиеся, они колыхались на слабом до умеренного ветерке и струились ниже округлой попы, упакованной – Бог ты мой! – в черные «техасы»! Где она их только взяла, с шестидесятих годов их советская промышленность не выпускает! Фигура напоминала песочные часы на длинных-предлинных ногах, обутых в простенькие полукеды. Дешевенькая трикотажная кофточка обтягивала красивые плечи и высокую налитую грудь, не оскверненную лифчиком. При звуке рассерженных гудков девушка обернулась, придерживав одной рукой волосы, и огромные темно-синие, как стратосфера, глаза встретили взгляд Михаила. Перед ним как-будто открылся туннель, ведущий в иные миры! Зрачки девушки ошутимо пульсировали, гипнотизировали, втягивали в себя. Это длилось долю секунды... Затем она пропала из виду: другие пешеходы заслонили её. Михаил очумело помотал головой и тронулся на желтый.

– Эй, осторожней! Убьешь нас всех нахрен! – обеспокоенно завопил Сергей, когда машина едва разминулась с въехавшей на перекресток Волгой, – Да что с тобой, вообще, такое!?

Михаил не отвечал – перед глазами всё ещё стояла прекрасная незнакомка.

Пассажиры некоторое время оживленно обсуждали происшествие, стыдили водителя всякими словами, которые Автор не решается здесь цитировать из боязни травмировать нравственность Читателя, взывали к его комсомольской совести и верности моральному кодексу строителя коммунизма. Наконец, сошлись на мнении, что парня посетила белая горячка, и место ему в психбольнице имени Кащенко. Отживевший Михаил вяло отругивался, и вскоре разговор перешел на другие темы. Только Оля чувствовала некую тревогу и отчуждение, что ли, любимого человека.

Через час приехали на место. ЗИМ, тяжело переваливаясь на кочковатой лесной дороге, выехал на берег реки. Там, как и предполагалось, никого не было.

Лес подходил к берегу совсем вплотную, широким клином отделяя реку от зеленеющего километрах в трёх колхозного поля. Вода в реке была чистая, вся муть половодья уже успела

осесть. Приятный песчаный уединенный пляжик был главным козырем этого места: летом здесь можно было купаться и загорать голышом, нипочем посторонние не увидят!

Выгрузив припасы и разбив лагерь, мужчины набрали дровишек для костра. Девушки, подобрав подолы, ходили босиком по воде и кокетливо повизгивали. Вода была холодновата – начало Мая, что вы хотите!

– Девчонки! Идите сюда! Шас костер разжигаем! – позвал Сергей, вкладывая в свой призыв некую особую значительность, ибо костер есть центральное событие пикника, из-за которого, собственно, и затевался выезд на плэнер.

Куча хворосту была большая, ибо для шашлыков требовалось много углей, но сложена была бестолково, а потому гореть никак не желала, как ни пытались раздуть пламя от подсовываемых старых газет.

– Настоящий пионер должен уметь разжигать костер с одной спички! – нравоучительно заметил Сергей красному и потному Виталику, взявшему на себя роль кострового.

– С одной спички, ага! – пропыхтел тот, – И с одной канистры бензина! Миш, а Миш! Дай шланг, я бензину отсосу маленечко!

Шланг был выдан, отсос произведен, и костер, наконец, запылал.

– Ну, такое дело надо отпраздновать! – воодушевленно заявил Виталик, зубами срывая полиэтиленовую пробку с бутылки ёмкостью ноль восемь, – Поднимем бокалы, содвинем их разом!

В эмалированные и пластмассовые кружки забулькал портвейн «Кавказ», ибо было решено от водки воздержаться, чтобы отдохнуть от пьянства.

Михаил накрыл свою кружку ладонью.

– Я пить не буду!

– Почему?! – дружно изумился коллектив.

– Дед винище запретил употреблять внутрь. Только «Боржом» можно!

Заявление прозвучало веско. Народ впечатлился. Сергей достал бутылку «Боржома» и, пытливо заглядывая другу в глаза, медленно откупорил. Он подозревал какую-то шутку, розыгрыш. Типа, сейчас Мишка повернется спиной, а там надпись: «Выпьем мы сейчас „Боржом“ и тихонечко заржем!». Или наберет в рот воды, а потом выпустит на подбородок красную краску, ну, вроде кровь, захрипит и задержится со словами: «Отравили, гады!». Нечто подобное они уже неоднократно отмачивали, каждый раз с грандиозным успехом. Но Михаил взял бутылку и отпил как ни в чем не бывало.

– И когда мы должны смеяться? – напряженным голосом спросила Марина, тоже ожидавшая от братца чего-нибудь эдакого.

– Да, прямо сейчас можете!

Все хихикнули, но как-то неуверенно, и осторожно выпили портвейн, опасаясь подмены на подкрашенный спирт или подмеса в благородный напиток чего-нибудь, вроде пургена. А что, с Мишки станется! Но портвейн оказался самым настоящим, правильным... Странно!

Постепенно все успокоились и забыли про странный розыгрыш в кавычках. А Михаил и не разыгрывал, просто не хотел пьянствовать, желая сохранить ясность мыслей. Жуя бутерброд с колбасой, он попытался вспомнить лицо той девушки... Получилось! Эх, бумагу не взял! Ну, ничего, дома нарисует портрет по памяти.

Народное гулянье шло своим чередом. Всем от портвейна стало легко и весело, Сергей настроил гитару и стал исполнять балладу Высоцкого:

Как в однажды в славном том государстве,
Где не войн, ни катаклизмов, ни бурь,
Поселился дикий вепрь агромадный:
То ли буйвол, то ли бык, то ли тур!

Девчата смеялись и подпевали рефрен, Виталик вскочил и пытался изобразить действие баллады пантомимой. Получалось очень забавно!

Затем костер прогорел, угли собрали в кучку и укрепили над ними шампуры с купленной в кулинарии маринованной свининой. Жир с шипением капал на угли и сгорал синим пламенем, оставляя в воздухе приятный запах, присущий только шашлыку на открытом огне.

– Готово, пожалуй! – попробовав кусочек, решил Виталик, – Навались, орда!

Шампуры расхватили и впились в сочное мясо крепкими молодыми зубами. Один Михаил ел без особого аппетита. Оля с тревогой поглядывала на него. Они были вместе уже целый месяц, парень ей сильно нравился, да и она ему не была безразлична: звонит почти каждый день, портрет нарисовал, в кафе-мороженое приглашал, в кино ходили три раза. Ну, и это-самое... Отношения хотелось развивать и укреплять! Но сегодня миленок был какой-то вялый и задумчивый. Может быть, попытаться его расшевелить? Она придвинулась ближе и обняла парня за шею. Не отстранился, но и не показал, что ему приятно. Решила попозже устроить ему сеанс кустотерапии, а то что это за выезд на природу без этого-самого?

Приговоренные к истреблению посредством поедания шашлыки, жалобно попискивая, исчезли в желудках.

– Всё выпито, всё сожрано! – вздохнув, резюмировал Сергей, вороша угли несгоревшей веткой.

Затем снова взял гитару и запел:

Дым костра создает уют,
Искры гаснут в полете сами...

Лена и Марина пошли к речке мыть посуду, Виталик увязался с ними, заявив, что хочет искупаться. Воспользовавшись моментом, Оля предложила Михаилу прогуляться в лес, за цветами. Тот согласился: почему не размять ноги? На самом деле Олю интересовал только Цветок Счастья. Ну, ты знаешь, Читатель: этакий красный колокольчик на длинном мясистом стебле, с двумя клубнями у корня.

Сергей, оставшийся в одиночестве, некоторое время задумчиво курил, сплевывая в костер и попадая каждый раз, затем, ощутив зов природы, поднялся и направился в лес. Пройдя метров пятьдесят, он не нашел подходящего места и двинулся дальше. О, вот и подходящее поваленное дерево! И лопухи рядом как раз такие, как надо! Аккуратно устроившись в развилке, как на унитазе, он закурил сигаретку, предварительно сорвав лопух, чтобы не тянуться потом. В голове от портвейна и шашлыков стоял приятный туман. Физиологический процесс был близок к завершению, как вдруг...

Между деревьями, метрах в ста, по опушке проехал джип в камуфляжной раскраске! Не наш, не советский! Затем – ещё один, такой же. На душе стало тревожно, но осознание ситуации ещё не произошло. Несколько пехотинцев с винтовками М16, в касках и натуральной американской форме с закатанными рукавами прошли совсем близко, метрах в тридцати. И только тогда весь ужас происходящего молнией ударил в мозг.

«Началось! Война!» – холодея, подумал свежеедембельнутый рядовой, каждый день накачиваемый на политзанятиях информацией о коварных планах главного потенциального противника, – «Это же десант! Американцы десант высадили!».

Он бегом устремился в сторону лагеря. На четвереньках, чтобы не заметили враги! Свернувшиеся жгутом на щиколотках штаны мешали двигаться, но останавливаться, чтобы надеть их, было некогда, ибо опасно. Метров через полтора-два наткнулся на Михаила и Олю. Девушка была, как бы это сказать... слегка обнажена, и сосредоточенно возилась с заевшей молнией на брюках парня. Михаил вяло сопротивлялся.

– Кончайте ваши глупости! Американцы десант высадили! Держитесь ближе к деревьям, срочно уходим! – прокричал им Сергей на бегу.

Увидев фигуру с голым задом они только рты раскрыли, застыв в неуклюжих позах.

Скатившись в ложбинку, наш герой остановился отдышаться и привести одежду в порядок. Главное – до машины добраться, а там – давай Бог ноги! Вперед!

Достигнув костра, Сергей узрел следующую картину: Лена, Марина и Виталик спокойно беседовали с двумя облаченными в камуфляж американцами, мирно прислонивших свои автоматы к сосне.

– А... Э... – слова застряли в гортани.

Сергей чуть не заплакал от беспомощности. Главное, нет ведь ничего, голые руки! Прикинул, не удастся ли захватить автомат...

– Сережка! Иди сюда! – помахала рукой Лена, – Тут, оказывается, рядом кино снимают! Про войну!

– Ёпэрэсэтэ! – только и смог выговорить парень, ощущая внутри чувство облегчения и разочарования одновременно.

Настроение было испорчено.

Немного погодя к костру подошли Михаил с Олей и приняли участие в совместном чаепитии. Американцы в кавычках оказались студентами ВГИКа. Сергею, принявшему их за настоящих командос, искренне посочувствовали. Один из них, Володя, рассказал, как два года назад в Калужской области снимали фильм о партизанах.

– Ну, сами понимаете, где партизаны – там и эсэсовцы! А у одного артиста, по роли штурмбанфюрера СС, в том районе дача была. Ну, до райцентра недалеко, съёмки в тот день рано закончились, почему-то... он и решил в райисполком заскочить, бумажку какую-то подписать. Как был, в форме, с водителем (тоже в форме эсэсовской!) на Хорьхе киносъёмочном подъехал к исполкому и идет прямо к председателю в кабинет, а в руке бумагу держит... Все кругом при виде эсэсовца бледные делают, к стенкам жмутся.

Все захихикали, представляя реакцию предрайисполкома.

– Входит он, значит, в кабинет, а председатель его как увидал – сразу руки поднял! Побледнел, посерел, захрипел. Тоже всерьёз подумал, что немцы в городе! Но потом выпил коньячку, отживел, и бумагу подписал.

Все захохотали.

– А раньше ты говорил, что председатель руку вскинул и «Хайль Гитлер!» кричал! – с подковыркой заметил второй псевдоамериканец, Саша, макая в кружку с чаем печенье.

– Ну, это я по пьянке преувеличил, а сейчас-то я трезвый! – беспечно отмахнулся Володя.

Сие заявление было воспринято как намек, и артистам налили портвейна. Вскоре они ушли – их перерыв заканчивался и надо было опять входить в роль десантников, заброшенных в Московскую область для захвата военного аэродрома, на который, по сценарию, приземлятся основные силы вторжения.

После их ухода разговор не клеился, всем захотелось домой. Да и день уже клонился к вечеру.

– Ну, что? По машинам? – нетерпеливо спросил Михаил, – А то мне ещё вас всех по домам развозить!

Все принялись собираться, и через четверть часа ЗИМ покинул берег реки.

Сергей, окончательно пришедший в себя после шока, понуждал Михаила ехать быстрее. Тот вербально соглашался, но скорость все равно не увеличивал, машину, дескать, беречь надо.

Оля переживала неудачную попытку соблазнения кавалера. Надо же, уж и сама разделась, и его почти раздела, а толку ноль! Ну, прямо никакой реакции внутри штанов! Как будто она не живая женщина, а кукла резиновая! Бубнил только, мол, может не надо, от поцелуев уво-

рачивался, морщась! Наверное, это состояние нестояния у него с перепоею, решила девушка. Ничего, завтра выпится и будет опять её вождельть!

Виталик дремал, сморенный едой, выпивкой и плавным движением машины.

Марина мысленно подсчитывала употребленные за день калории. Получалось много, завтра нужно будет лишний час у станка потрудиться и в баню сходить.

Лена смотрела в окно и мечтала, как Сережа устоит на работу, потом будет свадьба, она родит ему сыночка... С жильём выходила неувязка: жить скорее всего придется с родителями. Где ж свою квартиру взять? Снимать дорого... А на её заводе очередь ой-ей! Лет пятнадцать, в лучшем случае, ждать. Ну, ничего, Сереженька умный, придумает что-нибудь!

Автомобиль уже шуршал шинами по Ленинскому проспекту. Вот и тот самый светофор! Горел зеленый, но Михаил, тем не менее, притормозил, смутно надеясь вновь увидеть ту, поразившую его воображение, девушку. Увы! Среди пешеходов её не было...

Уже в сумерках, развезя всех по домам, брат с сестрой, поднявшись на пятый этаж по стертým ступенькам, хранящим бывшее величие в виде остатков крепежей для ковровой дорожки (лифт не работал!), позвонили у двери дедовой квартиры. Впустив их в прихожую, Михал Михалыч подозрительно посмотрел на внуков сквозь очки.

– Все в порядке? Машина цела?

– Ну, конечно, дедуля! – ласково отозвалась Марина.

– Вот, возвращаю ключи, товарищ генерал! – коряво козырнул Михаил.

– К пустой голове руку не прикладывают, – ворчливо буркнул дед, шевеля ноздрями, – Не пил? А ну, дыхни!

Внук дыхнул. Михал Михалыч запаха спиртного не унюхал и даже ощутил некоторую тревогу за парня: как это, был на пикнике – и не выпил?

– Ужинать будете? – с надеждой поинтересовался он, надеясь пообщаться ещё хоть немножко, ибо внуки посещали ветерана редко.

Внуки дружно отказались. Они хотели домой, где не были уже четыре дня. Дед нехотя отпустил их, скрывая разочарование: хотелось поболтать, послушать, как у них прошёл день... Но, увы! Внуки выросли... и приходят только когда им что-то надо от старика.

Дома Марина сразу завалилась спать, она вообще была ранняя пташка, да и устала за день. Михаил же взялся за карандаш. Через два часа с листа бумаги на него снова смотрела девушка с Ленинского проспекта. Высокий лоб, классический римский носик с деликатно вырезанными ноздрями, пухлые, четко очерченные губы, мягкая линия подбородка. Ну, и глаза! Совершенно особенной, не виданной ранее формы...

– Я найду тебя, – бормотал художник, аккуратно прикноплявая портрет к стене, – Пока не знаю, как, но, где бы ты не была, найду...

Так прошёл день 7-го мая 1984 года.

Глава вторая

Синьорита Эстрелла Роза Мария Рамирес была «гальего» – так на Кубе называли потомков испанских переселенцев. И верно, её предки прибыли на Остров Свободы аж в конце XV века, вместе с четвертой экспедицией Колумба, а Альфонсо Рамирес – пра-пра-пра-... дед Эстреллы – был боцманом на одном из его кораблей. По крайней мере, так гласило семейное предание. Родилась девушка с поэтическим именем в двухмиллионной Гаване, в Кармелитосе – одном из старых районов недалеко от океана. Пабло и Вероника Рамиресы других детей не имели, поэтому вся их любовь досталась малышке. В школе девочка была всегда одной из первых, особенно по русскому языку. В десятом классе даже заняла первое место на олимпиаде, её сочинение на тему «Коммунизм – это молодость мира!» напечатала центральная газета «Гранма». В комментариях Эстреллу сравнивали аж с самим Хэмингуэем!

Через два дня последовало приглашение в райком партии для беседы. Родители не на шутку разволновались, ибо сие приглашение могло означать только одно: дочери собираются поручить нечто очень серьёзное! Может, даже предложат пойти после школы работать в Организацию Коммунистической Молодежи Кубы! А это, знаете ли, уже номенклатура!

Эстрелла вымыла голову, заплела непослушные волосы в косу, чего терпеть не могла, одела свою лучшую голубенькую кофточку-лапшовку производства Горьковской трикотажной фабрики (в России такие носили восемь лет назад!), черную юбку московской фабрики «Большевичка» и казанские босоножки на среднем каблукке. Подводить глаза, красить губы и делать прочий маникюр-педикюр не стала – это считалось мелкобуржуазным, и в официальных учреждениях появляться в таком виде не приветствовалось, хотя на танцах и допускалось. Оглядев себя в зеркале, осталась увиденным довольна: скромненько, со вкусом, ничего лишнего!

– Ну, я пошла!

Отец пожал ей руку, как взрослой, мать расцеловала в обе щеки, а потом украдкой перекрестила в спину.

Идти было недалеко, всего несколько кварталов. Брусчатка набережной Малекон еле слышно звенела под твердыми каблукками новеньких босоножек. Встречные люди, особенно мужчины, улыбались, жестахми выражая восхищение, некоторые здоровались. Эстрелла улыбалась в ответ. Проезжавший мимо на самодельном самокате мальчишка-мулат дернул за косу и показал язык. Вот шалопай! Погрозив ему кулаком, крикнула страшным голосом:

– Ну, погоди!

Пацан зашелся в смехе, ибо после просмотра одноименного мультика эту фразу знала наизусть вся Куба.

Автобус с иностранными туристами, судя по доносившимся громким немецким словам, из Западной Германии, остановился у мемориального комплекса Героям Революции. Пузатые дядьки в ярких рубашках и шортах и их бледные рыхлые женщины в мини юбках, галдя, принялись фотографировать все подряд. Некоторые даже карабкались на памятник и позировали там в обнимку со статуями Фиделя и Че Гевары. Эстрелле это не понравилось, но замечание им делать она воздержалась, ибо на собрании Организации Коммунистической Молодежи всех предупредили, что иностранные капиталисты есть источник необходимой отечеству валюты, а потому к их мелким глупостям следует относиться снисходительно. Сделав строгое лицо, она прошла мимо, игнорируя направленные в её сторону вспышки фотоаппаратов и реплики типа: «Эй, девушка! Пойдите минутку, познакомимся!»

Вот ещё! Она им не какаянибудь!

Около храма Сан Кристобала девушка быстро оглянулась, нет ли поблизости знакомых, и, сотворив молитву, перекрестилась. Заступничество высших сил никогда не лишнее!

К крошеному на паперти для птиц хлебу, между тем, подошла бродячая собака. Подозрительно оглянувшись, она принялась жадно поедать разбросанные кусочки, жмурясь от удовольствия.

– И не стыдно тебе птичек объедать? – строго спросила Эстрелла, сдвинув для пушего эффекта брови.

Собака застеснялась ужасно! Хвост моментально спрятался между ног, тело выгнулось подковой, верхняя губа вздернулась в заискивающей улыбке. Весь её вид как бы говорил:

– Да я... это... не знала, что хлеб для птиц... Шла мимо, вижу – еда, дай, думаю, поем...

Согнувшись ещё сильнее, так, что голова касалась зада, собака медленно улеглась, подставила горло и замерла, что означало:

– Давай, твоя сила, кусай, если хочешь... А только мёртвый лежачий труп не бьют!

Эстрелла разглядела отвисшие соски с каплями молока и ей стало жалко безответное животное. Кормит псина щеночков, еду добывает с трудом, вон, сухие корки лопают, а она тут с критикой выступает!

– Да ладно, всем хватит... Ешь, я пошутила!

Глянув на часы, она ускорила шаг.

Райком партии находился в помпезном, но слегка обветшавшем трехэтажном доме с колоннами, в котором до революции располагалась какая-то американская страховая компания. В высоком сумрачном вестибюле Эстрелла предъявила вахтеру паспорт, и в бюро пропусков, объяснив, к кому её вызвали, получила пропуск. По широкой мраморной лестнице поднялась на второй этаж.

В кабинете, украшенном портретами вождей – Фиделя и Рауля Кастро, а также Че Гевары – навстречу ей приподнялся с кресла смуглый лысоватый мужчина лет сорока в белой рубашке и галстуке. Второй мужчина, помоложе, явно русский – это было сразу ясно по выражению его светлых глаз – приветствовал девушку со стула у стены.

– Проходите, садитесь, синьорита Рамирес! – показал на стул у стола хозяин кабинета, широко улыбаясь, – Я Мигуэль Санчес, инструктор райкома. А это товарищ Федорчук из советского посольства, помощник атташе по культуре.

Дипломат слегка наклонил голову. Волосы у него были с проседью, странным образом сочетавшейся со светлыми, почти бесцветными глазами. И, вообще, вид у него был какой-то блеклый, усталый, не улыбочивый.

«Тяжело ему, наверное, вдали от родины!» – мысленно пожалела мужчину Эстрелла.

– Я читал ваше сочинение и оно мне очень понравилось, – негромко произнес по русски Федорчук, – А бегло говорить на нашем языке тоже можете, Эстрелла Роза Мария?

«Откуда он знает все мои имена?» – удивилась девушка, а вслух ответила:

– Да, я говорю по русски, но, возможно, не очень быстро. Зато знаю на память много стихов и песен! Пушкина, Лермонтова, Маяковского!

– Говорите вы без ошибок, и выговор у вас правильный! – удовлетворенно кивнул дипломат, – А знаете ли вы, кто в СССР сейчас возглавляет Коммунистическую Партию Советского Союза, Эстрелла Роза Мария? – он опять старательно выговорил все её имена и ощутимо напрягся, как будто от ответа на этот вопрос зависело что-то важное.

«Легче ничего не мог спросить?» – подумала Эстрелла, а вслух ответила:

– Генеральный секретарь ЦК КПСС сейчас товарищ Андропов, Юрий Владимирович.

Санчес расцвел улыбкой и кивнул. Федорчук открыл папку, прочитал там что-то и тоже кивнул.

– А когда был основан Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи?

– 4 ноября 1918 года, на Всероссийском первом съезде союзов рабочей и крестьянской молодежи. Только тогда он назывался РКСМ, – без запинки ответила Эстрелла.

Федорчук снова открыл папку, перелистнул несколько страниц, прочитал правильный ответ и кивнул.

Последовало ещё несколько вопросов в том же духе. Эстрелла отвечала уверенно и правильно, это было видно по довольному лицу товарища Санчеса. И вдруг прозвучал вопрос, от которого у девушки аж в глазах потемнело:

– Хотели бы вы, Эстрелла Роза Мария, учиться в СССР?

Сердце десятиклассницы забилося часто-часто. Вот оно! То, о чем она – да и все её друзья! – мечтала всю жизнь! То, ради чего она зубрила до одури русские падежи и склонения, а также исключения, всякие, там: «стеклянный, оловянный, деревянный»! Поехать в Советский Союз, увидеть Ленина в Мавзолее, Кремль, Красную Площадь! Учиться на...

– Да, я очень хотела бы учиться в СССР... Но, на какую специальность?

Тут в разговор вступил товарищ Санчес:

– Родине нужны квалифицированные врачи, девочка. Есть мнение послать тебя в Москву учиться медицине.

Голова Эстреллы закружилась. Врачом! Она будет врачом! Да это же самая престижная работа... если не считать партийной!

– Партия и правительство возьмут на себя все расходы по твоему обучению, – продолжал Санчес, – Ты будешь получать стипендию, жить в общежитии, ни в чем не будешь нуждаться. Дорога туда и обратно тоже за счет государства. Надеюсь, ты оправдаешь наше доверие?

– Это высокая честь для меня! – слёзы наворачивались на глаза, мешая говорить, – Конечно, я оправдаю доверие Партии! Клянусь! – она непроизвольно перекрестилась.

Федорчук, увидев это, изумленно поднял бровь, но Санчес успокоил его движением руки: мол, все в порядке.

– Очень хорошо. Заканчивай школу, девочка. Ты получишь распределение на работу санитаркой в больницу имени Ленина, здесь, в Гаване, на Пласа-де-ла-Револуосьон. Для направления на учебу нужен год стажа, да и профессию лучше почувствуешь. Отработаешь год, и, если руководство даст тебе хорошую характеристику, станешь студенткой-москвичкой!

– КПСС и правительство Советского Союза со своей стороны сделают все возможное для получения вами, Эстрелла Роза Мария, самых лучших знаний! – добавил, по прежнему без улыбки, Федорчук.

Как дошла до дома, Эстрелла не помнила. Перед глазами сумбурно мельтешились кремлёвские звезды, картины Третьяковской галереи, которые она раньше видела в виде репродукций в журнале «Огонек», Большой Театр и, почему-то, темные распахнутые глаза незнакомого бледного парня.

На лавочке у подъезда, как всегда, сидели и судачили бабки-соседки. Увидев возвращающуюся Эстреллу, они оживились, гадая, почему девушка в будний день расхаживает при полном параде, во всем новом. Синьора Фернандес вынула сигару из беззубого рта и сложила черное морщинистое лицо в улыбку, предвкушая обмен свежими новостями. Синьора Ди Монтез придержала руку с семечками и тоже улыбнулась.

– Что нового, малышка Эстрелла? – спросила она, когда девушка, поравнялась с ними.

– Я еду учиться в Москву! На врача! – радостно выпалила красавица, – Прошу меня извинить, синьоры, я должна поскорее рассказать это маме! – и, прыгая через две ступеньки, побежала на свой третий этаж.

Бабульки немедленно покинули свой пост и резво двинулись: одна – в «Гастроном», а другая – в аптеку, чтобы возможно быстрее разнести сию новость по кварталу.

Отец был на работе, и Вероника ждала дочь одна, сгорая от нетерпения за двоих.

– Ну, что? – воскликнула она, когда сияющая, раскрасневшаяся и слегка растрепанная Эстрелла вихрем ворвалась в комнату.

– Ты меня сперва накорми, напои, да в баньке попарь, а потом уж и спрашивай! – важно ответила дочь по русски.

Вероника встала с дивана и уперла руки в свои широкие бёдра:

– Синьорита Рамирес! Рассказывай моментально, не то моё сердце лопнет по швам от любопытства!

– Мама! Меня решено послать на учебу в Москву! Я буду врачом! Ура! – темпераментно изложила новость дочь, кинувшись в объятия матери.

Слёзы счастья хлынули из глаз Вероники.

– Доченька! Да как же это! Такое доверие Партии! Тебе, совсем юной! – бессвязно восклицала она.

Позже, когда обе слегка успокоились, она заставила Эстреллу слово в слово пересказать разговор в райкоме. Внимательно выслушав, Вероника переспросила, напряженно думая о чем-то:

– В больницу имени Ленина, говоришь? Которая для правительства?

– Ну, да!

– Если будет выбор, просись в детское отделение, дочка.

– Но, почему в детское, мама?

Мать вздохнула и погладила дочь по голове:

– В правительстве у нас кто? Мужчины! А они все такие шалуны! Будут тебя щипать за попу во время мытья полов!

Эстрелла залилась краской. Тактильные контакты с лицами мужского пола у неё до сих пор ограничивались только танцами.

Вечером пришел со своей сигарной фабрики отец, и новость пришлось пересказывать заново. Пабло достал из буфета припасенную к празднику бутылку рому и сделал жене и дочери Мохито. Себе же налил чистого.

– Ну, девочки, выпьем за Советский Союз!

Все трое чокнулись и выпили. Стоя!

Всё вышеописанное произошло почти полтора года назад. Эстрелла закончила школу с одними пятерками в аттестате и отработала год в хирургическом отделении санитаркой. Мать оказалась права: пациенты пытались щипать за попу! Приходилось постоянно быть настороже и уворачиваться, но, в общем, было не так плохо. Характеристику заводделением написал отличную, и уже через неделю товарищ Санчес в торжественной обстановке вручил ей направление на учёбу во Втором Московском Медицинском Институте имени Н. И. Пирогова.

На проводах гуляли все друзья и знакомые семьи Рамирес, а также соседи, знакомые соседей и соседи знакомых. Вероника плакала: ещё бы, расстаться с доченькой на целых шесть лет! Пабло крепился, но подозрительно часто сморкался в красный клетчатый носовой платок...

Флагман «Аэрофлота» Ил-62М оторвался от бетона взлетно-посадочной полосы, набрал высоту. Из иллюминатора было видно кубики домов, серп набережной, бирюзовую гладь Атлантики. До свиданья, Куба!

6 мая 1984 года сотрудница посольства Республики Куба Анджела встретила новоиспеченную студентку в аэропорту «Шереметьево-2», помогла устроиться в общежитии и заверила, что будет за ней приглядывать.

– После праздников, 10-го, сходишь в деканат иностранных студентов, там тебе все объяснят, войдешь в курс студенческой жизни, а до тех пор – отдыхай, осматривайся. Если что – звони, поможем.

На прощание расцеловала в обе щеки.

Впервые Эстрелла осталась совсем одна, в новом, незнакомом мире. Голова кружилась от впечатлений, хотелось есть. Но где взять еду? Задумчиво перебрала тонкую пачечку советских рублей, выданных перед отлетом. Можно сходить в магазин... или в кафе. Подумав, решила, что обойдется и так. Выходить из комнаты на ночь глядя девушка побоялась. Общезнание огромное, шестнадцать этажей, коридоры с одинаковыми дверями – заблудиться можно! Подошла к огромному, во всю стену окну. За стеклом раскинулась загадочная Москва, но уже стемнело, и видно было только светящиеся разноцветные окна высоченных домов и огоньки ползущих по улицам машин. Через полчаса глаза начали неудержимо слипаться, и Эстрелла решила лечь спать: утро вечера мудренее! Закутавшись с головой одеялом, поплакала, сама не зная, почему, потом помолилась Деве Марии и провалилась в сон.

Утром голод заявил о себе с новой силой. Набравшись храбрости, Эстрелла вышла из комнаты и, хорошенько запомнив номер на двери – 16—3, подошла к лифту. Нельзя сказать, что сие устройство было ей совсем незнакомо: она видела лифт много раз в кино, взять, хотя бы, «Иван Васильевич меняет профессию»! Но вчера проехала первый раз, и то, кнопки нажимала Анджела. Заглянув в пустую кабину, решила не рисковать и спуститься по лестнице. На первом этаже она обнаружила кафе-самообслуживание. Посетителей было всего трое. Один парень уже принимал пищу за столиком у окна, две девушки набирали на подносы тарелки и стаканы. Эстрелла храбро последовала их примеру. Взяла тарелочку с сыром, который на родине завозили в Гастроном раз в месяц, рисовую кашу, масло, ломтик черного хлеба, который раньше не пробовала. Из напитков на стойке можно было выбрать чай, который не понравился своим видом сразу, или компот – мутноватая жидкость с какими-то ягодами. Взяла, попробовала – вкусно! Кофе, судя по всему, наливали из титана около кассы.

Женщина в несвежем белом халате окинула взглядом содержимое подноса, нажала кнопки на кассовом аппарате.

– Пожалуйста, кофе, – попросила Эстрелла.

Та кивнула, и налила светло-бежевую жидкость в граненый стакан.

– А сахар? – спросила девушка, любившая сладкое.

– Кофе сладкий! – пояснила кассирша, – Пятьдесят две копейки!

Тут вспомнилось наставление Анджелы насчет городского транспорта.

– Мне ещё талончиков на автобус! На... на рубль!

Эстрелла протянула два маленьких желтых бумажных рубля, и получив сдачу, отошла к столику. Сыр оказался очень вкусным, каша тоже, особенно с маслом. Часть масла намазала на хлеб. Получилось просто здорово! Но кофе... Да, он был сладкий. И горячий. Но вкус напоминал кофе так же, как луна напоминает солнце! Весьма отдаленное сходство, г-м. Выпив кофе и съев компот на десерт, Эстрелла вышла на улицу. Адрес, чтобы не заблудиться, записала на всякий случай: «Ул. Волгина, д. 37». На автобусной остановке села в первый подошедший автобус, справедливо рассудив, что куда-нибудь да привезет, а вернуться можно, сев на тот же номер. Пассажиров было немного, и нашлось место у окна. Примерно через полчаса, увидев большую вывеску «Универмаг Москва», Эстрелла решила, что стоит в магазин зайти! Так она оказалась на Ленинском проспекте.

Побродив по универмагу и ничего не купив, кроме флакона духов «Кармен», хотя соблазны так и лезли в глаза со всех сторон, девушка вышла на улицу, решив, что покупки сделает позже, когда будет с кем посоветоваться. Мало ли, может, в Москве носят совсем не то, что на Кубе! А вот продуктов купить необходимо, ибо питаться каждый раз в кафе, наверное, дорого. Не спеша она пошла по тротуару, высматривая вывеску Гастронома. Взглянула на часы «Заря», подаренные коллективом больницы перед отъездом: было 9:17. В этот момент у светофора раздались гудки. Эстрелла непроизвольно обернулась и оцепенела: на неё

в упор, не отрываясь, уставился распахнутыми до предела темными глазами красивый парень, сидящий за рулем огромного черного лимузина. Зрачки этих необыкновенных глаз ощутимо пульсировали, гипнотизировали, втягивали в себя. Перед ней как-будто открылся туннель, ведущий в иные миры! Это длилось долю секунды... Затем машины тронулись и парень исчез из виду.

Эстрелла застыла на месте. Что-то произошло, но она не могла понять, что именно. Парень, тот парень... Он снился ей... Или – нет! Она видела его раньше... Тоже нет! Но почему так сладко сжимается сердце?

Какой-то прохожий толкнул её, и девушка пришла в себя. Надо обязательно найти того кабальеро! Она не сможет жить спокойно, если не увидит его ещё раз! Отойдя к стене, постаралась думать логически. Он был за рулем шикарного автомобиля, в котором ездят, скорее всего, члены правительства. Значит – шофер. Уже есть, от чего оттолкнуться! Номер машины... Эстрелла закрыла глаза и сосредоточилась. Перед мысленным взором всплыло: 28—70... и буквы – МКА! Если позвонить Анджеке, та по своим каналам, наверное, сможет выяснить, кому принадлежит машина? Попробовать, во всяком случае, стоит! Телефон-автомат нашелся через минуту, но трубка была обрезана. Странно! Другой оказался в рабочем состоянии, слава Иисусу! Нетерпеливо накрутила диск. Гудки, гудки... Трубку никто не брал. Вспомнила: суббота, в посольстве выходной. Придется отложить поиски...

Сколь долго она шла, погруженная в свои раздумья, Эстрелла не помнила. Остановилась внезапно, перед входом в магазин с вывеской «Гастроном». Вспомнила, что нужно купить продуктов, вошла. В каждый отдел пришлось стоять отдельно, но, в конце концов, купила копченую колбасу, сыр, сливочное масло, картошку, подсолнечное масло (оливкового не было!), хлеб – белый и черный, яйца, макароны, соль, сахар, молоко, а главное – кофе! Отличные, крупные зерна «Арабика» из Бразилии. Пришлось купить также две сумки-авоськи, плетеные из сетки. В соседнем, хозяйственном магазине, купила сковородку с электрокофемолкой, пару тарелок, шесть вилок, шесть ложек (набор такой!), кухонный нож и, на всякий случай, штопор.

«Надо будет ещё кастрюлю купить!» – подумала Эстрелла, выйдя из магазина, но решила отложить это на потом. И так нагрузилась, еле поднять!

Остановка 196-го автобуса была через дорогу, около киоска «Союзпечати». В мозгу молнией сверкнула мысль: карта Москвы! Седенькая киоскерша долго рылась под прилавком, затем выпрямилась с улыбкой:

– Повезло тебе, девонька! Последняя, однако! Восемьдесят копеек давай.

Эстрелла протянула рубль.

– Ох-ти, а сдачи-то у меня нету! – огорченно всплеснула руками киоскерша, – Может, вот, авторучку за двадцать копеек возьмешь?

Это была маленькая хитрость, призванная служить выполнению плана.

Девушка радостно согласилась, ручка была в хозяйстве нужна.

– С Украины, что ли? – бабушке хотелось пообщаться.

– Нет... С Кубы.

– Ого! Далеконько!

Но беседу развить не удалось, позади Эстреллы уже топталась нетерпеливая очередь, да и нужный автобус подошел. На этот раз пришлось стоять, устроившись у заднего окна. Люди вокруг толкались, громко переговаривались, даже ругались. К Эстрелле вплотную приблизилась цыганка с чумазым младенцем.

– Ай, красивая-пышноволосая, дай рубль ребенку на молоко, а я тебе погадаю, что было, что есть, что будет скажу!

Улыбнувшись, Эстрелла вспомнила, как соседка, синьора Ди Монтез, природная гитана, учила её цыганскому языку. Достала из кармана брюк всю мелочь, протянула цыганке и сказала:

– Возьми! Но в гадание я не верю, ибо судьбы нет!

Цыганка, услышав это на языке, хотя и не совсем похожем на её собственный, но, тем не менее, понятном, взглянула пристально.

– Ты не отсюда, красивая, из другой земли, заморской. Откуда?

– Из Гаваны, с Кубы.

Ребенок заплакал, и цыганка, не стесняясь, дала ему грудь.

– Судьбы нет, красивая, это верно. Но, кое-что, сказать про тебя могу! Человек у тебя на сердце... Звать его Михаилом. Только... – тут она вдруг замолчала, в глазах её появилось странное выражение: не то восхищение, не то сожаление.

Отвернувшись, заторопилась к выходу, оставив Эстреллу в недоумении.

Вот и знакомые корпуса общежития! Протискавшись к двери, девушка вышла. Веревочные сумки немилосердно резали руки. Поставив авоськи на тротуар, долго массировала пальцы. Затем решительно подхватила ношу и направилась в корпус. Предъявив бдительной вахтерше новенький пропуск, храбро вошла в лифт и нажала кнопку 16-го этажа. Лифт мигнул лампочкой и вознесся.

«И ничего страшного! Подумаешь, лифт! Я ещё и на метро покатаюсь... с кем-нибудь... потом!» – улыбалась довольная собой Эстрелла, входя в свою комнату.

Разложив в тумбочке продукты и посуду, занялась неотложным делом: оставшимися от прежних жильцов кнопками укрепила на стене карту Москвы. Всмотрелась: вот здесь её общежитие... вот тут автобус повернул... вот Ленинский проспект... Вот оно, то самое место! Перекресток, где они встретились с... Михаилом? Может быть, его и вправду так зовут? Взяв новоприобретенную шариковую ручку, нарисовала на карте крестик.

«Я обязательно найду тебя! Не знаю, как, не знаю, когда, но найду!» – такая мысль настойчиво пульсировала в голове.

В дверь постучали. Кто бы это мог быть? Она же никого здесь не знает! Открыла, забыв спросить, кто там. На пороге стояла худенькая девушка с двумя чемоданами и стопкой белья подмышкой.

– Здравствуй... те... Комендант мне сказала, что у вас есть свободная кровать и я могу её занять, – несколько неуверенно, со странным акцентом, проговорила незнакомка.

– Да! Конечно! Входи... те, – обрадованно заулыбалась Эстрелла.

Девушка вошла, поставила чемоданы, положила бельё на койку.

– Давайте знакомиться! – она протянула руку, – Я Хельга Мюллер, из Шварценбурга. Это в ГДР.

– А я – Эстрелла Рамирес, из Гаваны! – пожала руку Эстрелла, – Это на Кубе!

Несколько секунд они изучающе разглядывали друг-друга. Хельга была блондинка с короткой стрижкой, длинноватым носом, большим тонкогубым ртом и серыми глазами. Не красавица, одним словом.

– Я только что приехала в Москву, голова от впечатлений трещит! – бледно улыбнулась Хельга, – А вы здесь давно?

– Давно... Вчера приехала, – сообщила Эстрелла, затем не удержалась и гордо похвасталась:

– Сегодня даже гулять ходила!

– О, так вы... как это сказать по русски... старожилица!

Обе облегченно рассмеялись.

– Я собиралась готовить обед. Вы, наверное, голодны? Поедим вместе?

– С удовольствием! Только у меня никаких продуктов нет...

– Неважно, я все купила! Представляешь, без талонов! Даже сыр!

Хельга недоуменно подняла брови: тайна торговли по талонам была ей неизвестна.

Совместное приготовление обеда на непривычной электрической плите способствовало сближению. К концу этого процесса девушки были уже на «ты». Правда, картошка слегка подгорела, но это не имело большого значения.

– Я привезла бутылку вина, чтобы отпраздновать приезд, – застенчиво поведала Хельга, доставая из чемодана упомянутый сосуд, – Только у меня нет штопора.

– Есть штопор, есть! – Эстрелла достала из тумбочки инструмент, – Давай, открою!

Чмокнула пробка, светлое вино забулькало в стаканы. Девушки чокнулись. Вино было сладковато-горьковатое, легкое, с отчетливым терпким привкусом белого винограда. Немецкий готический шрифт на этикетке Эстрелла расшифровать не смогла.

– Как называется это вино?

– Это есть «Либфраумильх», а по русски... э... «Молоко Любимой Женщины» – перевела Хельга.

– О! Тогда оно для мужчин!

Они смеялись, лопали жареную картошку с «Полтавской» колбасой, и разговаривали, разговаривали, разговаривали. Двум девушкам с разных концов планеты найдется, о чем поговорить, не так ли? Решили завтра сделать совместную вылазку в магазины, надо же чем-то тело прикрыть! А десятого числа они пойдут в деканат и попросят, чтобы их определили в одну группу.

Потом Эстрелла опробовала новенькую кофемолку и сварила кофе в маленькой кастрюльке для варки яиц, нашедшейся в чемодане Хельги. Не забыть завтра купить джезvu!

Хельга попробовала бодрящий напиток и сморщилась:

– Такой густой... как это сказать по русски... О! Как деготь! И горький!

– Так ты... это... сахару положи! – нашлась Эстрелла, слегка обескураженная оценкой своего кофеварного мастерства, ибо дома её кофе всегда хвалили.

Хельга всыпала в свой стакан три ложки сахара и долила молока.

– Никогда не пила такой крепкий! Я теперь, наверное, всю ночь не усну!

– До ночи ещё далеко, – возразила Эстрелла, – Слушай, а Расскажи мне о...

И они продолжали обмениваться информацией до самой темноты.

Наконец, зевая, девушки принялись готовиться ко сну. Когда Хельга надевала ночную рубашку, Эстрелла заметила нечто необычное, и, не удержавшись, спросила:

– А ты, что, подмышки бреешь?

– Ну, да! – удивленно откликнулась Хельга, – А ты, разве, нет?

Эстрелла смущенно промолчала, сделав вид, что ищет зубную щетку. Завтра она купит бритву, чтобы соответствовать европейским обычаям и стандартам!

Так прошло 7-е мая 1984 года.

Глава третья

Усатый казак в бараньей папахе с красной звездой налил два стакана водки из огромного самовара, стоящего посреди Красной Площади прямо в сугробе. Один стакан он протянул медведю, другой оставил себе. Медведь, довольно улыбаясь, произнес тост:

– Nazdoroviya! – после чего чокнулся с казаком и они дружно выпили до дна.

Казак вынул из кармана шаровар соленую селедку и закусил. В смысле, съел целиком, только голову выплюнул. Из другого кармана он достал балалайку и лихо ударил смычком по струнам. Медведь пустился вприсядку.

– Молодец, Топтыгин! Ай, молодец! Самец! – раздались одобрителные возгласы, – Ходи веселей!

Медведь старался во-всю, подпрыгивал, кружился, с криком «Асса!» метал кинжалы. Кинжалы с лязгом вонзались в булыжную мостовую.

– А ты что стоишь? – задорно крикнул казак Лючия, – Давай, тоже пляши!

– Я не умею, – застенчиво забормотала Лючия, но другой казак уже тащил её за руку:

– Не отнекивайся, знаем мы тебя!

Лючия принялась отбивать чечетку. Казак одобрително хмыкнул и налил ей водки из самовара. Не переставая плясать, Лючия выпила. Сразу стало жарко, снег заискрился радужными искрами.

– А теперь иди туда! – казак указал смычком на гранитное здание у кремлевской стены.

У входа, над которым золотыми буквами было написано «Баня», стояли часовые, тоже казаки, и делали приглашающие жесты. Лючия застенялась мыться в бане с самцами, в смысле, с мужчинами, и попыталась убежать, но грохнула Царь-пушка, одежда осыпалась с тела, как листья с каштанов, и... О-о... кругом мокрые голые тела самцов, они касаются её, похотливо трутся о бедра и грудь! Их руки все настойчивей, голова кружится от сладкой неги, тело сводит судорогой желаний... Лючия понимает: самцам нужно от неё только одно, и отчетливо представляет, что именно. Ей стыдно, но она ждет этого с нетерпением. Вот, вот...

Лючия проснулась, часто дыша от возбуждения. В спальне было душно, несмотря на открытое окно. Лицо и грудь были влажными от пота, болела голова, тархтело сердце. Стенные часы приглушенно прозвонили три четверти чего-то.

«Надо сходить в ванную, принять холодный душ» – решила девушка.

Надев халат, побрела босиком. Мягкий ковер ласкал разгоряченные подошвы, но, почему-то, сейчас это раздражало. Зайдя в душевую кабину, повернула золоченую рукоять в крайнее положение. Тугие струи хлестнули по плечам, хлынули на лицо, грудь и живот, зазмеились по бёдрам. Сразу стало легче: успокоилось сердце, прошла голова.

«Дурацкий сон! Красная Площадь, самовар, медведь, казаки... Подала, называется, заявление на советскую визу!» – хихикнула Лючия, выходя из душа.

Не вытираясь, встала перед зеркальной стеной. Подняла руки, слегка повернулась. Зеркало с готовностью отразило девичье тело среднего роста с широкими бедрами и большой красивой грудью. Отразило также и типичное лицо мадонны с полотен эпохи Возрождения, на котором выделялись немодные, густые, сросшиеся на переносице брови. Нос, губы и подбородок были очерчены четкими, но мягкими линиями. Правда, на голове волос не было (выпали по невыясненным причинам ещё в детстве!), но, несмотря на это, все равно очень симпатичное лицо! К сожалению, хозяйка отражения считала иначе...

Да, Читатель! Есть ещё люди, которых отсутствие растительности на голове ввергает в комплекс неполноценности! По мнению Автора это все предрассудки и пережитки палеолита, когда волосы реально были важны в хозяйстве: для утепления тела, силки или тетиву

для лука сплести, сеточку от комаров. Да мало ли для чего еще! А в наше время волосы носят только для декоративных целей и тратят на них кучу времени и средств: стрижка, укладка, шампуни всякие... Автор к волосам относится равнодушно, поэтому жена стрижет его под машинку.

«Я жирная, противная, лысая уродина!» – такая самокритичная мысль полыхнула в черных глазах, отрикошетировала от зеркала в сердце и наполнила его отчаянием. Двадцать семь лет! Она с каждым днём становится всё уродливей, мужчины едва взглядами достаивают... Хотя, сколько она здесь, в Палермо, мужчин встречает? Только друзья и знакомые братьев, проходящие иногда на обед... Где взять жениха!? Через десять месяцев стукнет двадцать восемь! Тогда вообще никто не взглянет, на старуху-то! Да ещё тот случай...

Десять лет назад к ним на виллу приехал из Америки друг покойного отца, дон Лукас с сыном Альфонсо. Альфонсо не был красавцем, но Лючии понравился: во первых, ровесник, во вторых, из Америки, в третьих... никого другого просто не было. Предоставленные сами себе, они быстро исчерпали удовольствия, предоставляемые виллой и садом. День напролет не погуляешь, игра в шахматы в беседке под сенью апельсиновых деревьев наскучила, и Альфонсо предложил Лючии... нет, не то, что ты подумал, Читатель! Немножко другое, что не нарушило бы девственность и не привело бы к нежелательной беременности. Французский вариант, ву компренэ? Лючия, в первый момент шокированная, поколебавшись два дня, согласилась – больше из любопытства, ибо никогда не видела Нефритовый Жезл, даже на картинке, и, тем более, не держала в руках. Ускользнуть из-под надзора дуэньи – старенькой донны Франчески было нетрудно...

Уединились в дальнем конце сада. Альфонсо разделся, но Лючия раздеваться не стала, как он ни упрашивал, только встала на колени. Когда она взяла смешной торчащий отросток в руки, то поразилась, какой он нежный и тёплый, и ласково погладила, как маленького зверька. Альфонсо тут же задержался и изверг фонтанчик вязкой мутноватой жидкости, запачкав Лючии щеку, парик и воротник платья.

За этим, приятным для Альфонсо и познавательным для Лючии занятием их и застукал старший брат Григорио! От немедленной жуткой смерти Альфонсо спасли только резвые ноги. Он, как был, голышом покинул место свидания и отдался под защиту отца. Когда разгневанный Григорио вслед за ним ворвался в комнату, парень уже был надежно спрятан под кроватью. Дон Лукас долго извинялся, упирая на то, что ничего непоправимого, дескать, не произошло, сын у него малолетний, глупый, и больше так делать не будет. Григорио прикинул, не убить ли заодно и дону Лукаса, но потом решил, что не стоит. Времена, увы, не те, объяснять придется, что, да почему... А объяснять не хотелось, дабы избежать огласки на всю Сицилию и грандиозного, несмываемого позора сестры. Скрипя зубами, согласился замять инцидент.

Через десять минут дон Лукас и Альфонсо уже не было на вилле, а Григорио надавал Лючии пощечин, от которых лицо так распухло, что даже в церковь было нельзя пойти. Всё, вроде, осталось в тайне, но поспешный отъезд высоких гостей породил слухи, что между Альфонсо и Лючией что-то было. Куда бы она ни пошла, в церковь, в кино или на базар, её провожали прищуренными взглядами и шептались за спиной. Это было невыносимо! Дабы вернуть утраченную репутацию, Лючия сходила на прием к гинекологу, синьору Чезаре Умберто. Все видели, как она входила в его клинику, и Палермо зажужжало с новой силой: зачем бы незамужней девушке ходить к гинекологу? Но все было точно рассчитано! Дело в том, что доктор не был сицилийцем и в Палермо практиковал всего второй месяц. На этом и был основан хитрый план опровержения слухов! Уже на следующий вечер один из его знакомых, подученный Григорио, спросил в кафе (при многочисленных свидетелях!) во время распития вечернего бренди, видел ли уважаемый доктор когда-нибудь сицилийскую девушку – не девственницу? Доктор честно ответил, что нет. Казалось бы, что ещё надо, чтобы заткнуть вонючие пасти

сплетников? Помогло! Слухи прекратились, но... как гласит народная итальянская поговорка: то ли Джузеппе колпак украл, то ли у него украли – все одно, в воровстве замешан! Окончательно обелиться не удалось... Через два месяца Лоренцо Литонегро, которого Лючии с детства прочили в женихи, уехал на учёбу в Рим. И даже не попрощался, паршивец! С тех пор в Палермо так и не приезжал ни разу... Других же кандидатов в женихи за долгие десять лет так и не появилось.

Здесь Автор хотел бы кратенько описать семью Лючии, чтобы Читателю, как говорится, легче было понятно.

Семья Каррера на описываемый момент состояла из двух братьев – Григорио и Костанцо, а также Лючии, самой младшей. От отца, почтенного дона Сильвестро, они унаследовали многомиллионное состояние, землю, фабрики и заводы, газеты и пароходы. Семью справедливо считали самой богатой на острове и завидовали.

Григорио управлял финансами, Костанцо – производством и торговлей. Лючия по мере сил помогала братьям, была чем-то вроде домашнего секретаря и вела хозяйство. Старший брат был бездетным вдовцом – жена погибла в автокатастрофе четыре года назад, младший был холост и в Палермо появлялся редко, жил в Риме. Так ему было удобней для бизнеса. Лючия во всем братьев слушалась, как и все сицилийские женщины, и, согласно их воле, никогда не покидала Палермо.

Сицилия – место специфическое. Сразу вспоминается Мафия! Но братья Каррера в сей гнуснопрославленной организации не состояли, хотя и поддерживали с руководством довольно тесные деловые и добрососедские связи. А как же иначе! Согласно местных традиций. Благодаря этому дела их процветали.

В 1983-м году Костанцо впервые поехал в Советский Союз на встречу с представителями Минплодоовощторга и заключил выгодное соглашение на поставку в СССР цитрусовых с собственных плантаций – всяких, там, лимонов, апельсинов сорта «Королёк», а также грейпфрутов. Дело пошло успешно! Пришлось даже скупать плоды у соседей. В 1984-м из Минпищепрома СССР поступило предложение о регулярных поставках крупных партий макаронных изделий. Обсудив его, братья решили, что только дурак упустит такую шикарную возможность нажиться, ибо макароны предполагалось отгружать не ящиками, и даже не грузовиками, но целыми поездами! Правда, цены советские партнеры предлагали низковатые.

– Придется тебе поехать в Москву, братишка, провести переговоры с коммунистами на высшем уровне. Жаль, что я не смогу тебе помочь, – Григорио похлопал Костанцо по плечу, – У меня на носу покупка банка. Представляешь, у нас собственный банк будет!

– Г-м... Да! Здорово! Но я не могу ехать один, – задумчиво почесал нос Костанцо, – Мне нужен помощник. Документы оформлять, подсказать на ухо, нужный параграф подчеркнуть... Референт называется.

– Возьми свою секретаршу!

– Не, Моника не годится... Дело слишком важное, если она проболтается хоть одной живой душой, то Белланостро, конкуренты проклятые, сразу пронюхают, и всё рухнет в одночасье! Они же сразу в Москву ринутся со своими спагетти и вермишелью, и цены собьют ещё ниже. А то и весь контракт перехватят!

Он вынул из золотого портсигара с монограммой сигарету «Лаки Страйк» и прикурил от золотой же зажигалки «Зиппо» (братья, да и Лючия тоже, очень любили золото!). Григорио тоже закурил. «Кэмел». Некоторое время они молчали, пуская дым колечками и спиралями.

– Давай, я Лючию возьму? – вдруг предложил Костанцо, – Она у нас толковая!

– Лючию? Но, она же сроду из Палермо не выезжала! – опешил Григорио, – А как же хозяйство?

– Хозяйство без неё не рухнет, – пожал плечами младший брат, – А ты не думаешь, что пора сестре мир посмотреть, мужа найти?

– Ну да, и она будет там, в Москве, шляться без присмотра! Мало ли, что! – ворчливо пробормотал Григорио, – Наш долг – выдать её замуж девственницей, а там пусть делает, что хочет, замужем, то-есть.

– Братишка! Очнись! На часах не девятнадцатый век! Лючия взрослая женщина! Ей скоро тридцать! Здесь ты, что-то, не много женихов ей нашел за последнее время! Может, она сама лучше справится с этим делом?

– В смысле, найти жениха? В Москве!? Ты спятил! Они же там все коммунисты!

– Ну, зачем же обязательно в Москве и обязательно коммуниста? Я с Лючией и в Рим поеду... и в Нью-Йорк.

Григорио не нашел, что возразить. Сестре, действительно, давно было пора замуж. Да и престиж семьи страдал: не то, чтобы стыдно, но неловко как-то перед людьми, что у сестры мужа нет.

Лючия получила паспорт и подала заявление на советскую визу вместе с Костанцо 7-го мая 1984-го года.

Отпраздновав дембель и отоспавшись, Сергей решил не рассусоливать, и уже десятого мая отправился устраиваться на работу. До армии Сергей проработал три года кузнецом, дойдя до пятого разряда – такая специальность везде нужна! Хотел поступить в институт, но, во первых, так и не решил, в какой, во вторых – было лениво готовиться к экзаменам, а в третьих, он зарабатывал очень приличные деньги, и идти на стипендию было жалко. Так и остался кузнецом. Мать-интеллигентка, преподавательница классической филологии, сначала была удручена, что сын не желает получать высшее образование, но потом смирилась, и даже гордилась, когда Сергей занял второе место на всесоюзном конкурсе «Лучший по профессии». Тем не менее, пока сын был молод и слаб, чтобы успешно отбиться от родительской заботы, она насильно впинула ему в голову знание латыни и иврита. Ну, и французский, до кучи. Все эти языки застряли там намертво, и Сергей немало удивлял народ и на работе, и, позднее, в армии, читая наизусть оды Овидия или исполняя под гитару песни на стихи Бодлера. Особист даже забеспокоился, не шпион ли рядовой Златогор, но проверка показала, что нет. Командир полка, которому Сергей помогал готовиться к экзамену по французскому для поступления в Академию Генштаба, активно сватал парня в институт военных переводчиков, туманно намекая на блестящую карьеру в... (ну, ты понял, в какой организации, Читатель!), но тот отказался, ибо к армии склонности не имел.

Лена работала на секретном военном заводе, и Сергей, подумав, решил, что пойдет туда же. А что? Надбавки всякие за секретность и вредность, большой отпуск! А если они с Ленкой решат пожениться (то-есть, если ОН решит на ней жениться, Ленка-то давно согласная!), то и квартиру можно будет быстрее получить. Да и ездить близко!

В отделе кадров ему обрадовались несказанно, ибо в кузницах ощущалась хроническая нехватка.

– Давай, товарищ Златогор, оформляйся, – придвинул ему анкету кадровик, сухоощавый дядька в стареньком военном кителе без погон, – Не пожалеешь! Наряды закрывать сам будешь! Четыреста, а то и пятьсот рубликов зарабатывать будешь!

Заполнив анкету и написав автобиографию, Сергей вернул бумаги кадровику.

– Ага, щас посмотрим... – отставник вздел круглые, как у Джона Леннона, очки на сизый, с прожилками, нос, – Так... происхождение из служащих, национальность нормальная... родственников за границей нема... не член... иностранные языки: французским, латынью... Свободно!?

Он поднял недоумевающие глаза на Сергея:

– Это, как это... Говорить, что ли, можешь по ихнему? По французскому?

– Могу! – пожал могучими плечами Сергей, – И читать, и писать – тоже.

– А латынь, это что? – навалившись грудью на стол, полюбопытствовал кадровик, ранее о такой диковине и слыхом не слыхавший.

– Тоже язык, только мертвый, – пояснил полиглот.

– Да кто ж его убил-то? – изумленно распахнул глаза не искушенный в лингвистике труженик отдела кадров.

– Никто не убивал, просто на нем никто не говорит. Потому и называют мертвым.

– Так, раз он мертвый труп, нахрена тогда кому нужен?

– На латыни книг много написано, читать не перечитать! Изучают...

О том, что владеет ещё и ивритом, Сергей в анкете не написал. Мало ли, что. Отношения с Израилем у Советского Союза были неважные.

Книжную науку отставной майор уважал, хотя в жизни не прочитал ни одной книги, кроме «Устава караульной службы».

– Слушай, а скажи что-нибудь по ихнему, ну, по латинскому! – азартно попросил бывший военный.

Сергей прочитал ему стихотворение Вергилия «Весна». Ну, ты помнишь, Читатель, про пастуха и пастушку младую, играющую на его свирели.

– Красивый язык... на украинский похож, – заключил кадровик, ни фига не понявший, но уловивший ритм и мелодику речи, и глубокомысленно добавил:

– Учиться тебе надо, Златогор!

– Да уже всему научили! – досадливо буркнул Сергей, – Я работать хочу!

– А, ну, да... Будешь, товарищ Златогор, кузнецом! Приказ через дня три будет, мы тебе позвоним.

Прощались за руку.

Михаил за остаток праздников развил бурную деятельность. Он решил расклеить портрет девушки по всему Ленинскому проспекту, особенно в районе универмага «Москва». Но, как решить проблему тиражирования? Ведь в те годы ксероксы и другие множительные аппараты были под замком, и несанкционированное копирование каралось довольно сурово, вплоть до уголовного преследования. Конечно, иногда можно было за коробку конфет договориться с техником и сделать копию нот, любимой книги или картинки... Но сие было в виде исключения, да и не любой-каждый знал, к кому обратиться.

Михаил пошел своим путем: принялся за гравюру. По стали! Шестидесят на сорок! Дело это трудоёмкое, кропотливое, за день не справиться. Работая по двенадцать часов в сутки, наш художник управился за десять дней. Первый оттиск вышел смазанным, ничего не разобрать, но второй и последующие девять получились отлично. Девушка, изображенная по пояс, смотрела с остро пахнущего краской листа, как живая, застыв в той самой позе удивления, в которой её запомнил Михаил. Помогавший печатать преподаватель Аскольд Арнольдич одобрительно причмокнул губами:

– Зачет, Миша! Конечно, есть небольшие огрехи, но в целом – очень хорошо!

Чиркнув спичкой, раскурил беломорину, зажатую в железных зубах (память о зоне!). Гравёр он был непревзойденный, и его очень ценили в институте. А на зону попал за то, что в молодости сделал из серебряной ложки две медали соседу-фронтовику, утерявшему их по пьянке. Медали получились лучше прежних, сосед нацепил их на люстриновый пиджак и пошел хвастаться всем подряд. Уже на следующий день за Аскольдом пришли. Статья была тяжелая: подделка государственных наград шла как фальшивомонетничество! Короче, дали восемь лет строгого режима с конфискацией. Сосед тоже получил три года, как сообщник.

Выпустив дым, Аскольд Арнольдич прищурился:

– Колись, Миша, зачем тебе столько листов?

– Да, так... – Михаил отвел глаза и покраснел.

– Значит, не желаем признаваться? Ну-ка, в глаза! В глаза мне смотреть! – преподаватель направил на студента мощную лампу, – Нам все известно, только лучше будет, если сам признаешься! Зачем, как чистосердечное признание!

– Девушку эту мне найти надо, Аскольд Арнольдич! – обреченно раскололся Михаил, – Видел её один раз, на Ленинском. Вот, хочу портрет развесить и подписать, чтобы, если кто её знает, то позвонили б мне по телефону...

– Ага, за вознаграждение! – неприлично громко заржал бывший зэк, – Как в Америке на Диком Западе!

– Может, всё же, сработает? – с надеждой поднял на него глаза Михаил.

– Сработает, обязательно сработает, – обнял его за плечи Аскольд, – Только, ты кроме этого, навести участкового. Портрет оставь и подкрепи... ну, хотя бы чекушкой. Думаю, так быстрее получится. А впрочем...

Он наклонился, и внимательно всмотрелся в портрет, невразумительно бормоча под нос:

– ... лицевой угол... долихоцефалия... челюстная ветвь... надбровные дуги... скуловой отросток...

Затем уверенно заявил:

– Тип лица и черепа не наш, не советский. Такое впечатление, что это, так называемый, латинский тип. Испания... а может – Португалия. Или Латинская Америка, но это менее вероятно, там другие типы из-за примеси индейской или негритянской крови, а чистокровные потомки европейцев редкость.

Михаил потрясенно уставился на маэстро.

– Что смотришь? – ухмыльнулся тот, закуривая новую беломорину, – У меня на эту тему ещё одиннадцать лет назад статья вышла! Иностранка твоя девушка! А, значит, что?

– Что? – прошептал Михаил севшим от волнения голосом.

– То! Одета простенько, фотоаппарата нет – значит, не туристка! Студентка, скорее всего. Там, на Юго-Западе, Университет Дружбы Народов, Второй Медицинский... ещё что-то... не помню. Там и ищи!

Сбивчиво поблагодарив старшего товарища и сравнив его с Шерлоком Холмсом, Михаил схватил отгиски и убежал. Дома он выяснит, где находятся и УДН, и медицинский, и все остальные ВУЗы. В стратегических местах, вроде деканата, развесит свои гравюры!

Десятого мая Эстрелла и Хельга отправились в Главный Корпус Института. Как поется в песне: «В первый погожий сентябрьский денек робко входил я под школьные своды...»! Только денек был не сентябрьский, а майский. Слегка пришибленные грандиозностью здания со множеством холлов, лестниц и коридоров, девушки, поблуждав немного, остановились перед дверью с табличкой «Деканат Иностраных Студентов».

– Проверь, ничего не забыла? – шепотом спросила подругу Эстрелла, нервно сжимая в руке паспорт, копию направления на учебу, пропуск в общежитие, профсоюзный билет и членский билет Организации Коммунистической Молодежи Кубы.

Порывшись в сумочке, Хельга достала аналогичный набор документов.

В деканате сидела немолодая, лет тридцати, дама с мощно раскрашенным лицом, и покрывала ногти ярко-красным лаком. Декольте её гипюровой блузки было призвано разить мужчин наповал, а микроскопическая мини-юбка открывала ноги до самой поясицы. Табличка на столе гласила: «Секретарь».

– Вам что? – поинтересовалась она холодно, оторвавшись на секунду от своего творческого занятия.

– Мы... это... узнать... иностранки мы... – проямлила Эстрелла, сбитая с толку видом официального лица (так на Кубе выглядели путаны!).

– Фамилия? – строго спросила секретарь женского рода, изящно помахивая растопыренными пальцами.

– Рамирес...

– Мюллер...

– Посмотрите сами, вон в той папке!

На папке было написано: список иностранных студентов, зачисленных на первый курс лечебного факультета. Соприкасаясь головами, девушки нашли свои фамилии.

– Ну, все в порядке? – нетерпеливо подала голос дама, которой посетители мешали сосредоточиться на важном и неотложном.

– Да, в списках мы есть. А что нам теперь делать, до первого сентября?

– Так, вам не сказали, что ли?

– Нет, мы в первый раз...

– Вон в той папке, возьмите свои направления в летний лагерь!

В указанной папке нашлись направления в летний лагерь труда и отдыха. Отъезд предполагался 15 мая.

– Будете работать в совхозе и изучать русский язык! – снисходительно пояснила раскрашенная дама, – Зайдите через часок, получите проездные документы и студенческие билеты. Декан подписать должен, но он задерживается.

Хельга и Эстрелла поспешили выйти.

– Может быть, пойдем, пока, в библиотеку запишемся? А то у меня читать совершенно нечего! – предложила Хельга.

Эстрелла согласилась, и они пошли искать библиотеку. Но, увы! Без студенческих билетов им выдать книги отказались. Послonyaвшись бесцельно по зданию, заглянули в несколько аудиторий и набрали на кафетерий. Чтобы убить время, взяли бутылку напитка «Байкал».

– На кока-колу похоже! – одобрила сей изыск советской пищевой промышленности Хельга.

– Ты пила кока-колу? – изумилась Эстрелла, – Но, это же буржуазный напиток!

Тут настала очередь удивиться Хельге:

– Как это, буржуазный? Американский?

– Ну... нам дома всегда говорили, что кока-кола, жевательная резинка и виски являются буржуазными продуктами...

Хельга захихикала. Напиток «Байкал» тонкой струйкой пролился у неё изо рта, и она вынуждена была поспешно вытереть подбородок салфеткой.

– Глупости все это! – безапелляционно заявила немка, отсмеявшись, – Буржуазной бывает идеология... Ну, ещё мода! А еда и напитки – нет!

Эстрелла, слегка обидавшись, запальчиво спросила:

– Но, ведь, Коммунистическая Партия зря не скажет?

– Это у вас так называемые «перегибы на местах»! – парировала Хельга.

Эстрелла задумалась. Кто его знает, может, и правда, перегибы... Решила на скользкий путь политических дискуссий не ступать.

Ровно через час они снова были в деканате. Помимо секретаря, там обнаружился и декан, небритый, но все равно импозантный мужчина лет сорока в белой рубашке без галстука, жадно пьющий холодную воду из графина. Ну, после праздников человек!

– Здравствуйте, здравствуйте! – ответил он на приветствие девушек, – Насчет зачисления? Вот ваши документы. Рамирес кто?

– Я! – отозвалась Эстрелла.

– Держите! – слегка трясущейся рукой он протянул ей конверт из грубой бурой бумаги.

Эстрелла взяла и поблагодарила.

– Поедете в Крым, в лагерь труда и отдыха при совхозе «Путь Ильича». Совхоз садоводческий: персики, абрикосы, черешня, вишня, яблоки... Будете помогать собирать урожай и русский язык изучать. Помимо стипендии, ещё и зарплату получите, да!

Декан снова выпил воды и икнул.

– Ладно, всё пока... Теперь разберемся с вами, девушка... Вы – Рамирес?

– Нет! – опешила Хельга.

– А кто?!

– Мюллер...

– Г-м, странно... А Рамирес кто?

– Рамирес – это я! – сделала книксен Эстрелла.

– Ах, да! Энтшульдиген зи... Битте, вот ваши документы, фройляйн Мюллер. Счастливого пути!

– А не могли бы вы зачислить нас в одну группу, геноссе декан? – застенчиво попросила Хельга, впечатленная в самую середину беглым немецким языком высокого начальства, – Мы в одной комнате живем, хотелось бы и учиться вместе.

– Сделаем! – веско пообещал декан, сдерживая отрывку.

И девушки с облегчением вышли на майское солнце. Настало время воплотить в жизнь грандиозные планы: покататься на метро, посетить магазины, сходить в кино, а может даже и в театр! Эстрелла предложила для начала поехать в магазин «Москва», смутно надеясь встретить там парня своей мечты. Хельга согласилась охотно, и, втиснувшись в автобус, подруги поехали отовариваться.

Около универмага Эстрелла долго озиралась, но, конечно, зря. Как мы помним, Михаил в это время был занят гравированием её портрета.

Первым делом она купила в галантерейном отделе красивый бритвенный станок «Буденновец» и упаковку лезвий «Нева». Хельга в это время стояла в очереди за бельём.

– Смотри, Эстрелла, какие лифчики замечательные! Румынские! – гордо похвасталась она, – Я сразу два купила!

Лифчики, действительно, были очень симпатичные, с косточками и кружавчиками, но кубинка только равнодушно покачала головой:

– Не, мне не надо! Я их не ношу.

Хельга с затаенной завистью покосилась на шикарный бюст подруги.

Купили по паре купальников – в Крыму, ведь, море! Ну, и много чего ещё, без чего девушки обойтись не могут. Через три часа, нагруженные сумками, выбрались на свежий московский воздух, пахнувший выхлопом множества автомобилей, дымом котельных и отходами производства какой-то химической фабрики.

– Придется вернуться в общагу! – огорченно вздохнула Хельга, – Разгрузимся, пообедаем, а тогда уж поедем кататься на метро!

Эстрелла не без зависти отметила, что русский язык у подруги более продвинутый, чем у неё. «Общага» – это местный жаргон, надо запомнить!

Глава четвертая

Михаил последовал совету Аскольда Арнольдича и на следующий день посетил Опорный Пункт Охраны Правопорядка, в зону которого входил универмаг «Москва» и прилегающая территория. Участковый, немолодой капитан с усталыми, но добрыми глазами на волевом и мужественном лице, накануне отмечавший День Парижской Коммуны и, заодно, годовщину Бородинской Битвы (неважно, что эти события произошли не в мае, главное, чтобы народ о них помнил, не так ли?), долго не мог понять, что хочет от него этот странный парень, сбивчиво пытающийся объяснить, что ищет девушку.

– Так ты толком скажи, чо она тебе сделала-то! Тогда и дело заведем, и в розыск объявим! Вот тебе бумага, пиши заявление, значит! – подсовывал он бланк и ручку посетителю, думая при этом: «Нехай пишет своё заявление и валит отсюда! А там видно будет, может, и не надо будет дергаться, регистрировать и меры принимать...»

Присмотревшись к милиционеру и приняв дыхание, Михаил решил зайти с сильных козырей. На стол была водружена бутылка «Столичной». При виде сосуда с эликсиром счастья капитан враз посерьёзней и подобрался, почувствовав печенью, что дело серьёзное.

– Понимаете, товарищ капитан, мне просто очень надо найти эту девушку. Я видел её на подведомственной вам территории. Вот портрет! Вот мой телефон... Если вы мне поможете, то моя благодарность будет безгранична в пределах разумного. А это – аванс!

– Ага! Частным, значит, порядком? – обрадовался участковый, – Это мы завсегда!

Он всмотрелся в гравюру и помотал головой:

– Не, не видал... Но, ежели увижу, документы обязательно проверю и вам сообщу!

– А можно в, так сказать, сопредельных участках ваших коллег задействовать? Вам проще, вы всех участковых знаете, да и факс у вас, я гляжу, есть... А за мной не заржавеет! Награда найдет героя обязательно! – выразительно глядя в глаза служивого, Михаил встряхнул сумку и оттуда раздался мелодичный звяк.

– Ну... можно, конечно, попробовать... Только дело это непростое, факс посылать да объяснять каждому, что, да почему... – вильнул глазами капитан, обреченный никогда не стать майором.

– Понял! Вот, ещё одна, для преодоления трудностей!

На стол встала ещё одна поллитра.

У участкового аж дыхание пресеклось от восторга.

– Да, щас, прямо при вас и зашлю!

Он уже прочно был на «Вы» с Михаилом и любил его, как родного.

Через десять минут факс, содержащий портрет девушки и просьбу позвонить, буде её личность удастся установить, а также обещание награды, был разослан дюжине участковых, тем самым обеспечив розыск по всему Юго-Западу столицы.

Попрощавшись за руку с благодетелем, капитан проводил его до двери и долго смотрел вслед, восхищенно бормоча:

– На какие только жертвы люди не идут из-за любви!

Покинув гостеприимные стены казенного дома, Михаил двинулся в Университет Дружбы Народов. Там ему сообщили, что все иностранные студенты, кроме имеющих задолженности, разъехались на каникулы в трудовые лагеря, а кто и на родину. Прикрепив на входной двери гравюру, подумал, что стоит попытаться уговорить секретаршу показать личные дела. Вернулся, объяснил суть дела, намекнул на награду, пытаясь внести аванс шоколадкой «Алёнка». Не прокатило! Секретарша оказалась неподкупной, а может, награда была маловата (Михаил

сулил макияжный набор «Ланком» и французские духи «Шанель №5», которые намеревался экспроприировать у сестры!). На самом деле, она бы с радостью выполнила просимое, но личные дела хранились под замком в сейфе, куда бедняжке, жутко хотевшей красить веки настоящими буржуйскими тенями и пахнуть подлинным парижским парфюмом, доступа не было. Упускать щедрого посетителя ей не хотелось, и она, пообещав позвонить, если девушка найдется, деликатно прозондировала почву вопросом:

– А, может, и я на что сгожусь?

Михаил вежливо ответил, что для его целей, которые он разглашать не имеет права, годится только девушка с портрета, после чего поспешно ушел.

Уже изрядно уставший и вспотевший в толчее общественного транспорта, он добрался до главного корпуса Второго Мединститута. Найдя Деканат Иностранных Студентов, задержал дыхание и, после секундного колебания, вошел.

– Здрав... ствуйте...

Приветствие застряло у него в горле, ибо он застал секретаршу за примеркой замечательного югославского лифчика! Другая дама, одетая, сидела у стола, и была, по всей видимости, поставщиком сего дефицитного товара.

– Мущина! – сурово рыкнула она, – Вы что, читать не умеете? Ясно же написано: ПЕРЕРЫВ!

Сконфуженный Михаил выскочил в коридор и вернулся только через полчаса. Из-за этого мелкого, в общем, инцидента, полноценный контакт с секретаршей установить не удалось. На вопрос, видела ли она девушку, изображенную на портрете, ответ был получен отрицательный. Элеонора (Автор вспомнил, как звали даму!) имела дефект памяти: запоминала только мужские лица. Просьба показать личные дела вызвала на её лице презрительную улыбку и покручивание у виска указательным пальчиком с наманикюренным ногтем. Обещание вышеперечисленной награды эффекта не возымело. Грустный и обескураженный Михаил повесил свой постер около входной двери в деканат и отправился дальше, к выходу из корпуса, разминувшись с немолодой женщиной в синем халате с ведром и шваброй в руках.

Уборщица тётя Зина медленно брела по только что собственноручно вымытому последнему коридору. Рабочий день подошел к концу, оставалось только отнести ведро и швабру в подсобку. Самочувствие было неважное, опять давление поднялось, да ещё болел тромбофлебит. Настроение тоже не брызгалось фонтаном радости: сожитель Федор, пребывая в запое все праздники, отнял утром последнюю трешку, да ещё и в глаз кулачищем заехал! Какое уж тут настроение... Навстречу быстро прошагал темноволосый парень с тубусом подмышкой. Иностранец, конечно. В этом крыле русских не встретишь! В сердце зыграла досада:

«Ходят и ходят... А чего ходят? Только грязь таскают! Ить, вон, следы-то! У, понаехали, а нам за ними подтирай, за инородцами-нехристями!»

Остервенело протерла пол. А это ещё что за безобразие?

«Батюшки! Ещё и плакаты где ни попадя порасклеили! Ну, вообще, оборзели: стены пачкать!»

Тетя Зина злобно сорвала Мишину гравюру и, не вникая в содержание, скомкала её и выбросила в мусор.

В тот день Михаил посетил ещё какой-то не то химический, не то электрический институт и Университет. Увы, везде было одно и то же: иностранные студенты на каникулах, девушку опознать никто не смог. Но, тем не менее, сеть была раскинута, портреты висели на самых видных местах, суля награду за информацию. Оставалось ждать...

Марина стояла на правой ноге, поставив левую на собственную голову. Репетиций сегодня не было, но в форме себя держать надо? Опустив ногу, прошлась на пуантах. Всё! Можно и домой. Быстренько ополоснувшись в душе, оделась и вышла на улицу. До дома было недалеко – минут сорок пешком, и девушка приняла решение не давиться в автобусе, благо погода была солнечная и безветренная. Встречные мужчины провожали её восхищенными взглядами: Марина была красива, знала это, и старалась поддерживать свою красоту на должном уровне. Ну, там, макияж-маникюр-педикюр-эпиляция и солнечные ванны. С последним пунктом были проблемы. На пляж часто не выберешься, да там и загорать приходится в купальнике, а от него попа и грудь белыми остаются! Есть, правда, нудистский пляж в Серебряном Бору... Но туда ездить далеко и неудобно, к тому же одной стрёмно. Пыталась уговорить Виталика, но он, дубина стоеросовая, насупился и наотрез отказался. Комплексы у него, понимаете ли!

Выручила дедовская квартира: лоджия была открыта солнцу до самого полудня! Марина притащила туда старую раскладушку и целых десять дней (ну, не подряд, конечно!) загорала абсолютно без ничего, подрумянившись, как булочка. Но в последний раз заметила с горечью и досадой, что с чердака соседнего дома на неё кто-то пялится в бинокль. Астроном, блин! Так и подмывало взять дедову двустолку и шарахнуть по этому козлу картечью! Поразмыслив, решила отомстить по-другому. На другой день снова, как ни в чем ни бывало, расположилась загорать, а Виталик сидел в комнате и ждал сигнала. Когда в чердачном окне вновь бликнули стекла, Марина, сделав вид, что ничего не заметила, дала знак Виталику. Тот спокойно поднялся на чердак и от души накомистил по шее любителю подглядывать, а бинокль разбил. Месть была сладка, вопли избиваемого донеслись до слуха небесной музыкой, но загорать на дедовой лоджии Марина больше не стала. Мало ли, вдруг ещё кто-нибудь подглядывать станет!

Вспомнив все это, Марина улыбнулась. Она уже подошла к дому, где ждал обед. Настоящий, с борщом, котлетами и жареной картошкой, а не с надоевшими пельменями и сосисками! Вчера приехала мама. На недельку, провести детей и свёкра. Они с отцом уже три года жили на Севере, выслуживая полковничьи погоны. Оставлять без присмотра вполне ещё бравого сорокавосемилетнего мужа, подполковница надолго не решалась, ибо природа не терпит пустоты. А неделя была оптимальным сроком: по данным агентства, муж после её отъезда записывал ровнехонько на пять дней, а потом ещё два выходил из штопора! На баб, таким образом, времени не оставалось. Так и повелось: раз в два-три месяца она ездила к детям, а муж отдыхал от семейных уз. Но в отпуск, конечно же, ездили вместе. Месяц проводили в каком-нибудь санатории, а другой месяц – с детьми, в Москве. Этот месяц был для Марины тяжелым испытанием, ибо, привыкнув жить без родительской опеки, она была вынуждена сдерживать души прекрасные порывы. Ну, не приведешь же при родителях мужика? И домой приходится возвращаться в одиннадцать часов, сразу после спектакля. Никакой личной жизни! А неделя – это ничего, вытерпеть можно легко.

Мамы дома не оказалось, дверь открыл хмурый Мишка.

– Обедать? – строго, на правах старшей сестры (она родилась на полчаса раньше!) спросила Марина.

– Не, тебя ждал. Одному скучно.

Разогрели борщ, сели на кухне за стол, застланный клеёнкой в цветочек.

– Чего такой квелый? – участливо поинтересовалась Марина, натирая горбушку чернышки солью с чесноком.

Михаил ответил не сразу.

– Девушку видел... Пытаюсь теперь найти...

– Ух, ты! Новая любовь, значит? А Ольга как же? У-у, изменщик коварный! – засмеялась сестра, бывшая в курсе всех увлечений брата, и, частенько, знакомившая с ним своих подруг, – Ну-ка, рассказывай!

К амурным делам, своим и братниным, она относилась легко.

Михаил скорбно вздохнул и подробно рассказал, что за девушка, как Аскольд Арнольдич предположил, что она иностранка, как он задействовал участковых и как пытался провести разведку в деканатах ВУЗов. Доевши борщ, принес и показал гравюру. Марина сделала легкомысленный жест рукой:

– Найдется, никуда не денется! Жаль, что я тебе никак помочь не могу.

Принялись за второе – жареную картошку с котлетами.

– Ты почту проверял?

– Проверял. Тебе письмо.

– Не «Тебе», а «Вам»! – дурачась, улыбнулась Марина.

– Знамо, вам! Нам оно нахрен не нужно! – поддержал старую шутку Михаил, – Эвон, на тумбочке в прихожей лежит!

Письмо было в необычном, не советском конверте, с иностранными марками. У Марины ёкнуло сердце: неужели, от Костанцо? Нетерпеливо разорвав конверт, принялась разбирать французские слова. Синьор Каррера писал, что собирается приехать в Москву в августе. По делам, да, но очень хотел бы увидеть вновь звезду своих очей и покорительницу сердца – Марину! Воспоминания о проведенных совместно часах свиданий не дают ему покоя.

Марина задумалась, ибо дело было серьёзное. Ставка, как говорится, больше, чем жизнь! Выйти замуж за этого богатого иностранца было её мечтой – не век же со сцены ногами дрыгать! Приезд итальянца должен был стать решающим – или он сделает, наконец, предложение, или распрощается раз и навсегда. Дольше эта неопределенность тянуться не может! Времени для принятия решения у него было много.

Впервые она встретила Костанцо Каррера в 1982-м, на гастролях в Риме. В «Лебедином Озере» Марина танцевала «Танец Маленьких Лебедей», на правом фланге. После спектакля к ней за кулисами подошел импозантный итальянец с усами, вручил шикарный букет роз и восхитился мастерством исполнения. При этом многозначительно поцеловал руку и шепотом предложил встретиться позже. О, он понимает, что за всеми артистами следит КГБ, но если синьорита позвонит ему (тут он протянул карточку), то он что-нибудь придумает. Марина, сообразив, что такой шанс бывает раз в жизни, позвонила из пансионата, где их разместили, глубокой ночью, когда все – в том числе и балерун в штатском – уже давно спали. Через четверть часа кавалер встретил её у служебного входа. Сияющий лимузин принял их в своё чрево, пахнущее новенькой кожей, одеколоном «Хьюго Босс» и коньяком, и повез в отпадный ресторан, название которого юная балерина не запомнила. Икра, шампанское, устрицы с соусом «Табаско», форель с молодой картошкой, обалденный десерт «Тирамису», ликеры, вонючий сыр «Горгонзола»... Костанцо все время целовал руки, закатывал глаза, шевелил усами, расписывая, как он очарован синьоритой Мариной. Затем они поехали в роскошный отель, где швейцар, выглядевший как генералиссимус в парадном мундире, с поклоном открыл им дверь.

Номер, в который шагнула Марина, был просто сказкой из кино про богачей: вся мебель белая с позолотой, на столике ваза с фруктами, многие из которых она даже на картинках не видела, огромный телевизор... а в спальне – кровать! Огромная, как кухня в бабушкиной квартире, с резными позолоченными балдахином и балдахинами! Шелковые простыни и наволочки при дотрагивании вызвали сладостные судороги! Ой, голова кружится! Она изящно упала на... э-э... ложе любви и закрыла глаза. Тут же почувствовала, как трясущиеся от нетерпения руки Костанцо неуклюже срывают с неё одежду, обувь и бельё. Слава Богу, хоть бельё нашлось приличное, югославское, раздеться не стыдно!

Короче, заморочил коварный буржуй наивной советской девушке голову, усыпил бдительность и взял самое дорогое! То-есть, это он так думал, г-м. Марина, вращавшаяся в кругах опытных лицедеек, знала, как имитировать расставание с девственностью, и в нужный момент на простыню пролилось несколько капель настоящей крови, а на подушку – несколько настоящих слезинок.

Отдышавшись, Костанцо осознал, что он натворил, и попытался загладить свою вину подарками. Был срочно принесен каталог товаров на французском языке, дабы синьорите было легче понятно.

– Я куплю тебе всё, что захочешь, *saга mia*! – стучал себя кулаком в грудь влюбленный итальянец, – Только покажи пальчиком!

Для начала нежный пальчик возлюбленной прошелся по секции женского белья. Затем – по разделу верхней одежды, включив в заказ полдюжины блузок, столько же свитерков и плащей, а также дубленку и демисезонное пальто. Ну, и маленькую кожаную курточку, кожаную жилеточку и кожаный же плащик!

– Мне стыдно признаться, но там, в Советском Союзе, мне буквально нечем прикрыть тело! Я хожу в одном и том же платье с восьмого класса! – горько прошептала Марина.

Костанцо впал от этого заявления в шок и активно понудил даму не стесняться и выбрать как можно больше всего: обувь, там... косметику, парфюм... видеокамеру и видеомagneитофон... и ещё один видеомagneитофон!

Когда заказ был скомплектован, он от себя добавил гарнитур из перстня, серег и кулона с натуральными рубинами цвета «Голубиная Кровь». Большими!

– Пусть эти камни своим цветом напоминают мне твою девственную кровь, *mia paloma blanka* (моя белая голубка, – итал.)! – высокопарно возвестил Костанцо и поцеловал Марину в шею долгим поцелуем.

Хорошо, хоть, засоса не сделал!

– Как это? – не поняла девушка, – Сам, что ли, носить будешь?

– Ну, что ты, дорогая! Носить будешь ты, а я любоваться! Мы обязательно встретимся ещё!

Заказ был продиктован по телефону и через час доставлен в номер! В общем, одарил по царски! А, вот, жениться не предложил, коварный соблазнитель! Но, для начала, было и так неплохо.

В пансионат она вернулась ранним утром, на цыпочках проскользнула в комнату, из последних сил волоча коробки, сумки и свертки. Конечно, соседки по номеру, проснувшись, заметили подарки, моментально люто обзавидовались и стали приставать с расспросами, но Марина колотья не стала. Подарки? А неизвестно, от кого подарки! Я всю ночь здесь была, никуда не выходила. Проснулась в туалет сходить – а тут полно всего, и карточка приложена: для синьориты Марины Михайловой! Моё, всё моё, отвалите!

Товарищ балерун, прикрепленный к коллективу, тоже долго допытывался, что, да как, да почему, но, получив от Марины новенький видеомagneитофон (страшно дорогая вещь в те годы! За две штуки можно было машину «Жигули» выменять!) и кое-что ещё, не материальное, но очень приятное (два раза, причем один раз – нетрадиционным способом!), разяснил жаждущему справедливой кары народу, что оснований для репрессий не имеется. В связях, порочащих высокое звание советской артистки, комсомолка Михайлова не замечена, в шпионаже не уличена. Мало ли, может, кому-то её искусство танца сильно понравилось, вот и прислал несколько сувениров! Чо такого-то? Балерины уныло заткнулись, но завидовать не перестали. Ну, и фиг с ними! На всех богатеньких Буратинов не напасешься, тут уж которой повезло – той повезло!

Второй раз встреча синьора Каррера и его возлюбленной произошла в 1983-м, во время его деловых переговоров с Минплодоовощторгом. Снова были ночи, полные бурного секса

(брательника каждый раз приходилось выгонять ночевать к деду!), клятвы в любви и верности, подарки из магазина «Берёзка», торговавшего за валюту, и обильные слёзы при расставании. Через полгода Костанцо приехал просто так, в отпуск. Две недели пролетели, как один день! И всё это время Марина ненавязчиво, но очень старательно внушала ему, как ей плохо быть одной, как она скучает без него, как мечтает родить от него ребенка (*bambino*, вы понимаете?). При расставании любовник подарил кольцо и серьги с большими брюликами и был грустный-грустный. Хороший признак!

И вот сейчас кандидат в женихи приезжает снова! В августе всё решится. Да и пора ему жениться, возраст к сорока подходит!

Быстренько подсчитала в уме даты и сроки: нет, всё складывается удачно, родители будут в санатории до сентября, а значит – не помешают! Да, а братец?

- Миш! – позвала Марина, спрятав письмо.
- Аюшки? – отозвался тот из кухни.
- У тебя, вообще, какие планы на лето?
- Да в июле собирались с ребятами в Крым поехать... Вот, сессию сдадим...
- Ну? А куда именно?
- В Судак, скорее всего. Или в Коктебель. Там натура классная...
- Надолго поедешь-то?
- Месяца на полтора-два. Меньше смысла нет.

Марина удовлетворенно улыбнулась. По крайней мере, на момент приезда Костанцо Мишка не будет путаться под ногами!

Сергей приступил к работе в почтовом ящике. Работа как работа, творческая – ковать изо дня в день что-нибудь железное. Коллектив был нормальный, коллеги-кузнецы в меру пьющие. Кормежка в рабочей столовой соответствовала самым взыскательным вкусам. В первую же получку огреб денег едва ли не в два раза больше, чем на прежней работе, до армии. Ого! После смены, как положено, поставил товарищам водочки. Прописка называется! Гулять решили наискосок от проходной, в пивном ларьке, знаменитом тем, что пиво там не разбавляли и стирального порошка не сыпали. Взяли по паре пива и встали в закутке, у забора, чтобы не бросаться в глаза.

– С работягами шутки плохи! Прежняя королева пивного-то насоса пыталась мухлевать, так ей, невзирая на женский пол, токаря звездюлей навешали. Уволилась, и даже жаловаться не стала! А когда новая труженица торговли пришла, мы с ней устную конвенцию заключили: не доливай, хрен с тобой, мы понимаем, что тебе тоже жить надо, но разбавлять и портить порошком – не смей! – объяснил Сергею феномен честного пивняка Данила-мастер, нарезая толстыми ломтями хлеб и сало.

На чистой газете вскоре образовался приятный глазу рабочего человека натюрморт: несколько вареных картофелин в кожуре, сало, зеленый лук, головка чеснока, хлеб и копченая скумбрия, истекающая жирком. Ну, и горочка соли.

На правах старшего, Данила-мастер провозгласил тост:

– Ну, Сережа, за твоё плавное вливание в коллектив!

Все четверо (пардон, забыл сразу сказать, сколько людей участвовало в застолье!) выпили по сто двадцать пять граммов (между прочим, в старину это равнялось половине чарки!) и принялись не спеша закусывать. К ним бочком подошла тетка неопределенного возраста с замызганной кошелкой и старым, полувыцветшим фингалом под левым глазом. Это был ангел второй статьи Вагабонд, замаскировавшийся для выполнения задания Высшего Командования.

– Вам бутылочка пустая не нужна? – вежливо показала пальцем тётка в кавычках на опорожненную поллитровку.

– Забирай! – беспечно махнул рукой Иван.

– Вот спасибо! – обрадовалась та, – Ещё три штуки найти – и на красненькое хватит! А то хоть помирай!

Сергею стало её жалко: пьющая, опустившаяся... но – человек! Он пошарил в кармане и достал тяжелый металлический рубль с профилем вождя мирового пролетариата:

– Трубы горят? Вот, возьми, мамаша, теперь на красное точно хватит!

– Вот спасибо-расспасибо! – растроганно поблагодарила тетка, – Щас мухой на электричку – и к себе, в Ворсино. Тама в сельпе «Солнцедар» возьму – здесь-то, в столице им не торгуют! – и ещё на завтра пивка купить останется! Ты мне целого Ленина дал – пушай он к тебе со счастьем вернется.

Кузнецы заржали:

– Слышь, молодой! Ленин – к счастью! Ха-ха!

Тетка тоже улыбнулась какой-то очень хорошей улыбкой, не вязавшейся с её обликом бродяжки, и изрекла:

– Молодой, да ранний! Сергей Сергеич ещё вас всех мастерством превзойдет!

Сергей моргнул: откуда она его знает? Пока моргал, тетка исчезла. Странно!

Мужики уже переключили внимание на пиво и на чудное происшествие не обратили внимания.

– Жить, как говорится, хорошо! – отпив большой глоток из кружки повторил фразу из бессмертной комедии Леонида Гайдая «Кавказская Пленница» Сан Саныч, дядька предпенсионного возраста.

– А хорошо жить – ещё лучше! – отозвался цитатой из того же фильма Иван, кряжистый, весь в узлах мышц, сурового вида мужик.

На самом деле он был отличный отец и семьянин, любил детей и собак, в жизни никого не обижал и душа у него была нежная, как цветок.

– А, кстати, насчет «жить ещё лучше», – поинтересовался Сергей, отхлебнув пива, – Как вы леваки выносите? Я ж видел, как ты, Ваня, давеча два клинка сковал. Но, ведь, на проходной шмонают?

– Разные способы есть! – ухмыльнулся Иван, – Ежели что-нибудь небольшое по размеру, ну, ножичек, или, там, штифты-втулки-оси, то Тузику на пузо привязываем. Вышел за периметр, в свисток специальный, ультразвуковой, свистнул – и Тузик тут как тут! Сахарок заработал! Вохра на пса и внимания не обращает: бегаёт, где хочет.

– Ну, надо же! – восхитился новичок и хотел было развить тему, но тут около пивняка появилась Лена.

Вид у неё был серьёзный и решительный, как у патруля, застукавшего новобранца у дырки в заборе на пути в самоволку.

– Сережа! – с надрывом в голосе воззвала она, – Ты пьёшь водку под забором и пивом запиваешь! Алкоголиком хочешь стать, да? Немедленно идем домой!

Сергей немедленно ошетинился. Мало того, что Ленка на весь завод раззвонила, что они спят вместе, так ещё и держит себя, как наизаконнейшая супруга! Ишь, раскомандовалась! Перед людьми даже неудобно!

– Э-э, слюшай, жэнщина, нэ видишь, джигиты беседуют! – попытался он пошутить, употребив кавказский акцент (в Азербайджане, чай, служил!), – Иди в саклю, жарь чурек! Закончу дела и приду!

Но Лена не приняла шутку. Вместо того, чтобы тихо, с достоинством, удалиться, не обостряя инцидент, она решила бороться за своё счастье и во что бы то ни стало вырвать Сереженьку из этого вертепа. Набрав полную грудь воздуха, девушка заголосила:

– Ой, люди добрые! Да что ж это такое творится-то! Средь бела дня водку-то пьянствуют, и удержу-то на них нету! Какой пример молодежи-то подаёте, бесстыдники! А ты, Сереженька, уже да по наклонной катишься! Мать-то дома ждет-пождет, поди, уже все слёзы выплакала,

а ты здесь, под забором облика человеческого лишаешься! Скоро таким же, как энти алкаши, станешь! Ой, лечить-то тебя буду, Сереженька, слезами-то своими горькими омою, небось, тогда бросишь пьянство-то!

Лена родилась и выросла в деревне, и все родственники у неё были из деревни. В город она переехала только четыре года назад, и перековаться на городской, тем более, Московский фасон, не успела. Сейчас в сознании девушки от волнения вскрылся некий пласт генетической памяти, и её укоры-попреки напоминали классический «Вой по Покойнику».

Все четверо кузнецов выпучили глаза и лишились дара речи. У Ивана, не донесшего кружку до рта, пиво полилось на землю.

– Во, даёт девка! – неуверенно хихикнул кто-то с соседнего столика.

Лена, внезапно осознав, что излишне увлеклась, замолчала, закрыв рот рукой, но было уже поздно: на её вопли к пивняку подъехал милицейский УАЗик.

– Так, значит, что тут у нас происходит? – два сержанта окружили злчное место, отрезая всем любителям пива путь к бегству.

– Да, вот... девушку обижают! – высунулась из ларька продавщица, вся бурля чувством женской солидарности.

– Ага! – один из сержантов повернулся к Лене, – Девушка, ну-ка, покажите, который тут хулиганит?

Лена молчала, заливаясь краской стыда. Губы у неё дрожали.

– Да, вон тот, белобрысый, у забора! – орала продавщица, высунувшись из ларька уже по пояс и возбужденно показывая пальцем на Сергея, – Вон он, хахаль ейный!

Сержанты подошли к столику кузнецов и уперлись прищуром глаз в Сергея.

– Так, гражданин, нарушаем, значит?

– Что я такого нарушил? – удивился тот.

– Сам знаешь! Вон, девушку обидел!

– Вот уж нет! Стою, с товарищами пиво пью, никого не трогал...

– Ага! Пьяный, значит! Дебошир! – обрадовались сержанты, – Ну, пошли!

– Никуда я не пойду! – набычился Сергей.

– Пойдешь-пойдешь! – заухмылялись служивые, – И не вздумай дергаться!

Поняв, что сопротивление только усугубит ситуацию, Сергей, кипя разумом возмущенным, пошел к УАЗу. Поравнявшись с Леной, он злобно процедил сквозь зубы:

– Дура!

Та, очнувшись от ступора, кинулась, схватила сержанта за рукав:

– Товарищ милицейский начальник! Не виноватый он ни в чем! Это я кричала, хотела его домой увести!

Тот остановился. Второй сержант продолжал вести задержанного к машине.

– Кто он тебе?

– Муж... почти... – тихо ответила Лена, но Сергей услышал и дернулся: ну и ни фига себе, заявочки!

– А! Понятно. Ничего, щас мы его разъясним, завтра будет смирный, как огурчик.

– Да, отпустите ж вы его! Говорю же, ничего он не безобразил! – в отчаянии зарыдала Лена, осознавшая, что Сереженьку забирают в тюрьму.

Ну, по меньшей мере, в вытрезвитель!

– Да, как же, вон женщина говорит – обижал он тебя! – сержанту не хотелось выпускать из когтей добычу.

– Неправда! – вскинула голову Лена, – Совсем даже наоборот...

И вдруг брякнула:

– Дяденька! Беременная я!

Сержанты переглянулись и неохотно отпустили Сергея:

– Иди уж, да больше не скандаль!

Тот, махнув рукой, молча пошел к автобусной остановке, провожаемый обалделыми взглядами товарищей по работе. Лена побежала следом, но Сергей даже не посмотрел в её сторону...

Глава пятая

Пятнадцатого мая Эстрелла и Хельга собрались в дорогу. Путь их лежал на Курский вокзал, где, согласно выданным в деканате билетам, они должны были сесть на поезд «Москва – Симферополь». Проверив, не забыто ли что-нибудь важное, девушки подняли свои неподъёмные чемоданы, в которых лежала рабочая одежда и резиновые сапоги; повседневная одежда, свитера и кофты – вдруг будет холодно; праздничная одежда и туфли – одна вьетнамка сказала, что по вечерам обязательно будут танцы; посуда и запас еды, чтобы поесть в поезде; книги – немного, десятка два; а также ласты и маски для подводного плавания – Хельга никогда не была на море, и Эстрелла обещала научить её нырять. Переглянулись:

– Ну, пошли?

– Пошли!

Доехав на автобусе до станции метро «Беляево», они нерешительно затоптались у входа. До этого они поездок на метро... не то, чтобы избегали, но, как бы, откладывали. Побаивались, короче! Но на Курский вокзал ехать наземным транспортом было долго и неудобно, да и надо же когда-нибудь решаться!

Дабы оправдать задержку, Эстрелла заплела волосы в косу.

Робко войдя в вестибюль, они обратились к сидящей у турникетов тётке в железнодорожной черной форме:

– Скажите, пожалуйста, как нам до Курского вокзала добраться?

Тётка молча показала пальцем с облупленным маникюром на огромную схему линий Московского метрополитена.

– Вот! Едем до Октябрьской, пересеживаемся на кольцевую линию и едем до самой Курской! – триумфально провозгласила Хельга.

Бросив по пятаку в турникеты, спустились на платформу. Моментально подошел красивый голубой поезд, и народ, толкаясь, устремился на штурм транспортного средства. Народу набилось столько, что, казалось, некуда было просунуть палец. Подругам повезло: им достались сидячие места в последнем вагоне.

«Осторожно, двери закрываются! Следующая станция – Калужская!»

Двери с шипением сошлись, отрезая путь к бегству. Девушки сидели не живы, ни мертвы: поезд неся в темном-претемном туннеле, пытавшимся давить потолком и норовящим заплести змеями кабелей, иногда пугая вспышками фонарей на стенах. Поезд уворачивался, как мог! К счастью, это длилось недолго, всего несколько минут. Возникла освещенная платформа, двери разъехались, и новые пассажиры втиснулись в вагон, спрессовав уже находящихся там в настоящий монолит.

– Ну, как тебе? – шепотом поинтересовалась Хельга. Её лицо было значительно бледнее обычного.

– Ни фига себе... подмосковье! – переводя дух, выдохнула Эстрелла.

Страх вдруг прошел, и она неудержимо рассмеялась. Смеялась и смеялась, не в силах остановиться! Окружающие поглядывали на неё с любопытством, а некоторые – с неодобрением.

– Смех без причины – признак дурачины! – шепнула Хельга и рассмеялась сама.

Путешествие под землей продолжалось.

На Октябрьской вышли и сразу же увидели огромную надпись: «Переход на кольцевую линию». Уверенным шагом бывалых москвичек двинулись туда, и вскоре столкнулись с новой проблемой: на пути встал эскалатор! Ребристая лента непрерывно выползала из-под пола, чудесным образом превращаясь в ступеньки. Люди, не задумываясь, ступали на неё и уноси-

лись наискосок и вниз, куда-то к центру Земли. Набравшись храбрости, девушки подошли ближе.

– Давай вместе, на счет «Три!» – неуверенно предложила Эстрелла.

– Нет, вдвоем не получится, узко! Давай, ты первая! – помотала головой Хельга, прижимая чемодан к животу обеими руками.

Собрав всю свою волю в кулак, с отчаянным видом бойца, бросающегося на вражескую амбразуру, Эстрелла шагнула на ленту. Одной ногой! Вторая тут же отстала, и бедняжка растопырилась, едва не сев на шпагат. Ещё немного – и она упала бы, но в последний момент умудрилась встать на эскалатор целиком, и даже чемодан не уронила! Видя успех подруги, Хельга совершила прыжок с места и приземлилась удачно. Эскалатор равнодушно потащил их вниз мимо нескончаемого ряда ламп на длинных стойках. Держась за резиновые поручни, девушки отдышались, и уже через минуту забыли о своей неуклюжести.

«Находясь на эскалаторе, стойте справа, проходите слева!» – слышалось объявление по радио. И тут же какой-то парень, резво бежавший по движущимся ступенькам, наткнулся на тесно прижавшихся друг к другу путешественниц.

– Посторонись, деревня! – беззлобно шуганул он их, и побежал дальше, не оглядываясь.

– У нас, наверное, и впрямь, очень провинциальный вид! – грустно заметила Хельга, стоя теперь позади Эстреллы.

Та промолчала, но выводы для себя сделала.

С эскалатора прыгнули уже более уверенно. Повосхищавшись красотой станции, поехали дальше. Возникавшие за окном вагона подземные дворцы были один краше другого! Бронза, мрамор, цветные витражи Новослободской... Вот и Курская!

Уже совсем уверенно встали на эскалатор, протолкавшись сквозь толпу, вышли к платформам. До поезда было ещё долго – около часа, и подруги принялись терпеливо ждать остальных членов группы, или, как это называли в деканате, стройотряда. Постепенно народ подтянулся: сначала несколько щупленьких вьетнамцев, которых было трудно сосчитать: они, похожие, как близнецы, все время мельтешили, ни минуты не стоя на месте спокойно. Затем, неся на головах огромные рюкзаки, присоединилась к коллективу пара девушек из Эфиопии, чуть позже – пятеро палестинцев, трое парней из Алжира, четверо девчат из Нигерии. Все были друг с другом незнакомы, ибо только что приехали в Москву.

Наконец, пришел куратор – сутуловатый дядечка лет тридцати пяти с бородкой и в очках, похожий на Троцкого, сопровождаемый плакатно-красивым белозубым атлетом в аккуратно отглаженной стройотрядовской форме со множеством нашивок: БАМ, КамАЗ, Белосток, Аодзора, Кинешма.

– Здагствуйте, товагищи студенты! Меня зовут Богис Ефгемович Шапиго, я пгеподаватель с кафедргы магксизма-ленинизма, ваш командиг стгойотгяда, – представился педагог, – А это мой заместитель, Иван Петгович Ковалев, пгошу любить и жаловать! Мы вместе будем учить вас гусскому языку.

Пояснять, в каком учреждении трудится товарищ Ковалев, он не стал. Это было и так ясно. Толпа неопытных иностранных студентов не может оставаться без присмотра кого надо!

Судя по затуманенному взору Хельги, а также эфиопок и нигериек, они были готовы любить красавца товарища Ковалева и, тем более, жаловать всем, что у них есть. Эстрелла устояла, потому что её сердце было уже занято.

На четвертый путь тем временем подали их поезд.

– По ваго-о-нам! – зычно скомандовал заместитель командира в штатском, и все принялись грузиться в поезд. Собственно, все оказались в одном вагоне. Хельга и Эстрелла разделили купе с эфиопками, чему обрадовались: не так стеснительно, как с парнями! Разложили вещи, скинули обувь. В вагоне приятно пахло угольным дымом, свежим бельём, разложенным на полках, и, почему-то, сдобной выпечкой. Отдышавшись, начали знакомиться.

Едва ощутимый толчок возвестил отход поезда. Перрон за окном двинулся и вскоре остался позади. Колеса все быстрее выстукивали на стыках рельс свой ритм: тук-тук – тук-тук... тук-тук – тук-тук. Сначала мимо проносились дома, какие-то заводы, пустыри и заборы. Затем все уверенней стала появляться природа: рощицы, перелески, поля. Под грохочущими мостами мелькали реки. Все четверо девушек прилипли к окну, жадно впивая в себя неведомую, невиданную дотоле, загадочную Россию.

Наступил июль. Михаил сдал сессию, и до самого отъезда в Крым искал свою девушку, регулярно обзванивая всех заряженных участков. Если выдавалось свободное время, шел к универмагу «Москва» и торчал там по несколько часов, надеясь, что прекрасная незнакомка придет. Но, увы! Никто её не видел, и никто не звонил, опознав по гравюре...

Поездка в Крым была намечена на десятое. Ехать собирались до Симферополя поездом, но жить диким способом, в палатках, периодически кочуя с места на место. Всего подобралось двенадцать художников и художниц, некоторые из Строгановки, некоторые – просто так, как самородок Вовка Смахтин, бросивший институт тонкой химической технологии ради высокого искусства.

Перед отъездом состоялась встреча с Ольгой, неприятная и приятная одновременно. Общения с ней после тех, майских событий Михаил избегал то под предлогом подготовки к сессии, то отговариваясь нездоровьем, то занятостью в мастерской (заказ, мол, срочный, ну, никак не выбраться!). Он чувствовал, что необходимо поговорить, объяснить, что им необходимо расстаться, но никак не мог собраться с духом.

Ольга чувствовала его охлаждение к ней, но сдаваться так легко не собиралась. Опасаясь, что грядущая разлука, скорее всего, приведет к разрыву, и Миша будет утрачен навсегда, девушка предприняла решительные меры: съездила в далекое Ворсино (это с Киевского вокзала!), где, как её заверили знающие люди, жила настоящая колдунья.

На окраине деревни стоял маленький опрятный домик, возле которого, во дворе, кормила кур симпатичная молодая женщина, по виду, скорее, дачница, чем крестьянка.

– Здравствуйте... – неуверенно поздоровалась Ольга, представлявшая колдунью скрюченной древней старухой, – Мне бы Чернаву Семирядовну... колдунью...

– Чернава – это я и есть! Только я не колдунья, у меня профиль пошире, – приветливо улыбнулся Вагабонд, отряхивая руки, – Проходи в дом, поговорим!

Ольга вошла и с любопытством огляделась: работающий телевизор, верстак с какими-то приборами у стены, на столе – колбы, пробирки...

– Садись, Оля, – показала рукой на стул колдунья-не колдунья, и села сама.

– Откуда вы знаете, что меня Ольгой зовут? – насторожилась посетительница.

– Да, уж, знаю, – пожала круглыми плечами хозяйка, – Или забыла, к кому пришла? Давай, рассказывай, что тебя ко мне привело!

– Парень мой, Миша, в последнее время... ну, вы понимаете... скучный стал, встреч избегает... Боюсь, совсем бросит! Да ещё уезжает скоро почти на два месяца. Как бы его удержать, привязать к себе покрепче?

– Скажи конкретно, что ты хочешь!

– Ну... хочу, чтобы он... это... спал со мной...

– Всё поняла! – покивал головой Вагабонд, – Раздевайся, девонька!

– З-зачем? – испуганно сжалась на стуле Ольга.

– Приворотное зелье делать буду, – последовало разъяснение, – Возьму с тебя смывы. Про феромоны слыхала?

Деваться было некуда, пришлось раздеться догола.

Вооружившись большим ватным тампоном, предварительно смоченным в банке с остро пахнущей жидкостью, ангел принялся возить им по обнаженному телу Ольги, на котором моментально выступила «гусиная кожа». Подмышки, пах, межъягодичная складка, за ушами... Не очень-то приятная процедура! Было щекотно и прохладновато, и хотелось, чтобы всё поскорее кончилось.

Чернава-Вагабонд выжала тампон в пузырек, бормоча при этом что-то неразборчивое.

– Вот, держи! – протянула она его девушке, – Налейешь своему в чай или кофе. Только в вино не наливай, не сработает. В тот же час он тебя поимеет. Только, ты и сама постарайся!

Это было не совсем то, на что рассчитывала Ольга, но высказать свои сомнения она постеснялась. Или побоялась, неважно. Промолчала, короче. Одевшись и расплатившись (пятьдесят рублей!), заспешила на электричку, сжимая в кулаке заветный пузырек, ключ к будущему счастью.

Вечером девятого июля Сергей сидел у Михаила на кухне. Пили чай, на спиртное рука не поднималась.

– Что, уезжаешь завтра?

– Да, поезд в 9:30.

– А как же... ну, подруга та? Иностранка?

Михаил протяжно вздохнул:

– Я ж тебе говорил, на сельхозработках она. Хорошо, если к сентябрю вернется.

– Ну-ну! А помнишь пословицу: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе»? У тебя Ольга есть, отличная, между прочим, деваха!

На лице Михаила сложилась гримаса сожаления:

– Да, в том-то и дело! Я сейчас ни о ком, кроме той красавицы думать не могу. С Олей встречаться избегаю, хочу совсем разбежаться... но не получается!

– Это пуркуа? – с искренним интересом подался вперед Сергей.

– Стесняюсь... Да и повода не даёт!

– Ну, ты даёшь! Да, просто скажи, мол, любовь прошла, завяли помидоры! И – всё! Обидится и уйдет!

– Повтори, я запишу! – с серьезным видом придвинул записную книжку Михаил.

Сергей хохотал так, словно получал по рублю за децибел.

Через час после его ухода неожиданно нагрянула Ольга.

– Миша, – взволнованно начала она, – Ты знаешь, мне очень хотелось поехать с тобой в Крым, но отпуск только в ноябре, а сейчас нас отправляют на гастроли в Ашхабад...

– Я знаю, – кивнул Михаил.

«Очень равнодушно кивнул!», – заметила девушка, и сердце её сжалось.

Она заподозрила, что Мишины чувства к ней охлаждаются. Костер любви гаснет, если в него не подбрасывать палок! Точно, пора действовать согласно утвержденному плану!

– Но, это всего на месяц, Мишенька! Мы вернемся уже двенадцатого августа!

– Ну, а я-то, не раньше тридцатого...

Повисло неловкое молчание, затем Ольга с усмешкой спросила:

– Может, чаю даме предложишь, кавалер? Что мы тут, в прихожей, разговариваем!

– Ну, проходи! – нехотя промямлил Михаил, чувствуя, что серьезного разговора не избежать.

Вскипятив чайник, он принес в комнату поднос с двумя чашками, сахарницей и «Юбилейным» печеньем. Закинув ногу на ногу, чтобы они выглядели наиболее привлекательно, Ольга изящно отпила чаю. Михаил тоже сделал глоток, вывихивая мозги вопросом: как же начать? Брякнуть напрямик: «Я тебя больше не люблю!»? Или: «Между нами все кончено!»? Слова не находились, и молчание затягивалось.

– Слушай, Миш, а лимончика не найдется? – несколько нервно спросила Ольга, незаметно трогая в сумочке пузырек с приворотным зельем.

– Не нарвал я никаких лимонов, – буркнул тот, – Не сезон нынче!

– Ну, тогда молока принеси! Только в молочнике, по культурному! – напряженно улыбнулась интриганка.

Тяжко вздохнув, Михаил побрел на кухню. Как только он скрылся за дверью, Ольга с бьющимся сердцем открыла пузырек. Ну, Чернава Семирядовна, не подведи! Жидкость тонкой струйкой полилась в чай. Немного, где-то две чайных ложки всего. На всякий случай, размешала ложечкой, перевела дух.

Вернулся Михаил, плюхнул на столик молочник. Чай с молоком Ольга не любила, но пришлось выдержать образ и выпить. Разговор не клеился. Говорила, в основном, Ольга, Михаил же лишь отвечал односложно, междометиями, и равнодушно прихлебывал чай. Маялся, в общем.

Когда за окном сгустились сумерки, девушка встала.

– Ладно, побежала я. Ты, ведь, завтра утром рано уезжаешь?

– Ну! – ответил Михаил, с облегчением решив, что поговорить о расставании можно будет и после приезда.

– Я буду тебя ждать! – длинные обнаженные руки обвили шею парня, ласковые губы прильнули к его губам долгим и страстным поцелуем. В искусстве страсти нежной девушка была искушена!

Затем она принялась расстегивать на предмете своей страсти рубашку.

– Погоди... – слабо сопротивлялся Михаил, – Может, не надо... Маришка дома, и вообще...

– Маришка? Да когда она нам мешала? – изумленно шевельнула красиво выщипанной бровью Оля, не прерывая своего занятия.

Положение парня было очень щекотливое. С одной стороны, он совершенно не хотел сейчас ничего такого, ну, этого-самого. С другой стороны, как такой настойчивой откажешь? Не поймет, обидится!

– Оль, а давай... – он хотел сказать: «останемся друзьями», но Ольга поняла по своему.

– Ой, ну ты и шалун! – она стоворчиво опустилась на колени и сдернула с мужчинки тренировочные штаны до колен. Вместе с трусами!

Красноголовый Воин, оказавшись на свободе, испуганно съёжился.

Михаил попытался вырваться, но запутался в штанах и упал на тахту. Ольга, сорвав с себя платье, последовала за ним, дабы закрепить успех. Жаркие поцелуи и прикосновения рук, а также других частей девичьего тела возымели эффект! А, может и впрямь, приворотное зелье помогло, Автор не знает, но инстинкт размножения сработал, приведя оборудование в рабочее состояние, чем Ольга и воспользовалась безотлагательно в позе «родео». Из жалости к ней, ну, а также из-за слабости характера, парень перестал сопротивляться. Да, мужчины – они такие! Могут, даже если не хотят!

Когда Ольга ушла, довольная, что зелье сработало, Михаил долго не мог уснуть, потому что переживал. Корил себя за слабохарактерность, за то, что так и не объяснил ей насчет расставания навсегда, за то, что даже не предложил остаться друзьями. Образ девушки с Ленинского проспекта грустно взирал на него из глубины ментального пространства. Вот, тоже проблема: считать произошедшее изменой или нет? Однозначного ответа не было, но совесть все равно мучила.

Наутро поезд унес его в Крым. Объяснение с Ольгой, таким образом, откладывалось до сентября. Между нами говоря, Михаил смутно надеялся, что проблема рассосется сама собой.

– Ну, вот, товагищи, почти пгиехали! – весело воскликнул Борис Ефремович Шапиро.

Автобус притормаживал перед поворотом, где на развилке посреди пышной клумбы стоял гипсовый памятник Ленину, выкрашенный бронзовой краской. Рукой Ленин указывал направо, а ниже была художественно исполненная надпись: «Путь Ильича». Рядом был дорожный знак, означающий тупик.

Совхоз «Путь Ильича» оказался местом совершенно замечательным: уютная долина, засаженная садами, ручей с плотиной, образующей живописный пруд, клуб со сценой и танцевальной площадкой, библиотека, свежееотремонтированное общежитие с комнатами на троих-четверых человек, душ на четыре кабинки! Также имелся спортзал, волейбольная площадка и стол для пинг-понга. Ещё в совхозе был одышливый автобус ПАЗик, на котором, собственно, студентов и привезли с симферопольского вокзала. Только до моря было далековато: восемнадцать километров до шоссе, а там ещё несколько до Судака или Коктебеля.

Директор совхоза, неопределенного возраста дядька, проявленный солнцем до такой степени, что казался мумией (как выяснилось позже, у него и прозвище было: Засушенный Геракл!) встретил вновь приехавших в актовом зале клуба.

– Дорогие товарищи! Я – Геракл Константинович Капитаниди, директор. Очень рад приветствовать вас на нашей Крымской земле! Надеюсь, ваше пребывание здесь будет приятным! Всех вас мы оформим разнорабочими, будете получать семьдесят рублей в месяц. Ну, конечно, минус подоходный и бездетность, г-м... Но! Персиков, абрикосов, черешни вы можете есть сколько пожелаете! Плюс, талоны на питание в рабочей столовой мы вам продадим всего по пятьдесят копеек на день! Плюс, два раза в неделю бесплатно будем вывозить вас на море! Всё это согласно заботе Партии и правительства...

Он ещё долго распространялся на тему текущего политического момента, увязывая его с перевыполнением плана, с улучшением благосостояния советских граждан вообще и в совхозе в частности, а также с прогнозом погоды на ближайший месяц. Когда он закончил и картинно поклонился, как артист, прочитавший монолог Гамлета, все дружно захлопали, хотя не поняли и половины. Уж больно казенным языком говорил товарищ Капитаниди!

Затем выступил товарищ Ковалев.

– Товарищи студенты! Распорядок дня в стройотряде, значит, будет такой: с семи утра все ударно работаем до часу дня, ну, до обеда, а через два часа после обеда, ну, то-есть, в три часа, предусматриваются трехчасовые занятия по русскому языку. А потом, ну, типа, личное время, в которое можете делать все, что хотите. Но! – тут он значительно поднял палец, и все, как загипнотизированные, уставились на него, – Особо прошу запомнить, что на все время вашего срока действует «сухой закон», ну, значит, никаких алкогольных напитков употреблять запрещено. Все вы люди сознательные, взрослые, к тому же, ну, члены молодежных коммунистических организаций, типа, комсомольцы, по нашему. А значит, должны соблюдать свой моральный облик! На каждого из вас по отбытии срока... то-есть, я хотел сказать, по истечении срока пребывания в лагере, ну, труда и отдыха, будет составлена характеристика, с которой вам предстоит шагать дальше по жизни. То, что будет в характеристике написано, зависит только от вас.

Товарищ Ковалев гулко отхлебнул из стакана и продолжил:

– На нас с товарищем Шапирой возложена ответственность за вашу безопасность, и мы, ну, типа, примем все меры, чтобы вы вернулись в Москву целыми и невредимыми. Выход за периметр... то-есть, я хотел сказать, за пределы совхоза, без спросу не рекомендуется. Если вам приспичит куда-то сходить, обязательно поставьте в известность меня или Бориса Ефремовича. Здесь только одна дорога, поэтому побег... то-есть, я хотел сказать, самовольная отлучка, обязательно будет замечена и может отрицательно отразиться на вашей характеристике. В заключении я желаю вам всем приятного отдыха и плодотворного труда!

Его тоже проводили со сцены аплодисментами, особенно нигерийки и эфиопки.

Позже, укладываясь спать, Хельга застенчиво спросила:

– Эстрелла, а что такое: «моральный облик»?

– Ну, – задумчиво протянула кубинка, – Это, типа, такие... правила поведения в обществе. Попросту говоря, мы должны вести себя так, чтобы о нас плохо не подумали.

Хельга понимающе кивнула и отметила про себя, что русский язык подруги уже не книжный, как раньше, но уже гораздо ближе к живому разговорному!

Эстрелла долго не могла заснуть в тот вечер. Слишком уж много впечатлений! Ворочалась с боку на бок, то накрывалась одеялом, вставленным в конверт со смешным русским названием «пододеяльник», то сбрасывала его. Мысли вертелись вокруг парня с Ленинского проспекта. Перед отъездом она все-таки позвонила Анджеле в посольство и, как могла, объяснила, что просит разузнать в ГАИ, можно ли установить, кому принадлежит машина 28—70 МКА. Анджела отнеслась к просьбе серьезно и с пониманием, когда услышала про красивого парня за рулем.

– Конечно, для посольства такую справку милиция даст, но придется писать официальный запрос, и мне придется придумать убедительную причину, почему мы ищем именно эту машину. Жаль, что ты не можешь назвать марку... Можно, конечно, попытаться и неофициально, есть у меня знакомый полковник милиции! Не переживай, найдем! Только быстро не получится, – обнадежила она соотечественницу, за которую чувствовала себя ответственной.

Эстрелла уехала в Крым, надеясь, что по возвращении Анджела вручит ей заветное имя и адрес.

Луна, высоко плывущая над кипарисами, с любопытством заглядывала в окно. Трещали цикады, без которых тишина – не тишина, бесшумно проносились в ночном безветренном воздухе летучие мыши. Эстрелла встала, босиком прошлепала к столу и напилась прямо из графина, боясь на шуметь, разыскивая стакан. После этого сон пришел быстро, и она не почувствовала, как в открытое окно, одна за другой, крадучись скользнули три мужские фигуры. Не услышали этого вторжения и остальные обитательницы комнаты – Хельга, Мариам и София...

– Лёнька! – звучал в комнате приглушенный шепот, – Давай, вон ту, черную, сделай!

– Ага, а я эту, волосатую! – голос плотоядно хихикнул.

– Сильнее дави, дурак! Теперь по титькам поводи! Во... хорошо!

– Ого! Ну ты даешь!

– Всё, пацаны! Уходим!

Утром, проснувшись, Эстрелла ощутила, что её щеки, лоб, горло, а также кожа на груди саднят и стянуты, как прищепками для белья. Посмотревшись в зеркало, она ахнула: весь её фасад был перемазан зубной пастой! Хельга, Мариам и София выглядели не лучше. Отчаянно ругаясь на четырех языках (русский занимал почетное второе место!), девушки целых полчаса отмывали и отскребали разводы засохшего «Поморина», которыми их украсили местные шалопаи-подростки.

Добравшись до Судака, художники задержались там всего на три дня, а потом, сочтя это место слишком многолюдным, передислоцировались в Новый Свет, маленький поселок при винсовхозе. Пейзажей там было не в пример больше, отдыхающих – меньше, и работа закипела.

Михаил вставал раньше всех и работал маслом, пытаясь уловить тот особый, «персиковый» цвет, в который окрашиваются скалы и прибой на рассвете.

Раз в неделю кто-нибудь отвозил коллективное творчество в Судак, и на набережной устраивалась выставка-продажа. Туристы охотно раскупали и масло, и акварели. Особенно хорошо продавался, как ни странно, Смахтин. Не мудрствуя лукаво, он с простодушностью истинного гения брал четвертушку акварельной бумаги и широкой кистью проводил полосу.

– Это – небо! – пояснял он, затем проводил другую полосу:

– Это – море!

Затем, так же небрежно, двумя-тремя взмахами кисти рисовались скалы, какой-нибудь кораблик с парусом и несколько чаек, парящих в вышине. Иногда на переднем плане он изображал вытасенный на берег баркас или загорающую без лифчика девушку. Успех сих картинок, оформленных в простенькие картонные паспарту, был феноменальным!

Ещё он рисовал миленькие жанровые сцены: толстую тетку со складками жира, валиками нависающими над резинкой трусов и ляпочками бюстгалтера, поедающую на солнце-пеке булку. Крымская войлочная шляпа, лихо заломленная на манер ковбойского стетсона, придавала тетке ухарский вид. Картину эту, выполненную в нескольких разных ракурсах, удалось продать шестнадцать раз!

Удачным оказался также сюжет с жопастьенькими девушками, играющими в бадминтон. Для усиления эффекта акварельная краска разводилась сахарным сиропом, благодаря чему изображения приобретали дополнительную объемность и сочность колера. «Бадминтонисток», повторенных неоднократно, тоже было продано не менее десятка!

Михаил за две недели написал пять этюдов (все – ландшафты!), продал три. Не самый лучший результат в группе!

Однажды Смахтин привез в лагерь наброски, сделанные пером на Судакском пляже.

– Так, баловался, от нечего делать! – пояснил он.

Воспитанники Строгановки, уже превзошедшие курс пластической анатомии, принялись разглядывать и критиковать. По сути, это тоже были жанровые сценки: дети, строящие песчаный замок, мужики, азартно играющие в карты, небольшая очередь к медицинским весам с важной пожилой медсестрой в белом халате... Вдруг Михаил замер: на одном из листов было изображено три девушки – худенькая блондинка, черная, как уголь, африканка с мощными формами, и... не может быть! Девушка, его девушка с Ленинского проспекта! Она была запечатлена в три четверти, стояла и ела мороженное, слегка наклоняясь, чтобы не капнуть на себя. Да, никакой ошибки: те же глаза, те же губы, те же пышные волосы, схваченные лентой и развевающиеся на ветерке...

– Вовочка! Откуда... это? – сорванным голосом прошептал Михаил, – Неужели с натуры!?

Смахтин, занятый в этот момент употреблением светлого местного вина, скосил глаза и улыбнулся:

– Ничего, чувихи, симпатичные, правда? Очень контрастировали между собой! А у этой, – тут он небрежно ткнул пальцем в Мишину девушку, – самая красивая задница на всем пляже! Я таких никогда раньше не видел!

Жаркая волна возбуждения захлестнула Михаила. Девушка, его девушка – и здесь, рядом! Завтра же он поедет в Судак и найдет её!

– Слушай, Вов, а какого цвета у неё лента была?

– Киноварь и немного сажи газовой, – не задумываясь ответил Смахтин, наливая себе новый стакан и отрезая ливерной колбасы.

Со времени скандала, едва не окончившегося водворением Сергея в узилище, прошло больше месяца и все это время Лена не находила себе места: Сереженька не шел на контакт!

Не звонил, не ждал после работы, при случайной встрече смотрел буква-буккой! Ой, люди добрые, что делать-то? Пыталась извиняться – он и слушать не стал... Настроение упало ниже плинтуса и так там и осталось. Да ещё здоровье... По утрам тошнило и болела голова. Мать смотрела подозрительно, пыталась вызвать на откровенность, но Лена на наводящие вопросы не отвечала, тем более, что сама не знала, беременная она, или нет. С одной стороны, самочувствие паршивое, да и на соленькое тянет... но по срокам-то не сходится! Сережа пришел из армии на майские, ну, было, конечно, у них это-самое... много раз! В конце мая месячные пришли, как обычно. Значит, тогда она ещё была порожняя? А вот в июне месячных не было... но и этого-самого, ведь, тоже не было! Ну, точно!

Загибая пальцы, Лена постаралась вспомнить, когда они последний раз делали это с Сергеем. Двадцать восьмого, да, двадцать восьмого, она к нему приходила, после целой недели перерыва, всё мешало что-то, а в тот день Александры Георгиевны дома не было, не то на семинар, не то на симпозиум ушла. Сереженька уже прямо в прихожей целовать-миловать начал! Соскучился за своей голубушкой! Слова сказать не дал, стянул трусики, нагнул... Ой, да какой же у него, все-таки, большущий-то, подсердечник, прямо!

Мысли неожиданно перескочили на самый первый раз. Тогда они долго целовались в подъезде, так как Лена не хотела идти в квартиру, робела чего-то. Сережа обнимал её так крепко, аж ребра трескали. Затем стал гладить... везде. От его прикосновений соски напряглись, стали твердыми, в низу живота сделалось горячо и мокро, голова закружилась и ноги ослабли! Во, как проняло! Сережа взял её на руки и понес к себе, не переставая целовать. Дома, опомниться не дав, раздел совсем, только трусики удалось отстоять (на этом месте воспоминаний Лена покраснела, потому что до сих пор было стыдно), и сам разделся. Лёг сверху, раздвинул коленкой сопротивляющиеся девичьи ноги... Трусики он коварно стянул одним движением, зацепив их большим пальцем ноги (Отличный приёмчик, Читатель! Когда девушка ничего не подозревает, ощущая руки парня выше талии! Автор рекомендует всем начинающим!).

Что было потом, она помнила неотчетливо, только, когда все кончилось, и снова удалось ноги вместе свести, оказалось, что они уже не девичьи, а женские! А через малое время начал Сереженька опять да сызнова, все с причудами! То положит, то поставит, то нагнет, то повернет... Сначала-то стеснялась (день белый был на дворе!), лежала, глаза руками закрыв, а как начал он по третьему разу, забыла Лена всю стеснительность, себя потеряла, криком кричала звериным, и спину-то Сереженьке всю ногтями расцарапала, аж до крови! После пошли в ванную, под душем вместе мыться, а он её вдруг на коленки поставил и велел стыдное делать. Лена пыталась отнекиваться, опасаясь, что будет невкусно или её вытошнит, да и не умеет она, но потом поняла, что без этого не будет Сереженьке полного удовольствия... пришлось, короче, сделать, как велено, хоть и не лежала у неё к этому душа. Горло после того стыдного дела два дня болело, как от ангины, зато Сереженька доволен остался...

Лена легко вздохнула и улыбнулась. Разве такое забудешь!

Да, а тридцатого мая начались краски, день в день, и закончились пятого июня. А на другой день, шестого, значит, и поссорились! То-есть, это Сережа с ней поссорился, а она с ним вовсе даже нет, ведь, как лучше хотела! И с тех пор ни разу-то они вместе не были... Тогда, почему в июне месячные не пришли? Уже десять дней просрочено!

Придя в женскую консультацию Лена постояла перед расписанием приема и ушла ни с чем: там было написано, что прием ведет «врач-гинеколог Саркисян», мужчина значит. А она не какая-нибудь, чтобы постороннему мужчине энтó место показывать!

Решила пойти к Сережиной маме и всё рассказать. Александра Георгиевна хорошая, Лену привечает, значит – поможет помириться!

Глава шестая

Заблуждалась, ох, заблуждалась бедная, наивная Лена! То, что Александра Георгиевна Златогор (в девичестве – Ягужинская!), улыбалась и здоровалась, а также предлагала чаю было простой вежливостью. На самом деле, как многие матери одного-единственного сына, она не считала Лену достойной парой Сергею. Её сын – красавец, коренной москвич, начитанный, образованный – все дороги открыты! Ну и что, что кузнецом работает! Да он не просто кузнец, а мастер, можно сказать – художник! Да и временно все это! Помашет-помашет молотом, поймет, что без высшего образования нынче нельзя, и решит, все-таки, в Университет поступать. И поступит, с его-то умом и эрудицией! А Лена кто? Деревня! Трёх книжек после окончания школы не прочитала! Языкам не учена, на рояле не музицирует. Как она тогда ляпнула, на Сережиных проводах в армию: «Я люблю Пушкина и гармошку!». И смех, и грех! Правда, красивая, здоровая – кровь с молоком. Ну и что? Не брать же в снохи за одну красоту!

Тем не менее, она не препятствовала их отношениям, даже, как это раньше говорили, потворствовала, мудро рассудив, что взрослому сыну женщина все равно нужна, а Лена девушка чистая, не какая-нибудь шалава, опять же – соседка, на свидания бегать недалеко. Стало быть, пусть пока милуются. Когда придет время жениться, Сережа себе правильную невесту найдет, а уж мать ему в этом поможет!

Кстати, что-то давно эту Лену не видно... И Сережа к ней не ходит! Поссорились, что ли?

Сергей уже три недели готовился к конкурсу профессионального мастерства. Дело было так: вызвали в отдел кадров. Уже знакомый кадровик, которого, кстати, звали Петр Павлович, или, попросту, Петропавлыч, поздоровался за руку, предложил сесть.

– Вот, Златогор, письмо пришло с ВДНХ. Приглашают тебя в конкурсе профессионального мастерства поучаствовать! Дивлюсь я, откуда они про тебя узнали-то? Работаешь у нас без году неделя...

Он вопросительно воззрился на Сергея поверх очков.

– Я до армии три года на «Серпе и Молоте» работал, тогда тоже был конкурс. Второе место по Союзу занял! – пояснил, слегка рисуясь, Сергей.

– Ну да?! Странно, а в личном деле про это ничего нет... – Петропавлыч насупился и зашелестел бумагой.

– Как это, нет? А благодарность? Мне тогда почетную грамоту и премию дали!

– Г-м, да, действительно, есть запись... Ну, товарищ Златогор, не посрами коллектив!

Кадровик почесал нос и вдруг спросил застенчиво:

– А по телевизору вас показывать будут?

– Наверное! – пожал могучими плечами Сергей, – А что?

– Да это я так... – уклончиво отвел глаза Петропавлыч, – Иди, готовься!

На самом деле он был возбужден до крайности: попасть в телевизор, хоть на краткий миг, было его давней мечтой! А тут появился реальный шанс эту мечту осуществить: должен же кто-нибудь от администрации на выставке присутствовать, верно? Ну, там, руку курсанту на плечо положить, подбодрить, пояснения дать! Надо будет в лепешку расшибиться, но добиться, чтоб именно его, Петропавлыча, откомандировали.

Отставной майор кинул взгляд на закрытую дверь, поколебался немного – да, нет, никто не войдет! – достал из сейфа початую бутылку «Столичной» и быстро отпил граммов сто. Для ясности мыслей.

Сергей со всем пылом нерастраченного честолюбия углубился в творчество. Работая после смены и по выходным, он выковал несколько новых изящных изделий, вызвавших

горячее одобрение отборочной комиссии. Просили принести ещё, обещали отдельный стенд выделить. Ну, пришлось стараться, рисовать эскизы, штудировать техническую литературу. За этими заботами было не до личной жизни: вставал рано, приходил поздно. Иногда засыпал прямо за столом. Когда встречал Лену, так и вившуюся около его квартиры, вспоминал учиненный ею скандал и унижение, а потому извинений не принимал. Ведь, чуть было в вытрезвитель не попал из-за дуры! Ну её на фиг, соседку! Подумаешь, переспали несколько раз! А у неё уже амбиции, семейная жизнь грезится! Просто подумать страшно, какие фортели она ещё выкинет, если он сдуру на ней женится! Только он и не собирался, а теперь и тем более не соберется.

В конце июля над Москвой проходил грозовой фронт. Беременные ливнем тучи клубились, сгущаясь до зловещего лилово-черного цвета. Было жарко и душно, ибо ветерок, принесший всю эту неподъёмную тяжесть тысяч тонн воды, ослаб и прекратил всякое движение воздуха. Сергей пришел домой весь мокрый от пота. Скинув рубашку и джинсы, остался в одних трусах и блаженно прошлепал босыми ногами к дивану. По телевизору шел тысячу раз виденный мультик про крокодила Гену, но все равно, было приятно. Из кухни выглянула мать.

– Что ж ты голый-то сидишь, Серж? – спросила она по французски, выражая легкое неодобрение.

Не задумываясь, сын ответил на том же языке.

– Маман! Мой смокинг в химчистке, а дворецкий взял отгул, и мне теперь некому завязать галстук!

Улыбнувшись, Александра Георгиевна предположила:

– Я думаю, ты не возражаешь, если ужин сервировать прямо сейчас?

– Мерси, мадам! Пуркуа бы и не па бы?

– Серж! Не коверкай язык! – сделала замечание мать, и в этот момент раздался звонок в дверь.

– Ну, вот! Кто-то пришел, а ты в неглиже! – ворчливо бросила Александра Георгиевна и открыла дверь, забыв спросить «кто там».

На пороге возникла Ленина мать, Евдокия Ивановна, Ленин отчим, Евгений Витольдович, и, за их спинами, сама Лена.

Здесь, Читатель, требуется небольшое разъяснение, кто есть кто и почему.

Евгений Витольдович Волопасов-Гуков был по жизни скромным инженером, и до сорока лет хранил, выражаясь стилем старых романов, своё целомудрие. Ну, не получалось у него знакомиться с женщинами, ибо был он некрасив, мал ростом, застенчив и, вдобавок, сутулый. Короче, комплексов неполноценности хоть отбавляй. Тем не менее, работник он был хороший, и однажды его премировали бесплатной путевкой в Дом Отдыха. На целых двадцать четыре дня! Оный Дом Отдыха находился в красивейшем месте на берегу Оки – каких-то три часа от Калуги на автобусе. Рядом, в двух километрах, был расположен очаг цивилизации – деревня Бекасово. Нет, не то Бекасово, что с Киевского вокзала, а совсем другое, что, впрочем, отношения к повествованию не имеет. Важнейшей достопримечательностью деревни являлся магазин «Луч». Страждущие отдыхающие покупали там азербайджанский коньяк, алжирское красное вино и плавленые сырки «Дружба». Сии благородные напитки спросом среди местного населения не пользовались, равно, как и плавленые сырки. Коньяк дорогой, вино слабое, даже с похмелья не забирает, а сырки – вообще, непонятно, что за еда. Так что круглый год план выполнялся за счет отдыхающих. Заведовала «Лучом света в темном царстве», как прозвали магазин отдыхающие, Евдокия Ивановна Чумакова, вдова балзаковского возраста. Если не приглядываться пристально, то её можно было даже счесть красивой. Но, увы, высокое звание работника (работницы!) советской торговли почему-то привнесло в её внешность и харак-

тер тяжелый оттенок хамства, приведший к прозвищу «Чума» и мешавший выйти замуж вторично.

Итак, Евгений Витольдович прибыл в Бекасово в ноябре. В комнате, куда его поселили, он познакомился с двумя товарищами по отдыху, которые тут же предложили ему расписать пульку. Преферанс! Отличное мероприятие! Не то, что шахматы, тут думать надо! Евгений Витольдович играть умел, но не очень хорошо. Битва умов продолжалась до следующего полудня! Когда подвели итоги, выяснилось, что инженер проиграл восемнадцать рублей с копейками! Это по копейке за вист, г-м... Многовато, пожалуй. Но, что поделаешь, если карта не прёт? Четыре взятки на мизере, без двух на девятерной игре, семь взятков на третьих распадах... Понимающий человек содрогнется!

– Ничего, Евгеша! – хлопнул его по плечу сожитель Роман, приехавший из далекого Мурманска, – Не везет в карты – повезет в любви, хе-хе! Дуй в магазин, как раз две бутылки коньяку и закусь! Да поторопись, вечером танцы!

И Евгений Витольдович, надевши демисезонное пальтишко и ботиночки на тонкой кожаной подошве, отправился за горючим. Накануне врезал мороз в минус пятнадцать, но снега не было. Грязь деревенской улицы смерзлась причудливыми застывшими буграми и штормовыми волнами. Ветер-шалун резвился на просторе, задувая со всех сторон сразу и создавая тем самым дополнительный дискомфорт. Не без труда доковыляв до магазина, наш преферансист с досадой обнаружил, что тот закрыт, хотя расписание утверждало обратное. Помаявшись минут сорок и совершенно заочолев на ветру, Евгений Витольдович дождался таки своего счастья: из-за угла появилась фигуристая дама в полушубке, не глядя на него отперла замок и исчезла в магазине. Вошел и он.

– Мне, пожалуйста, две бутылки коньяку... и три плавленых сырка, – робко изложил свою просьбу москвич.

– Восемнадцать восемьдесят, – отозвалась безразличным голосом Евдокия Ивановна, звякая бутылками.

Евгению Витольдовичу захотелось задержаться немного, очень уж он замерз, а магазине было тепло. Чтобы потянуть время, он стал разглядывать этикетку.

– Ого! Азербайджанский, пять звездочек! У нас в Москве такой давно не встречается! Попробуем!

При слове «Москва» уши Евдокии Ивановны встали топориками, а подведенные дефицитной югославской тушью глаза оценивающе сфокусировались на невзрачном клиенте. Сканирование показало: неухоженный, вон, пуговица на ниточке висит, давно не стрижен... явно, холостяк! Чтобы проверить свою догадку, дама задушевно спросила:

– Жена-то, не заругает?

– Нет, я не женат, – последовал ответ, всколыхнувший работницу торговли до глубины души, ибо жить в столице было её хрустальной мечтой.

В голове бешено закрутились колесики мыслей: «Вот он, шанс! Вот он, пропуск в светлое будущее! Как бы это его... тово? Судя по всему, только что приехал, значит, время есть... Ой, Дуся, не упусти счастье-то!»

Но, прежде, чем она успела что-нибудь предпринять, мужчина вышел. Дверь магазина захлопнулась. И тут же из-за неё раздался шум падающего тела, звон разбитого стекла и полный боли вопль! Скользкие кожаные подошвы чешских полуботинок не удержали москвича на обледелых кочках!

Евдокия Ивановна с бьющимся сердцем выскочила на крыльцо. Ой, мало того, что упал, ещё и порезался, бедолага!

– Я вам помогу, мущина! Обопритесь на меня! – она подставила могучее плечо.

– Ой, я на ногу ступить не могу! – взвыл незадачливый Евгений Витольдович.

Опустившись на корточки, Евдокия Ивановна пощупала лодыжку. Диагноз был поставлен быстро:

– Перелома нет. Растяжение!

– Ой, как же я пойду? Машину тут у вас можно найти?

– Какие там машины! Скорую помощь ждать по два часа приходится. А вы вот что, мушкетер: пойдите ко мне! Я тут рядом живу. Ножку перебинтуйте потуже, дочку за костыликом pošлю, вот и дойдете! – сдерживая ликование, предложила Евдокия Ивановна.

– Спасибо...

Дома она развила бурную деятельность, решив пойти ва-банк. Перевязала ногу и предложила отдохнуть немного, пока дочка ищет костыль. На самом деле Лене было велено ночевать у бабки Марфы и домой до завтра не возвращаться. Разумеется, уже через час вся деревня будет знать, что у Чумы мужик в гостях, но стыд – не дым, глаза не выест. То, что стояло на кону, было важнее любых пересудов.

– А давайте пока поужинаем! – предложила вступившая на Тропу Охоты За Женихом Евдокия Ивановна, успевшая переодеться в своё лучшее польское платье с люрексом, подкрасить лицо и надеть украшения из цветного стекла чешской фирмы «Яблонекс».

Неизбалованный женским вниманием Евгений Витольдович, поколебавшись, согласился, хотя и стеснялся ужасно.

Вино есть первый помощник Венеры! Это правило, хотя, возможно, и в других формулировках, знают все. На стол, уже и так кряхтящий от покрывавших его толстым слоем деликатесов (крабы, шпроты, икра, сервелат и т.п.), встала бутылка коньяку.

– Давайте выпьем за знакомство! – подняла рюмку соблазнительница.

– Давайте...

Джентльмен, как и положено, представился первым. Дама аж прибалдела: надо же, такое фамилие звучное, двойное, через черточку! Шевеля губами произнесла про себя: «Евдокия Ивановна Волопасова-Гукова!» Здорово! Только придется сменить также имя-отчество, а то совсем не аристократично, не по городскому. Скажем: Эмилия Иоанновна! Другое же дело! Будет, вообще, как музыка, звучать!

Через часок Евгения Витольдовича было не узнать. Где он, тот заморыш, робко вошедший в магазин и поскользнувшийся на замерзшей колее? За столом сидел былинный богатырь, вроде Ильи Муромца, красноречивый и остроумный! Вел он себя развязно, в смысле, позволял себе игривые комплименты в адрес хозяйки и порывался взять её за руку. Когда клиент дозрел, то-есть, заснул на полуслове, описывая драку на танцплощадке, где он, якобы, недавно раскидал и покалечил целых восемь хулиганов с ножами, цепями и кастетами, Евдокия Ивановна взяла его на руки и перенесла на кровать с шестью подушками.

«Лёгонький какой! Килограммов пятьдесят, не больше!» – привычно прикинула она живой вес добычи. Аккуратно раздела мужчину, затем разделась сама и легла рядом, счастливо вздохнув.

Ночью, проснувшись от сухости во рту, и обнаружив возле себя обнаженное женское тело, Евгений Витольдович сначала растерялся и чуть было не запаниковал, но дама, чутко стерегущая каждое движение, поощрила его, закинув поперек живота голую полную ногу и положив руку на... ой, Автор стесняется объяснить, на какой именно орган! Догадайся сам, Читатель! Результат сей провокации оказался феноменальный: у Евгения Витольдовича ПОЛУЧИЛОСЬ! Впервые в жизни, да! А потом и ещё раз! Пророчество соседа по комнате Романа сбылось!

Наутро, похмелившись рассолом, Евгений Витольдович, ощущавший себя могучим самцом и половым гигантом, сделал своей обожаемой подруге предложение руки, сердца и московской прописки. Предложение было принято с восторгом! Так Евдокия Ивановна стала мадам Волопасовой-Гуковой и обладательницей заветного штампа о постоянной московской прописке в паспорте.

Итак, на пороге квартиры Златогоров стояла разъяренная Чума.

Не здороваясь, она прошла в комнату, сделав приглашающий жест своим сопровождающим. Остановившись около растерявшегося Сергея, уперла кулаки в широкие бедра и пронзительно завопила:

– Ой, люди добрые, гляньте! Ой, да что же это за беспредел-то творится! Вот он сидит, волчара позорный! Сорвал цветочек аленький, а сам-то в кусты! Не хочет жениться, окаянный! Ой, доченька моя сахарная! Как же ты, безответная, дитё-то растить одна-одинешенька будешь! Ой, жалко да сиротинушку, безотцовщину горемычную! Ой, да разве ж мать твоя одна с воспитаньем-то справится! Ой, а зарплата-то у ней малёхонька, не покушаешь ты, деточка, сахарку да пряничков! Ой, да только корку черствую! А папашка твой, гляди-ко, сытый да гладкий, морда наглая, жопа толстая! За что боролись, разве ж за это? – и продолжала далее в том же духе, не давая Сергею и Александре Георгиевне опомниться.

В подъезде захлопали двери растеряженных воплями соседей. Вскоре у приоткрытой двери квартиры Златогоров собралось человек десять. Двери не давал захлопнуться Евгений Витольдович, проинструктированный супругой. Скандал ширился, приобретая оттенок общественной значимости.

...Ни фиги себе! ... Куда девать? ... А чего там? ... Обокрали... Скорую надо! ... Подвинься, не видать ничего... Залили, наверное... Молоко убежало... Режут! ... Сережка это, Златогор, не слышишь, что ли? ... А почему? ... Тазик... Щас участковый... Тряпки, тряпки несите! – волновались соседи, не в силах пока постигнуть суть происходящего.

Дело в том, что Евдокия Ивановна два часа назад расколола Лену. Та, рыдая, созналась, что в срок не пришли месячные, что тошнит по утрам и тянет на соленькое. Надавав дочери пощечин в воспитательных целях, Евдокия-Чума решила идти напролом, то-есть скандалом вырвать у Сергея обещание жениться на Лене. Интеллигенты, они крика не выносят, взять хоть муженька, чуть голос повысишь – сразу под кровать прячется.

Но Александра Георгиевна не поддалась на провокацию! Она взяла со стола заварочный чайник и со всей силы грохнула его об пол, так что осколки и брызги заварки разлетелись по всей комнате. И ещё в этот момент за окном полыхнула молния и раздался пушечной силы удар грома! Эффект получился потрясающий: Чума, вытаращив глаза, замолкла на полувопле, Сергей подскочил на полметра от дивана и инстинктивно принял боевую стойку, Лена с коротким вскриком отшатнулась и задела торшер, который упал на Евгения Витольдовича. Тот, не будучи храбрецом, едва не обмочился с испугу. В комнате воцарилась тишина.

– Итак, по порядку, – железным преподавательским голосом воззвала мадам Златогор, привыкшая укрощать буйных студентов, – Что у вас за претензии? Да, дверь закройте, дует!

Дверь закрылась, отсекая бурлящую любопытством толпу соседей.

Евдокия Ивановна, лишившись поддержки аудитории и всё ещё не оправившись от шока, проямлила:

– Леночка наша беременная! От этого вот, Сергея свет Сергеича! – её голос снова начал набирать децибеллы, – А ещё комсомолец! Ой, жениться не хочет, окаянный... – она уже снова была готова вопить, изливая в каждой руладе скорбь за свою дочь – будущую мать одиночку, а также за горькую долю ещё не родившегося ребенка.

– Тихо! – свирепо цыкнула на неё Александра Георгиевна, и посмотрела на Лену, – Это точно?

– Да куда уж точнее! – запричитала Евдокия, а Лена только молча кивнула.

– Ты была у врача? – настойчиво глядя девушке в глаза, спросила Александра Георгиевна.

Та опустила взгляд и отрицательно мотнула головой. Сергей открыл было рот, но мать, не глядя на него, прошелестела уголком губ:

– Молчи, не вмешивайся! Я сама! Только хуже сделаешь!

Сказано это было на иврите, их языке высшей степени секретности.

– Не вижу никакого повода для беспокойства, – развела руками Александра Георгиевна, изображая улыбку на лице, – Наличие беременности не установлено! К тому же, даже если беременность и имеет место, то надо будет ещё доказать, что именно Сергей отец ребенка.

Это было жестоко! Бедная Лена залилась краской, слёзы так и брызнули и покатались по щекам. Это что же получается, у неё пузо нагуляно неизвестно от кого? Не от будущего мужа?! Не от Сереженьки?! Да она же ни с кем, кроме него, любимого...

– Да что тут ещё доказывать? – злобно завопила Евдокия, – И так все знают, что встречались они!

– Ну, мало ли, кто с кем встречается! – пожала плечами Александра Георгиевна, – Совместного хозяйства они, ведь, не вели? И вместе не жили! Так что, обращайтесь в суд с иском об установлении отцовства. Только, сначала, к гинекологу сходите. А сейчас позвольте вам выйти вон! – и она изящным жестом прабабушки-герцогини указала оторопевшим Волопасовым-Гуковым на дверь.

Тем пришлось покинуть поле битвы, ибо против логики не попрешь.

Получасом позже Роза Самуиловна, соседка Златогоров сверху, многозначительно сообщила вернувшемуся с прогулки мужу, Зиновию Абрамовичу:

– Знаешь, Зяма, а Златогоры таки уезжают!

– Куда это? – удивился тот, снимая ошейник с мокрой и мрачной болонки Нюси.

– Ну, как: «куда»? На историческую родину!

– Но, золотце моё, они же гои!

– Ой! Я вас умоляю, гражданин Рабинович! Или я сама не слышала, как эта в кавычках гойка разговаривала с сыном на иврите? Заметь, даже не на идише! Сегодня там был скандал, я не разобрала – то ли они у Волопасовых-Гуковых деньги заняли, то ли наоборот, те отдавать долг не хотели, а только ясно было сказано: «Молчи, не вмешивайся! Я сама! А то нас в Израиль не выпустят!»

– Да ты што-о!

– И ещё: подумай, как на идише будет звучать их фамилия?

– Златогор... Златогор... Гольдберг!!!!???

– Ну!!! Убедился?

Забросив живопись, Михаил целую неделю прочесывал огромный Судакский пляж в поисках своего мимолетного виденья. Он заглядывал под каждый навес, подолгу топтался возле киосков с мороженым, заходил в столовые и чебуречные, в бинокль рассматривал плавающих в море. Увы! Девушка не находилась! Он расспросил всех местных, торгующих на набережной фруктами, сувенирами и квасом. Тут повезло больше: один старичок вспомнил, что в субботу видел стайку девиц, среди которых была и негритянка, и опознал их на Смахтинском рисунке.

– Точно, они это. Иностранки, а как же! Все три!

– А почему вы так уверены, что иностранки? – поинтересовался Михаил, наливая деду гонорар – стакан сухого.

– Э-э, милый! Давно тут сидим, видели всяких! И ходили-то они не так, как наши, и смеялись не так, и морозиво не по нашему кушали! У нас тут, однако, граница, всю жизнь бдительность тренируем! Вот, к примеру, в шестьдесят четвертом случай был...

Но Михаил уже не слушал словоохотливого дедка. Он привлек на помощь могучий инструмент – логику. Дано: девушки-иностранки были здесь в субботу, а на буднях не появлялись. Уж негритянку-то он бы точно не пропустил! Значит, если предположить, что они, как ему сообщили в деканатах для иностранцев, живут и работают в лагере труда и отдыха, то лагерь, скорее всего, не на побережье, иначе девчата каждый день на пляж ходили бы. Значит, приезжают на выходные!

Он перевел дух и подошел к фонтанчику с питьевой водой, ибо во рту пересохло от умственных усилий. Пока пил, какой-то шустрый пацан лет шести пустил в него теплую струю из водяного пистолета и намочил футболку. Михаил сбился с мысли и, сооротив страшную рожу, сделал вид, что хочет погнаться за стрелком. Тот удрал, отстреливаясь через плечо и восторженно вереща.

Да, на чем мы остановились? Приезжают... А здесь в город одна дорога! Точно, надо будет дежурить на въезде в город! И стеречь не рейсовые, а ведомственные автобусы!

Удовлетворенный сим плодом собственного интеллекта, Михаил вернулся в Новый Свет. Пока чахлый автобус, натужно тарахтя выработавшим все ресурсы двигуном, совершал перемещение в пространстве, наш герой обдумывал технические детали своего замысла. Кое-какие идеи вполне могли быть воплощены в жизнь!

«На дальней станции сойду, трава по пояс...» – мурлыкал он себе под нос, выйдя из душного чрева Икаруса. Путь его лежал к дому местного плотника Кузьмича. Жил Кузьмич со своею старухой у самого Черного моря. Кузьмич строгал свои доски, а старуха пряла свою пряжу. Михаил знал, что в сарае у плотника стоит мопед «Рига-4». Он-то и был его целью!

– Здорово, Кузьмич!

Тот оторвался от работы и протянул жесткую, в мозолях руку. Слова плотник употреблял только в крайних случаях. Михаил крепко пожал её и присел на старый ящик. Дело было деликатное, торопиться не следовало.

– Как коммерция, Кузьмич? – спросил он, как бы между прочим, доставая сигареты.

Плотник вздохнул, и изобразил на морщинистом лице гримасу, красноречиво повествующую о скверном состоянии дел. Он подрабатывал сколачиванием ящиков для фруктов, которые отдыхающие довольно охотно раскупали, чтобы увезти в Москву, Ленинград, Мурманск и Воркуту виноград, вишню-черешню, персики и абрикосы. Везти продукцию приходилось в Судак. Пять-шесть ящиков в день по рублю пятидесяти за штуку составляли немалый приварок к совхозной зарплате. Но, с недавних пор, завелся у Кузьмича конкурент! Завалил, гад, рынок, кое-как сколоченными корявыми одноразовыми ящиками с картонными стенками и неудобными веревочными ручками по демпинговой цене восемьдесят копеек! Ящики Кузьмича были произведением искусства: удобная, слегка изогнутая деревянная ручка, добротные фанерные стенки. Сто лет прослужат! Но конкурировать с дешевкой они не могли. Объем продаж понизился, заработки тоже.

Все это Кузьмич ухитрился изобразить одной только мимикой и тяжелым вздохом.

– Реклама! – с нажимом произнес Михаил волшебное слово, – Тебе реклама нужна, Кузьмич!

Тот развел руками, соглашаясь, но, одновременно, показывая: где ж её взять?

Михаил взял дощечку, уже приготовленную для торца, повертел её в руках. Затем вынул блокнот для набросков и написал следующие строки:

Не только фрукт домой привезть,

Но и с базара овощ несть!
Сей ящик будет вам служить
Сто лет и Щастье приносить!

(Орфографическая ошибка была сделана намеренно. Такой текст сразу бросается в глаза и запоминается накрепко!)

Вирши он увенчал силуэтом плывущей по волнам русалки. Подумав, написал внизу «Крым. Судак. Кузьмич»

Показал Кузьмичу. У того от восхищения отпала челюсть.

– Я тебе сделаю трафарет, и плакат тоже, – пообещал Михаил, довольный произведенным эффектом.

Плотник часто-часто закивал и принялся жать Михаилу руку. Потом сходил в дом и принес бутылку сухого с двумя стаканами. Разлив, вопросительно заглянул художнику в глаза, как бы спрашивая, «может, надо чего?»

Чокнувшись, выпили.

– Мопед не одолжишь? – небрежно, как о маловажном деле, поинтересовался Михаил, закусывая вяленой зеленухой, – Хочу на выходных съездить кое-куда.

Кузьмич молча встал и через минуту вывел из сарая старенького железного коня... нет, скорее – конька-горбунка с педалями. Чтобы им управлять, ни водительских прав, ни номера, ни шлема не требовалось. Двигатель объёмом 49,9 кубических сантиметров уверенно перемешивал в пространстве одного человека, плюс разумного веса груз. Ну, иногда приходилось помогать педалями на подъёме.

Проблема транспорта была решена!

Глава седьмая

Жизнь в лагере труда и отдыха нравилась Эстрелле. Работа была не тяжелая, знай, рви персики и складывай в ящики. В обед все шли купаться на пруд, а вечером играли в настольный теннис или волейбол. Уроки русского языка трудностей не вызывали, товарищ Шапиро обсуждал с ними прочитанные книги, просил учить больше стихов на память, иногда – писать коротенькие рецензии на просмотренные фильмы. Кино, кстати, показывали в клубе через день!

После того случая с зубной пастой девушки установили охранную сигнализацию в виде развешанных на ниточках колокольчиков, успешно предотвратив тем самым две новые попытки вторжения. Библиотека в изобилии снабжала духовной пищей. Совхозная столовая – пищей телесной. Готовили местные повара вкусно, все были довольны. Правда, в первый день палестинцы отказались есть свинину, но руководство быстро сориентировалось, и больше такого не повторялось.

И, конечно же, все с нетерпением ждали субботы, чтобы поехать на море! Правда, тут у Эстреллы возникла небольшая проблема. Когда она впервые примерила свежкупленный купальник, Хельга покачала головой и сказала:

– Тебе надо сделать эпиляцию, а то волосы торчат. Некрасиво и неприлично!

Эстрелла загрустила. Бритьё подмышек и ног станком «Буденновец» оказалось сущей лаской по сравнению с удалением лишних волос с помощью липкой ленты. Но красота требует жертв, и она эту жертву принесла!

Попав в Судак впервые, Эстрелла и Хельга, а также остальные девушки были восхищены: море, ласковое и теплое, с шипением накатывало некрупные волны на песок пляжа. Вода была прозрачная-прозрачная! Все с радостным визгом бросились купаться и сидели в воде целый час. Эстрелла с удивлением отметила, что вода не такая соленая, как в Атлантике. Затем они с Хельгой пошли в самый дальний конец пляжа, под Генуэзскую Крепость, и там долго ныряли с масками. Хельга быстро научилась погружаться на глубину до пяти метров. Глубже боялась, жалуясь на боль в ушах. Эстрелла же свободно достигала десяти-двенадцати метров. Ей нравилось парить в сине-зеленой толще, заглядывать под камни, где крабы приветствовали её салютом вздутых кверху клешней, а любопытные султанки тыкались мордочками в ласты. Однажды она увидела здоровенную камбалу, лежащую на песчаном дне и сонно помаргивающую своими странными глазами, но главным событием дня стала красивая витая раковина величиной в кулак. Конечно, на Кубе попадались намного крупнее и красивее, но Эстрелла все равно решила сохранить её на память.

Накупавшись досыта, девушки гуляли по набережной, ели мороженое, чебуреки и сахарную вату. Оглядевшись по сторонам, нет ли поблизости Ковалева или Шапиро, выпили по стакану розового вина, которое наливали из бочки полная тетка в белом халате на голое тело. День прошел замечательно! Возвращались домой с песнями. Единственным огорчением была обгоревшая до ярко-пунцового цвета Хельга. На ночь её всю намазали сметаной, и в воскресенье она на море не поехала. Потом кожа на носу, ушах и плечах слезала клочьями, что невероятно веселило чернокожих африканок. Им-то солнце было нипочем!

В конце июля, Хельга, гуляя по набережной, остановилась около девушки в большой соломенной шляпе, торговавшей живописью. Небольшие картонки маслом, акварели... Очень симпатичные пейзажи и жанровые сцены! И недорого. Не в силах преодолеть тягу к прекрасному, Хельга плюнула на экономию и купила сочную акварельку со смешными толстопопыми девушками, играющими в бадминтон на пляже, пейзажик маслом, изображающий маленькую круглую бухту в обрамлении скал, и портрет сложенного как Аполлон симпатичного парня, держащего в руках скалу с Генуэзской Крепостью. Исполнено было в стиле Сальвадора Дали.

Дома она расставила картины на столе и отправилась в душ. Вернувшись, застала Эстреллу в нешуточном волнении.

– Где ты взяла этот портрет? – выпалила вопрос кубинка.

– На набережной... там девушка много картин продавала. А что? – обескураженно распахнула глаза подруга.

– Нет, ничего... – Эстрелла не отводила глаз от парня, её парня с Ленинского проспекта. Неужели он здесь, в Крыму?

Она едва дождалась следующей субботы. Приехав в Судак, сразу пошла искать девушку, торгующую картинами, но не нашла. Дело в том, что художники, удачно расторговавшись на прошлой неделе, устроили небольшой загул, и новых картин не написали, а посему решили пропустить разок, накопить живописи побольше и уж тогда устроить новый вернисаж.

На следующую неделю Эстрелле повезло: девушка, причем, та же самая, по утверждению Хельги, снова продавала картины.

– Скажите, пожалуйста, – приступила к ней Эстрелла, потрясая портретом, – Кто автор этой картины?

Девушка сдвинула солнцезащитные очки на лоб и всмотрелась.

– Ну, я!

– А как зовут этого молодого человека? – Эстрелла очень волновалась: она, наконец узнает, как зовут её любовь! – И где он сейчас?

Студентка второго курса Строгановки Люся Воробьёва внимательно оглядела стоящую перед ней иностранку. Фигура, затянутая в закрытый купальник, моментально вызвала жгучую зависть, не говоря уже о роскошных распущенных волосах. Сама Люся была маленькая, худенькая и плоская, с веснушками на лице и жесткими, ярко-медного цвета, волосами. Кожа у неё была белая, как сметана, а на лбу прописались несколько застенчивых прыщиков. Ещё она была девушка наивная и склонная к романтизму, черпавшая знания о жизни из книжек.

Она была влюблена в Михаила уже более года, и из-за него отказалась поехать с родителями-дипломатами на все лето во Францию. Михаил эту горячую любовь совсем не замечал, относился к Люсе, как к товарищу, называл Воробушком. Ну, не видел он в ней женщину – и всё тут! Но девушка была настойчива в достижении своей цели! Здесь, в Крыму, она долго и старательно рыла апроши к сердцу своего предмета страсти и очень преуспела: парень уже ел из рук, учил плавать, соглашался позировать, приглашал на танец два раза, а самое главное, позавчера, сидя у костра, обнял за плечи и долго не убирал руку! Не сегодня-завтра поцелует, наверное... может, даже и в губы! ... а там и до свадьбы недалеко!

И вдруг заявляется этакая сисястая импортная телка на ходулях и нагло интересуется Мишей! Её Мишей! Наверняка хочет дорогу перейти и умыкнуть суженого! Ничего трудного, с такими-то потрясными сиськами, ногами и тазобедренным местом! Мальчишки-дураки на таких в момент западают, как д'Артаньян на Миледи! Не понимают, глупые, что настоящая красота – это красота души, и она в сто раз ценнее этих зазывно топырящихся прелестей. Про это и Бунин писал, и Маяковский, и Лев Толстой, и Роберт Бернс в переводе Маршака! А они зря не скажут!

Про свою душу Люся точно знала, что она самая красивая. Чтобы в этом убедиться, ей было достаточно посмотреться в зеркало и заглянуть поглубже в свои глаза.

Прокрутив в уме все эти соображения, Люся решила, что соперница ей ни к чему и приступила к борьбе.

– Не скажу! – с вызовом бросила она и нахмурилась.

– Но, почему? Пожалуйста, мне очень надо! – взмолилась Эстрелла.

Но Люся уперлась:

– Потому! Не скажу – и всё!

– И все-таки... – не отставала красавица-кубинка.

– Иди на фиг! – грубо рявкнула Люся, и после этого всякое общение прекратилось.

Отойдя в сторонку, Эстрелла вытерла слёзы, выступившие на глазах от досады, и решила проследить, куда с набережной отправится художница. Увы! Когда наступило время отъезда, грубиянка в соломенной шляпе всё ещё сидела на своем ящике и уходить не собиралась. Пришлось возвращаться в «Путь Ильича» не солоно хлебавши.

Прибыв на своем трескучем транспорте в лагерь, Михаил узрел народное гулянье. В смысле, его сожитель по палатке Смахтин гулял со своей новой подругой Таней. Сия дама приехала в Крым из далекого Семипалатинска-7 от суховеев, секущих лицо пылью круглый год, от радиации (город был закрытый и обслуживал ядерный полигон!), от импотента—мужа и свекрови, с которой отношения были, скажем так, натянутые. Вот уже третий день она проводила все своё время с импозантным чернобородым художником Володей, в изобилии получая от него заряды бодрости, жизненной энергии и умопомрачительного удовольствия. За эти три дня она уже получила зарядов больше, чем от мужа за целый год! А впереди было ещё целых три недели отпуска!

Увидев Михаила, Смахтин сделал значительное лицо и отвел его в сторонку:

– Миш, ты, это... не мог бы сегодня в палатку на ночь не приходить? Татьяна хочет со мной рассвет встретить... ну, ты понимаешь!

– А чего ж! Просьбу выполняю, – легко согласился Михаил, – Придумаю что-нибудь... Только ты поосторожней, у них там радиация суровая, мало ли что!

Смахтин тревожно нахмурился:

– Ты это брось! Радиация половым путем не передаётся!

– Как знать, как знать...

Вечерело. Художники собрались у костра для совместной вечерней трапезы и последующих посиделок с песнями под гитару. Погрузившееся в море солнце окрасило мир в цвет пепла сторевших роз. Подсвеченные последним отблеском заката редкие кучевые облака представляли собой причудливое нагромождение крепостных башен, динозавров и интересных частей человеческого тела... Одно облако представляло собой пару мощных ягодиц, пораженных целлюлитом.

– Ой, глядите, вон то облако! Правда, на жо... на гузно похоже? – воскликнул кто-то из девушек.

Все посмотрели и признали, что и в самом деле, похоже. Причуда природы-с!

Слопав по миске гречки с тушенкой и запив сухоньким, принялись за песнопения. Исполнили хором Окуджаву, Высоцкого, Машину Времени. Напоследок дворовую, неизвестного автора: «В нашу гавань заходили корабли!». Пение было в охотку, поэтому длилось долго.

Стемнело. Костер прогорел, и лица окруживших его ребят освещались теперь только багрянцем тлеющих углей и редкими искрами. Пахло йодом, розами, протечкой из канализации и кипарисами. Над головами бесшумными зигзагами пролетали летучие мыши, роились зелеными кляксами светлячки. Крымская ночь...

Постепенно все разошлись спать. У костра остался только Михаил, так и не решивший, к кому попроситься на постой. Может, переночевать под открытым небом? А почему бы и нет? Песок мягкий, в спальнике не замерзнешь... Он нагреб себе холмик, придав ему форму роскошного ложа, разделся и залез в спальник. Хорошо-то как! И звездный купол над головой... Сон перешел в наступление, и уставший за день организм без борьбы уступал ему рубеж за рубежом. Веки сомкнулись, перед внутренним взором поплыли неясные тени...

– Миш, а Миш! Ты что, спишь?

– Гр-м... А? – Михаил разлепил веки и увидел сидящую около него на корточках Люсю Воробьеву, – Спу... То-есть, сплю! Ты чего, Воробушек?

– Мне одной страшно. Светка к своему майору ушла... А тебе ночевать негде, да?

– Ну... типа того...

– Мишенька! А пойдем ко мне! А то я до утра не усну, я же такая трусиха! – умоляющим голосом прохныкала Люся.

Михаилу стало жалко бедняжку. Что ж, надо помочь товарищу!

– Ладно, я сейчас...

Выбравшись из спальника, перетащил вещи в Люсину палатку. Там снова забрался в мешок и застегнул молнию.

– Спокойной ночи, Воробышка!

Сон снова начал окутывать мозг стужающейся ватой истомы...

– Миш, а Миш!

– Гр-м... кх-ха... А?

– Мне холодно... у меня одеяло тонкое...

Михаил снова вылез из спальника, на четвереньках подполз к Люсе и накрыл её Светкиным одеялом. Затем упаковался обратно в мешок.

– Спокойной ночи, Воробышка!

Прошло несколько минут.

– Миш, а Миш!

– Ну, чего тебе ещё, комсомолка Воробьева?

– Я боюсь! Тут мышь шевелится!

– Да не укусит она тебя! Спи давай!

Ещё несколько минут он прислушивался к сопению в другом конце палатки. Вроде, уснула?

– Миш, а Миш!

– Ёпэрэсэтэ! – ругнулся Михаил вполголоса, начав смутно подозревать, что уснуть удастся не скоро, – Что на этот-то раз, Воробыще?!

– Мне грустно! Можно, я тебе?

– В смысле?!

– Ну, я тебя обниму! Будешь вместо плюшевого мишки, а то мой дома остался...

– Хорошо, хорошо! Обнимай! – раздраженно разрешил Михаил, – Теперь, надеюсь, спать можно?

– Да...

Хитрая Люся наконец-то держала любимого в объятиях! Пусть между ними был спальник, это не имело значения! Девушка долго прислушивалась к сердцебиению парня. Вот оно успокоилось: тук... тук... тук... Дыхание тоже стало лёгким, почти неслышным. Пора! Медленно, сантиметр за сантиметром, она расстегнула молнию спальника. Затем также, по сантиметру, ввинтилась внутрь, едва не порвав о замок пижаму на худенькой попке. Михаил не проснулся, только повернулся на спину. Люсины зубы стучали от возбуждения. Вот он, миг физической близости! Упругая кожа и круглящиеся мускулы жениха (она уже думала о Михаиле именно в этом формате!) обжигали её ладони и не прикрытый пижамой живот. Вытянув губы трубочкой, Люся осторожно поцеловала любимого в угол рта, слегка уколотившись о щетину. Свершилось! Поцелуй состоялся! Ур-ра-а-а!

Перед мысленным взором возникла белая «Чайка» с лентами и пупсом на радиаторе, свадебное платье с корсетом и корсажем, открывающее плечи, пышная фата с маленькой диадемой, струя пены из бутылки шампанского, мамино заплаканное, но счастливое лицо, гости, кричащие «Горько!»

Люся спала и на лице её цвела улыбка совершенно счастливого человека.

Утром Михаил по крабьи выполз из палатки, умудрившись не разбудить Люсю, тем самым избежав неловкости, конфуза и смущения. Ему всю ночь снились эротические сны, проснулся с мокрыми трусами – и обнаружил Воробьиху у себя в спальнике! Едва до греха не дошло, хоть она и просто товарищ!

«Ну, погоди, Смаха! Во что я из-за тебя чуть не влип, а?»

В голове зародился и начал зреть план мести.

Через два дня подвернулся удачный случай! Смахтин, проводив свою подругу в Судак, вернулся к ужину крепко поддатый, объяснив, что наткнулся на отличный массандровский портвейн и не мог упустить такой случай.

Когда все улеглись, Михаил, предварительно наловив светляков, прокрался в палатку, осторожно спустил с товарища трусы, и, намазав ему пах мёдом, наклеил туда десятка два светящихся изумрудным пульсирующим светом насекомых. После чего вернул трусы в исходное положение, вылез из палатки и начал коварно переливать воду из кружки в кружку тонкой журчащей струйкой. Через пару-тройку минут рефлекс сработал! Из палатки раздалось недовольное бормотание, затем полусонный Смахтин вышел наружу и поплелся к железобетонному сортиру, стоящему метрах в тридцати. Михаил ждал, затаив дыхание. И дождался! Тихую крымскую ночь потряс жуткий, леденящий душу вопль, заставивший содрогнуться всех художников и проживающих по соседству поселян! В четырех близстоящих домах зажегся свет, народ, спросонья решивший, что началось землетрясение, повыскакивал из домов, палаток и шалашей. В скрещенных лучах фонариков взорам общественности предстал Смахтин с трусами на щиколотках! Не переставая вопить, он яростно лупил себя по паху, где радостно сияли светляки.

Некоторое время все стояли, как громом пораженные, а затем раздался смех. Нет, не так! Произошло извержение хохота! Цунами! Ядерный взрыв!

Михаил, едва не порвавшись пополам, едва смог выговорить:

– Радиоактивные мандавошки! А я, ведь, предупреждал!

Затравленно оглядевшись, виновник переполоха с душераздирающим криком «Ёкэлэм-энэ!» бросился со скалы в море...

После двухнедельных уговоров, иногда сопровождавшихся, что греха таить, рукоприкладством в виде пощечин и подзатыльников, Лена согласилась пойти к гинекологу. Вернее, её за руку отвела в женскую консультацию Эмилия Иоанновна (бывшая Евдокия!).

– Ничего, Леноч, не переживай! Трусы твои с евойной спермой у меня припрятаны, значит, признают отцом гражданина Златогора, как миленького! И будет восемнадцать лет по суду алименты платить! А получка у него больша-ая, до пятисот рубликов доходит! – ободряла она дочь по дороге.

Лене вовсе не хотелось идти в суд. И алименты получать тоже не хотелось. И рожать без мужа не хотелось. И аборт делать не хотелось! Ей хотелось замуж за Сереженьку, хотелось, чтоб у сыночка был папка, чтоб была семья. Но как, как вернуть любимого? Вспомнила разговор в раздевалке: тетки шушукались о том, что, дескать, в Ворсино, по Киевской дороге, колдунья живет. Ой, много чего умеет! В том числе и мужика приворожить! Верка Замятина, вон, ни рожи, ни кожи, сроду на неё мужики не смотрели, а съездила к колдунье – и через полгода замуж вышла! Да не абы за кого, а за внешторговца! Слово «внешторговец» тётки произносили с придыханием, это, по советской действительности, было синонимом принца на белом коне!

Лена решила, что обязательно поедет в таинственное Ворсино, никаких денег не пожалеет, но Сереженьку приворожит. У неё сорок пять рублей накоплено, и мать о них не знает. Неужели не хватит?

К огромному облегчению Лены гинеколог Саркисян оказалась женщиной среднего советского возраста с большими брюликами в ушах и значком «Отличник Здравоохранения»

на груди. Ещё у неё были усики, как у Лермонтова. Когда Лена с матерью вошли в кабинет, она, не поднимая головы от каких-то бумаг, безапелляционно приказала:

– Которая на прием – раздевайтесь! Мамаша – выйдите!

– Нет, ну, как же так... – попыталась отстоять свои материнские права Эмилия-Евдокия, опасаясь, что дочь может утаить от неё результат осмотра или понять что-нибудь неправильно.

Саркисян сверкнула на неё суровыми черными глазами:

– Надо будет – позову!

Пришлось выйти, чтоб не обострять.

Лена, стесняясь, разделась за ширмой, оставив только трусики и лифчик.

– Готова, наконец? Идите на кресло, женщина!

Лена вышла из-за ширмы.

– О, господи! Из деревни, что ли? Как я смотреть-то буду, сквозь трусы? Трусы, говорю, снимайте, да на кресло садитесь!

Залившись краской, Лена стянула трусики и села на краешек металлического кресла, плотно сжав колени. Врачиха, сидя к ней спиной начала задавать стыдные вопросы:

– Половой жизнью живете?

– Нет... А как это? – робко пробормотала Лена, у которой все от волнения путалось в голове.

Саркисян недвусмысленным жестом пояснила вопрос.

– Да... – прошептала Лена.

– Регулярно? Сколько раз в неделю, в месяц? Последний раз когда?

Лена ответила.

– Месячные когда были?

– В конце мая...

Выяснив также, что девушку тошнит по утрам, тянет на соленькое и беспокоят головные боли, докторша записала всё это и надела на правую руку резиновую перчатку, от вида которой Лену бросило в дрожь. Увидев, в какой позе сидит пациентка, отличница здравоохранения аж перекосилась:

– Ну, женщина, вы и даёте! Что, на урок пения пришли? Ноги вот сюда, на подставки, кладите!

Осмотр продолжался недолго, но Лена за это время умерла раза три. От стыда, а как же! Первый раз, когда снимала трусики, второй раз – когда врачиха фыркнула насчет того, что, идя на осмотр, подмываться надо тщательней. А в последний раз, когда в кабинет беспардонно ввалился краснорожий прапорщик, сразу начавший канючить, размахивая медицинской картой:

– Ой, врач, шо вы моей жинке написали: «Здоровая»! Она ж у ней така же, як у усих!

Саркисян швырнула в таз страшный никелированный инструмент и взвизгнула так, что даже усы встопорщились:

– Мущина! «Здоровая» означает, что я в вашей жене болезней не нашла, а вовсе не размер манды! Выйдите немедленно, я занята!

Дядька испарился, даже не извинившись.

Отдышавшись, гинекологиня хмуро бросила Лене:

– Одевайтесь!

Пока Лена одевалась, в кабинет шмыгнула мать.

– Ну, что, доктор? Тяжелая она?

– Нет! – отрезала Саркисян, строча что-то в карточке, – Беременности нет... а вот кишечник раздут и спазмирован. Это глисты! Вот направление на анализ кала. Лечитесь у терапевта.

– Как, глисты?! – поразилась до основания мадам Волопасова-Гукова, – А месячные почему? То-есть, это... нету их?

– Бывает такое явление! – развела руками доктор, – От интоксикации. Один из видов ложной беременности, да.

Домой Лена возвращалась почти счастливая. Глисты – тьфу, ерунда! Она их вылечит... то-есть, нет: зачем их лечить, они же здоровые! Выгонит! А потом – сразу к колдунье!

Михаил, надев общественную широкополую соломенную шляпу, сидел на автобусной остановке у въезда в Судак с самого субботнего утра, внимательно всматриваясь в каждый тормозящий на повороте автобус. Мопед, заправленный под самую пробку, стоял рядом в полной боевой готовности. Вот, около десяти часов, показался дряхлый ПАЗик с надписью на лобовом стекле: «Совхоз Пу...». Далее не читалось, бумага была оторвана. Сбавив скорость, автобус со скрипом повернул в город, и Михаил увидел её! Девушка с Ленинского проспекта сидела у окна в последнем ряду. Волосы, перехваченные красной лентой, развевались на ветру, ибо все форточки были открыты из-за жары. На сей раз контакта взглядов не произошло, она смотрела в сторону, видимо, разговаривала с кем-то.

Михаил бросился к мопеду, с силой нажал на педаль. Аппарат чихнул. Ещё раз! Заводись, милый! Раздалось тархтение двухтактного движка. Ну, выноси вороной! Обмотанная синей изолентой ручка газа вывернута до отказа, сцепление отпущено... Опять скрипит потертое седло! Скорее, скорее, помочь педалями! Теперь не уйдут!

Михаил мчался в полусотне метров от автобуса со скоростью сорок километров в час.

В удачу поверьте – и дело с концом!

Да здравствует ветер, который в лицо!

И нет нам покоя, гори, но живи!

Погоня, погоня, погоня, погоня в горячей крови!

(Роберт Рождественский. Песня из кинофильма «Неуловимые мстители». Автор завидует, что не он написал эти замечательные строки, как нельзя лучше отвечающие описываемому моменту!)

Нагруженная нектаром усталая пчела Нимфодора летела в улей. Это была её третья ходка за сегодня. Потрудиться пришлось не менее часа, ибо в начале августа медосбор только на разнотравье, сами понимаете. Деревья все уже отцвели – жаль, конечно, там цветы большие, удобные. А на травах цветы мелкие, взятку с каждого небольшой, пока полный груз соберешь, все крылья отмахнешь! Так что летела Нимфодора медленно. В голове вертелась подслушанная в репродукторе песня: «Когда усталая подлодка из глубины идет домой...». Во-во, прямо про неё! Ничего, ещё пара рейсов – и можно будет перерыв на обед устроить. Работа – не волк, в лес... Ой, что это!? А-а-а!!!

На Нимфодору несся человек на мопеде. Сворачивать было поздно, столкновение было неминуемо! Напрягая все силы, пчела попыталась затормозить, чтобы смягчить удар. От усилия из брюшка даже выступило жало... Бесполезно! Огромная фигура налетела на Нимфодору, сминая крылья и ломая лапки...

Удар и жгучая боль в глазу ослепили Михаила. Он потерял контроль над своим транспортным средством, и через секунду врезался в бордюр, рыбкой перелетев через руль и пропахав по корявой обочине лицом, локтями и коленями. Мопед отрикошетировал на середину дороги и, жалобно пискнув, был переехан груженым щебенкой тяжеленным ЗИЛом-130. Испуганный водитель остановил самосвал и бросился к перепачканному парню.

– Эй, хлопче, ты цел? Ничего не сломал?

Михаил, выплюнув изо рта попавшую туда пыль, ощупал себя. Счастливым отделался! Содрана кожа на коленях, локтях и правой скуле. Глаз невозможно открыть, слезы ручьём... А так – ничего!

– Нормально... Асфальтная болезнь только...

Шофер вздохнул с облегчением:

– Ф-фу-у! А я уже злякался... Як же ты так?

– Пчела... в глаз попала...

– О, бджола! Це погано дило! Давай я тебя у гошпиталь, а? Перевьязут, очи промоют, укол якись от столбняка зробят... Поихалы!

– А мопед как же? Он чужой!

Шофер с сомнением посмотрел на останки мопеда.

– Ладно, положу у кузов... хотя його вже навряд ли виправити можливо.

Глаз заплывал отеком с каждой секундой всё сильнее. Пока доехали, смотреть им было уже невозможно. А вскоре закрылся и второй!

Конечно, доктор оказал необходимую помощь: вынул жало, вонзившееся в веко, сделал укол димедрола, обработал ссадины, но...

– Отек продержится несколько дней, молодой человек! – посочувствовал доктор, моя руки, – Вот вам таблетки димедрола, на глаза будете делать прохладные содовые примочки. Поправляйтесь!

Тот же шофер отвез Михаила в Новый Свет вместе с обломками мопеда, предварительно заехав на стройку сгрузить щебень. По дороге он успел рассказать попутчику всю свою биографию, начиная с детского сада, описал семью, соседей, родственников, диспетчершу Галю, их внешность, привычки и особенности поведения кума в нетрезвом виде. Потом, когда эта тема иссякла, расспрашивал про Москву, в которой не бывал ни разу, особенно интересуясь, правда ли, что в театральных буфетах продаётся темное «Бархатное» пиво, а также «Двойное Золотое». Михаил подтвердил, дескать, да, продается. Очень вкусное!

– Хоть бы раз такое доброе пиво попробовать – и помереть вже не обидно! – закончил шофер на оптимистической ноте, высаживая Михаила, – Ну, бывай, хлопче, хай тебе щастит! Такой, вот, отзывчивый, добрый и общительный человек!

В то утро Эстрелла опять ринулась к выставке-продаже живописи, и ей повезло: картинами торговала другая девушка. Вопросы ей Эстрелла задала те же, что и раньше:

– Кто этот молодой человек? Где его можно найти? – и показала уже изрядно замусоленный портрет.

Глянув на предъявленное вещественное доказательство, девица охотно ответила:

– Это Мишка Михайлов! Мы в Новом Свете обосновались. А портрет этот его невеста писала, Люся. Только его, кстати, и рисует! Они, как в Москву вернутся, сразу поженятся. Нас всех уже на свадьбу пригласили!

Люся Воробьева после той ночи по секрету рассказала всем девушкам, что они с Михаилом спали вместе, целовались, и у них была физическая близость. А когда в октябре папа и мама вернутся из Франции, то Люся с Мишей поженятся! Она уже и фасон платья придумала, и...

Михаил, разумеется, ничего об этих грандиозных планах не знал.

Все краски яркого августовского дня померкли вокруг Эстреллы. Так вот почему та, рыженькая, отказалась дать информацию! Они обручены, и соперница ей, конечно, ни к чему...

На Кубе, как и во множестве других стран с католическими традициями, обручение было очень серьёзным делом! Как правило, об этом объявляли в церкви (или на партсобрании!) и праздновали почти как свадьбу. Только без последующей брачной ночи, конечно. Наруше-

ние обещания жениться случалось редко и могло за собой повлечь даже судебное преследование, не говоря уже о мести оскорбленных родственников. В Советском Союзе дело обстояло не так драматично, но Эстрелла об этом не знала. Поговорка «Жена не стена, можно и подвинуть!» была ей неизвестна. Согласно вышеописанной концепции бедняжка решила, что Михаил Михайлов для неё потерян навсегда.

Весь день синьорита Рамирес проплакала в душном, раскаленном автобусе, не желая никого видеть. Несколько раз вспоминались глаза Михаила, и это причиняло новую боль и новые слёзы. Что ж, она будет молиться Деве Марии, чтобы она помогла забыть этого чужого жениха, а также помогла найти силы вырвать из сердца любовь...

Глава восьмая

Михаил потерял зрение на целых пять дней! Несмотря на димедрол и примочки, отёк рассасывался медленно, как доктор и предсказал. Полная беспомощность была совершенно ужасна и повергала в уныние. А Люся Воробьёва была, наоборот, вне себя от счастья! Она будет ухаживать за бедненьким слепеньким Мишенькой, а он, конечно же, привяжется к ней по настоящему крепко! Сказано – сделано! Все пятеро суток она неотлучно находилась около своего в кавычках жениха, кормила его с ложечки, всюду водила за руку, даже в сортир, читала ему вслух (с выражением!) книги и газеты. Под предлогом необходимости быть всё время рядом, уговорила перебраться в свою палатку, благо подруга Света уже несколько дней жила на квартире у любовника-майора, который поклялся партбилетом, что, как только вернется в родную Вологду, сразу же разведется со своей язвой-женой и женится на ненаглядной красавице-художнице. (Между нами говоря, он и в самом деле собирался сдержать слово коммуниста, оформив под новый брак с москвичкой перевод в столицу!).

Оставаясь с Михаилом наедине ночью, Люся благоразумно спала отдельно, чтобы не вспугнуть добычу, хотя очень хотелось пообниматься ещё, ну, хоть разочек. Но – терпела. А на третье утро ей повезло: Михаил во сне сбросил с себя одеяло и Люся увидела его обнаженным. То-есть, СОВСЕМ-СОВСЕМ обнаженным!!! Она, пользуясь случаем, долго, восхищенно и жадно рассматривала торчащую по утреннему времени вверх деталь анатомии, обычно скрытую под одеждой. Потом тихонько вынула блокнот и тщательно зарисовала в масштабе один к одному. В стиле Микельанджело, то-есть очень-очень выпукло!

Смахтин, оклемавшийся от потрясения, дулся недолго и простил друга. Чтобы Михаил не скучал, принес ему специальной глины, из которой тот лепил ошупью смешные скульптурки воробьёв – в честь Люси Воробьёвой. Люся млела!

Не в силах удержаться от желания похулиганить, Смахтин слегка эти скульптурки дорабатывал и раскрашивал. В результате все они становились похожи на фаллосы с крылышками! Володя отвозил их в Судак и выставлал на продажу под названием «Птицы счастья завтрашнего дня». Восхищенные покупатели расхватывали «птичек» как горячие пирожки!

По вечерам на вырученные от продажи этих крылатых ху... э-э... художеств деньги друзья покупали массандровский портвейн, от одного запаха которого становилось хорошо на душе, а после употребления внутрь жизнь снова становилась прекрасна и загадочна. Эх, скорей бы зрение вернулось!

Прозрев, Михаил первым делом поехал в Симферополь и в «Спортоварах» купил Кузьмичу новый мопед, вернее, мокик – «Верховину». Аппарат был просто загляденье! Прямо как мотоцикл, только маленький! Никаких педалей, двухскоростной, сиденье на двух человек. А по шоссе аж 60 километров в час выжимает! Дорога до Нового Света заняла всего полтора часа.

Кузьмич был просто счастлив: новый, несравненно лучший, чем прежде, транспорт, и, вдобавок, запасной мотор от старого! Благодаря тому, что Мишина реклама возымела действие и продажа ящиков возросла втрое, он теперь уверенно смотрел в будущее! Конечно, пусть Михаил и дальше пользуется мопедом! Все это выразилось в широкой улыбке, рукопожатии и подмигивании правым глазом. Зачем слова тратить, если и так все ясно!

В выходные Михаил ездил в Судак, но девушку так и не нашел. Автобус с надписью «Совхоз Пу...» больше не появлялся...

Дело в том, что последние две недели, остающиеся до отъезда, на общем собрании стройотряда было решено ездить не в Судак, а в Коктебель. Красивейшее место, россыпи агатов, сердоликов и прочих красивых камушков, музей Максимилиана Волошина...

Эстрелла была рада перемене обстановки, отвлекшей её от грустных мыслей. В дни выезда на море она проводила в воде многие часы, восхищаясь подводными пейзажами и собирая с поросших водорослями скал мидий и крабов, чтобы приготовить на всех паэлью. Море растворяло горе. (О, каламбур получился!) Паэлья имела огромный успех, особенно у руководства! Женатый Шапиро записал рецепт в надежде уговорить жену повторить это чудо кулинарии дома. Неженатый Ковалев записывать ничего не стал, но намекнул, что в Москве он достанет все нужные ингредиенты и они с Эстреллой сварят паэлью вместе. И вместе съедят! Эстрелла отнеслась к этому, как шутке. Хельга же только завистливо сопела: красавец Ковалев ей сильно нравился, но, увы, не обращал на неё никакого внимания.

В середине августа начальника отдела кадров Петропавлыча вызвал к себе начальник первого отдела Филимонов, тоже отставник, но полковник.

– Здравия желаю, Аполлон Данилыч! – поздоровался Петропавлыч, войдя в кабинет.

– Вольно, майор, – негромко скомандовал тот, – Присаживайся, разговор есть.

Кадровик подобрался, почувствовав, что дело серьёзное. На всякий случай сел на самый дальний от стола стул, дабы первоотделщик не учуял выхлопа.

Филимонов некоторое время не поднимал глаз от бумаг на столе, нагнетая, тем самым, напряженность. Потом поднял голову и без улыбки спросил:

– Как там подготовка к конкурсу идет? Ну, на ВДНХ?

– Дык, Аполлон Данилыч... Нормально идет! Мне главный инженер поручил курировать, ну, я, значит, в курсе всего... Стенд оформляем, Златогор наш восемнадцать уникальных изделий сковал, плюс ещё его ранних работ десяток. Телевидение будет освещать. Через три... нет, через четыре дня открытие выставки, члены жюри приедут со всего Союза, – он вытер внезапно вспотевший лоб, ибо заметил, что первоотделщик его почти не слушает, а просто рассматривает, как букашку на булавке.

«Где-то, однако, здоровенный прокол! Но, где? Документы все в полном порядке, пять раз проверял!» – запаниковал Петропавлыч.

– Нормально, говоришь... – зловеще осклабился Филимонов, – А вот у меня есть сведения, что Златогор этот в Израиль намылился эмигрировать!

Свет померк в очах начальника отдела кадров! Скандал! Режимное предприятие – и уезд за рубеж! Кто прошляпил, Петропавлыч? Ой, что с ним сделают, представить жутко!

– Да, как это... Не может быть... русак же, я проверял... – косноязычно забормотал он.

– Ты, Палыч, где служил, напomini? – вкрадчиво поинтересовался первоотделщик.

– Внутренние войска. Двадцать пять лет верой и правдой...

– Ага, двадцать пять лет эков стерег! А я где?

– Вы... в Комитете...

– Так вот, есть у меня сведения, позволяющие предположить, что Златогор собирается свалить за бугор! Ну-ка, личное дело принеси быстренько!

Отдел кадров находился в другом крыле здания, но Петропавлыч обернулся за пять минут.

– Молодец, Пилипчук, быстро бегаешь! – снисходительно похвалил его бывший контрразведчик, – Ну, давай посмотрим, что за персонаж...

Он долго листал папку, иногда хмыкая и делая пометки синим карандашом.

– Вот, владение языками: французским и латынью, свободно. Странно для кузнеца!

– Так точно, владает, сам проверял! – покивал уже отдышавшийся кадровик.

– Г-м... что это за латынь такая?

– Дык, Аполлон Данилыч... Певучий такой язык, хоть и мертвый... на украинский похож! Он, ну, Златогор, мне стих прочитал! – Петропавлыч глотнул воздуха и ослабил галстук, – Да и по родителям смотреть... Отец – Сергей Демидыч Златогор, из крестьян, дипломатом служил, в этой... как её... Кении! Помёр от желтухи шестнадцать лет назад. Мать – Александра Георгиевна, в девичестве – Ягужинская. Вообще дворяне, правда, польские, – тут он слегка покривился, – Работает преподавателем классической фи... филологии в ниверситете! Воля ваша, никак яврей не получается!

Филимонов задумался. Действительно, не подкопаешься! Вынул «Герцеговину Флор» и протянул кадровику. Тот с облегчением взял папиросу, поняв, что на этот раз обошлось.

Некоторое время оба молча курили, затем отставной полковник, служивший в КГБ, вообще-то, на хозяйственной должности, медленно и веско произнес:

– Сигнал, тем не менее, был! И игнорировать его мы не можем. Глаз с этого Златогора не спускай, особенно на выставке. Мало ли что! Бди, Пилипчук!

– Так точно, товарищ полковник, буду бдеть!

Вернувшись в свой кабинет, Петропавлыч заперся на ключ, достал из сейфа бутылку «Столичной» и жажнул полный стакан. Для успокоения нервов.

Марина вернулась с гастролей из Ашхабада усталая, но довольная. В этом южном городе на неё запал сам Второй Секретарь Ашхабадского Обкома Коммунистической Партии Туркменистана! Был он старый (сорок шесть лет!), рябой и весь покрытый волосами, но ухаживал красиво: дарил сначала цветы – розы, о-о, какие розы! – затем перешел от ботаники к минералогии. Такой изумруд презентовал – индийскому радже впору! Водил в рестораны, где она обедалась шурпой, мантами, лагманом и пловом, не говоря уже о сладостях, вроде рахат-лукума. Ну, и, разумеется, дыни-арбузы, персики, виноград. На третий день, вернее, ночь, слуга народа увез Марину на «Чайке» далеко в горы, на дачу, более похожую на маленький дворец. С колоннами, балконами, башенками, мраморными полами, внутренним двориком, камином и бассейном. А также с пальмами где попало! Напоил совершенно потрясным коньяком с розовым шампанским и заманил в спальню. Там, на широченной старинной кровати с резными балясинами и балдахинном, коварный восточный человек и соблазнил наивную невинную комсомолку! Добился своего! То-есть, это он так думал.

Отдышавшись и увидев на ресницах московской красавицы слёзы, а на простыне – свежую кровь нарушенной девственности, Второй Секретарь совсем потерял свою седую голову и попытался загладить неловкость подарками. Ой, много всего надарил! Аляповатые золотые браслеты, цепочки и кольца местного производства, но зато – целых два килограмма! Шубу норковую, шубу каракулевую, шубу из чернобурки, шубу соболю, десяток платьев из натурального шелка, которые в Москве носить невозможно, кожаный комплект – брюки в обтяжку, куртку и сапоги – как будто она мотоциклистка, блин! И ещё ворох национальных нарядов, в которых пришлось, поборов девичью стыдливость, танцевать для него стриптиз. Каждый вечер Марина плакала у ненаглядного «коварного соблазнителя» на волосатой груди, шепча, что полюбила его сразу и навсегда, и теперь не знает, как будет жить дальше.

– Ничего, о звезда моей души, я буду приезжать к тебе в Москву, ты будешь приезжать ко мне в Ашхабад, когда захочешь. Или живи здесь совсем, да? – ответственный партработник обводил рукой дворец, – Всё будет, только прикажи, только покажи пальчиком, моя принцесса!

И дарил, дарил, дарил новые подарки: восемь хрустальных ваз «Баккара», сервизы китайского фарфора, персидские ковры, трехлитровый бидон разливного розового масла, бриллианты...

Перед отъездом даже предлагал «Волгу», но Марина, сославшись на неумение водить, отказалась и взяла деньгами. Для подарков Ашхабадский обком заказал контейнер, иначе было

не увезти! Очень удачные получились гастроли! Только поправилась она аж на шесть кило. Придется попотеть у станка!

Томным августовским вечером Марина сидела в старом халате на кухне и делала педикюр. Оставалось всего два ноготка, когда раздался телефонный звонок. Ругнувшись, она встала, и на пятках, чтобы не испортить результат многотрудных усилий, поковыляла в гостиную.

– Алё?

– Дорогая, я приехал! Звоню тебе из «Космоса»! – раздался в трубке радостный голос Костанцо, – Я так по тебе соскучился!

Сердце Марины сладко замерло, затем заколотилось часто-часто, как воробей об стекло. Выражаясь шахматным языком, начинался эндшпиль. Она чувствовала себя сапером, который не имеет права на ошибку, выкручивая взрыватель из коварной вражеской бомбы. Она чувствовала себя боксером на ринге, готовящимся нанести добивающий удар уже оглушенному противнику. Она чувствовала себя охотником, в прицеле которого появился долго преследуемый тигр!

– Костанцо! – драматическим голосом умирающего лебедя воскликнула Марина, – У меня для тебя есть ужасная новость! Я была у гадалки, и она предсказала, что, если ты не поцелуешь меня до полуночи, то я... то я... превращусь в тыкву!

На часах было десять минут одиннадцатого.

– Я сию минуту выезжаю! – завопил итальянец, – Я успею поцеловать тебя до полуночи, cara mia! О, как я буду тебя целовать! Я начну с твоих маленьких пальчиков на ногах, затем долго-долго буду целовать твои божественные коленки, затем...

И он на протяжении минут пятнадцати подробно и экспансивно описывал все места, которые собирался облобызать. Марине это напомнило сдачу зачета по анатомии. Наконец, заверив её в своей огромной, как небо, несокрушимой, как гранит, и жаркой, как недра вулкана, любви, Костанцо повесил трубку.

Марина прикинула, что, даже если он сразу поймает такси, то приедет не раньше, чем через полчаса. Времени на комплексный макияж было маловато, да и два ногтя остались не покрашенными! Но, умудряются же солдаты собраться по тревоге за сорок пять секунд? В общем, правой рукой пришлось красить глаза, а левой – ногти на правой ноге. Когда раздался звонок в дверь, девушка как раз наносила финальный штрих губной помадой.

Дверь открылась и на пороге возник Костанцо с роскошным букетом чайных роз в одной руке и бутылкой советского шампанского в другой. Их губы слились, и только что намазанная помада стерлась! (Стоило ли вообще губы красить, а, Читатель?) Не отрываясь друг от друга, Марина и Костанцо опустились на текинский ковер, где, после лихорадочно-нетерпеливого раздевания с обрыванием пуговиц и крючочков, они слились телами. Затем, не озаботившись одеться, пили шампанское прямо из горлышка, поливая друг друга пеной.

Позже, когда их разлившаяся весенним половодьем страсть вошла немного в берега, Костанцо игриво подмигнул:

– А у меня для тебя сюрприз, дорогая!

– Ну, так давай! – протянула руку Марина пластичным, многократно отрепетированным жестом.

Костанцо поцеловал её в ладонь:

– Не сейчас, завтра! Сюрприз ждет в Метрополе.

В Метрополе ждала Лючия. Вернее, никого она не ждала. Подруг у неё и в Палермо не было. Послonyaвшись по номеру, довольно убогому, на её взгляд, подошла к окну и долго смотрела на раскинувшийся от горизонта до горизонта город. Где-то там был знаменитый

Кремль, ВДНХ, Третьяковская Галерея и Большой Театр. Костанцо обещал всё это ей показать... Впервые она оказалась в огромном, слегка пугающем мире, и было немного неуютно. Время было позднее, пора ложиться спать, но перед сном захотелось выпить чаю. Подосадовав на брата, бросившего её через час после приезда и не объяснившего, как общаться с персоналом (Лючия не знала других языков, кроме родного итальянского), она вышла в коридор и подошла к дежурной по этажу, сидящей за столом под лампой с зеленым абажуром.

– Вы говорите по итальянски, синьора?

Дежурная оторвалась от журнала «Работница» и, широко улыбнувшись золотозубым ртом, ответила:

– Си!

Лючия воспряла духом, и попросила чаю, одну чашку. Хозяйка этажа, поколебавшись, указала пальцем на картинку, изображающую самовар:

– Си?

Лючия кивнула. Её собеседница нажала кнопку интеркома и громко распорядилась:

– Люба! В шестнадцатый самовар отнеси!

Затем подняла глаза на Лючию, показала ладонь с растопыренными пальцами:

– Си!

Видимо, её запас итальянских слов на этом исчерпывался. Лючия поняла, что чай будет через пять минут.

Действительно, через пять минут в дверь номера постучали и пожилая девушка в наkolке и переднике внесла поднос с самоваром, баранками, сахарницей, молочником и вазочкой варенья. Лючия несколько удивилась, но поблагодарила, и, не представляя, сколько нужно платить, протянула девушке пятьдесят рублей, наугад вынув купюру из портмоне. Работница общепита улыбнулась, жестами выразила благодарность – и была такова. Она только что заработала сорок восемь рублей и пятьдесят копеек! Конечно, пришлось поделиться с владеющей итальянским языком дежурной.

Выпив чаю и попробовав варенье (оказалось – клубничный джем) Лючия помолилась Деве Марии и легла спать. Томили неясные предчувствия перемен, но она не могла определить, хорошие ли грядут события или нет. Поразмыслив, пришла к решению, что всё, что ни делается – к лучшему. Слишком долго она прожила затворницей! С такой оптимистической мыслью и уснула.

Утром вернулся Костанцо, и после завтрака они поехали по делам. Насчет поставок макарон. Или макарон? Пасты, одним словом. Переговоры проходили в Министерстве пищевой промышленности. У входа брата и сестру Каррера встретил молодой человек в дешевом синем костюме и не подходящим по тону галстуке. Объяснив на сносном итальянском, что он является референтом заместителя министра, пригласил следовать за ним. Здание было помпезное, с коврами дорожками, фикусами в кадках и репродукциями картин на стенах. После довольно долгого блуждания по коридорам референт привел их в приемную, попросил подождать и скрылся за высокой массивной дверью. Лючия внимательно оглядела стрекотавшую на пишущей машинке секретаршу: белая блузка с маленьким вишнево-красным значком, черная юбка, в меру короткая. Вроде, девушка как девушка, но неуловимо отличается от таких же, виденных в Италии. Потом поняла: избыток грима! Глаза были подведены излишне густо, помада на губах – слишком яркая. И маникюр тоже слишком яркий. Секретарша тоже бросила заинтересованный взгляд на посетительницу: почти не накрашена, брови не выщипаны, помада бледная... Но деловой костюм – ого-го, настоящий Карден, сразу видно! Чистый лён! И изумруды в ушах нехилые. Но самую большую зависть вызвал парик посетительницы: из натуральных волос! В Москве такой нипочем не достать...

«Наверное, спит со своим боссом! На зарплату, даже в загранице, такое не купишь!»

Такое, значит, сделала умозаключение простая советская девушка-комсомолка.

Приоткрылась дверь, выглянул референт и пригласил итальянцев войти.

В огромном кабинете их встретил улыбкой грузный немолодой человек с холеным лицом. Поинтересовавшись с помощью референта, не желают ли дорогие гости кофе, чаю или ещё чего-нибудь, нажал кнопку и секретарша принесла на подносе кофе и коньяк. Лючия удивилась: коньяк, с утра? Костанцо пояснил шопотом, что это есть знак особого гостеприимства.

Приступили к переговорам. Костанцо, умело оперируя цифрами, соглашался на требуемый объём поставок, но просил принять во внимание немалые накладные расходы. Замминистра, выслушав перевод, кивал, и предлагал вывозить продукцию в советских вагонах, что значительно уменьшало транспортные расходы. Пунктов было много, поэтому согласование всех вопросов заняло около двух часов. Всё это время Лючия складывала, умножала и делила цифры на портативном калькуляторе. Наконец, принципиальная договоренность была достигнута. Но, тем не менее, сумма, запрашиваемая Костанцо, была значительно больше, чем предлагаемая замминистром. Вот, вроде, всё правильно, дебет сходится с кредитом, а замочек не отпирается! Лючия была обескуражена: неужели всё зря? Но Костанцо, глядя замминистру прямо в глаза, сказал:

– Прежде, чем синьор примет окончательное решение, я хотел бы привести ещё один, веский аргумент. Не соблаговолит ли синьор референт принести минеральной воды «Боржоми» похолоднее?

Лючия снова удивилась: зачем посылать за водой референта-переводчика? Достаточно, ведь, дать команду секретарше!

Референт, тем не менее, сразу же вышел из кабинета. Костанцо достал из портфеля толстый незаклеенный конверт и положил его на стол. Замминистра заглянул в него и переложил в ящик стола. На лице его расцвела майской розой улыбка, украшенная четырьмя золотыми зубами.

«И у этого золотые зубы! Неужели тут керамику не ставят?» – подивилась Лючия, не зная, что в Советском Союзе золотые зубы символизируют зажиточность носящего их человека.

Вернулся референт с двумя запотевшими бутылками минералки.

– Я думаю, мы можем принять ваши условия, синьор Каррера, – перевел он слова замминистра.

И документы были подписаны!

– Это называется русским словом «взятка», сестричка! – объяснил Костанцо Люции свою стратегическую хитрость, – Мы получили, что хотели, а чиновник – пять тысяч долларов, свою годовую зарплату, если перевести на рубли. А если по курсу черного рынка, то в три-четыре раза больше.

Лючия понимающе кивнула: в СССР все было как у людей!

Марина, вся напряженная, как сжатая пружина, ждала звонка. Костанцо обещал заехать и отвезти её на обед в ресторане «Прага». Интуитивно девушка чувствовала, что там всё или кончится, или, наоборот, начнется. В двадцатый раз она подошла к зеркалу. «Свет мой, зеркальце, скажи: я ль на свете всех милее?» Зеркало исправно отражало Красоту с большой буквы К: чистая нежная кожа, драматически, но ненавязчиво подведенные брови, пухленькие губы, тронутые розовой скромной помадой. Созданный в течение двух часов образ ассоциировался с чем-то из девятнадцатого века, с тургеневской девушкой, чего, собственно, Марина и добивалась. Маникюр – неброский светло-розовый лак. Золотые маленькие серьги без камней. Ниточка жемчуга на шее выгодно подчеркивает красоту плечевого пояса. Вырез на платье умеренный, но открывает достаточно, чтобы заработало мужское воображение. Прическа... с ней Марине пришлось помучиться. Слишком простая не годится, сложная может выбить

из образа. А для того, чтобы сконструировать такую, как надо, волосы слишком короткие! Прямо, хоть парик надевай! В конце концов заплела короткую французскую косу и повязала синий шелковый бант, в тон платью. Скромненько, но со вкусом! Мелькнула мысль:

«Г-м, а в детстве, чтобы стать красивой, хватило бы и одного банта!»

Раздался звонок. Голос Костанцо в трубке вибрировал от нетерпения:

– Я буду около твоего дома через пятнадцать минут!

– Жду тебя, милый! – проворковала Марина как могла нежно.

Ещё раз оглядела себя в зеркале и чуть не потеряла сознание от ужаса. Идиотка! Колготки не надела! Франжуhenки говорят, что без колготок можно появляться только на пляже! Ну, и ещё в постели.

Перебрав все колготки, чуть не заплакала от отчаяния: как нарочно, ни одной подходящей к платью пары, блин! Пришлось второпях надевать пояс и чулки. Из-за этого вышла задержка минут на пять.

Выйдя из подъезда, увидела такси. А в нем... в нем... её Костанцо с какой-то бабой! Сердце Марины оборвалось.

– Смотри, смотри, вон она идет! – возбужденно толкнул Люцию в бок локтем влюбленный синьор Каррера и выскочил из машины.

Люция тоже вышла и внимательно пригляделась: симпатичная, скромная с виду девушка стояла на крыльце в выжидательной позе. Ну, раз брату нравится, то ей – тем более! Хотя сразу видно, что девушка не невинная, а очень опытная, мягко говоря. Охотница на богатых женихов, короче.

Читатель! Это для мужчины женщина представляет труднорешаемую загадку, для другой же женщины – она прозрачный кристалл!

– Позволь тебе представить мою сестру Люцию, дорогая!

Ф-фу-у! Всего лишь сестра! Марина улыбнулась и пожала протянутую руку. По дороге к машине краем глаза отметила озадаченный взгляд Люции. Будущая золовка расширенными глазами уставилась на Мариныны ноги, обтянутые белыми чулками. С чего бы это? Мысль эта не давала покоя до самой «Праги».

В ресторане она сразу же улизнула в дамскую комнату, якобы попудрить носик. Там, оглядев себя, она поняла, в чем дело: один чулок был без шва, а другой – со швом! Бедняжка чуть не разрыдалась от отчаяния. Ужас! Катастрофа! Позорище! Стыдобище! Песец подкрался незаметно в самый важный день, блин! Как теперь из туалета-то выйти? Впрочем, можно попытаться поправить дело...

Как всегда, в минуты, требующие полной мобилизации организма, мозг работал четко и быстро. Марина подошла к уборщице и негромко приказала:

– Белые чулки или колготки. Моментально. Любые деньги.

Тетка недаром сидела в дамском туалете престижного ресторана уже десять лет, видывала виды, а потому, мгновенно вникнув в ситуацию, заломила заоблачную цену:

– Полтинник!

Марина молча протянула купюру, и требуемое было предоставлено через три минуты.

– Гондончиков индийских не надо ли, красавица? – заботливо поинтересовалась уборщица, забирая негодные чулки, – Недорого отдам!

– Нет, спасибо! – Марина одернула платье, снова чувствуя себя совершенством от улыбки до жеста.

Челюсть туалетной работницы упала на грудь:

– Как же ты без них работаешь-то?

Надо же, за проститутку приняла! Это Марину развеселило.

Возвращаясь, она подмигнула Лючии, и та подмигнула в ответ. Конфуза удалось избежать, но так и хотелось отхлестать себя по щекам!

В ресторане обедали втроем в отдельном кабинете. Официант принял заказ и исчез, чтобы моментально вернуться с бутылкой шампанского. Костанцо встал и, держа бокал в руке, произнес по-французски:

– Дорогая, милая моя Марина! Я уже вступил в тот возраст, когда необходимо обзавестись верной, любящей женой и детьми. Я достаточно богат, чтобы обеспечить семью. Ты – самая лучшая из всех девушек! Я прошу тебя выйти за меня замуж! Вот моя рука, а сердце и так уже давно принадлежит тебе! Как принято у нас в Италии, я делаю это предложение в присутствии моей сестры, брат Григорио, к сожалению, не смог приехать. Согласна ли ты стать синьорой Каррера и составить мое счастье?

В протянутой руке он держал бархатную коробочку. Марина изящно взяла её. Открыла. Внутри было обалденное кольцо с бриллиантом в пять карат, окруженным мелкими рубинами. Бриллиант тут же засверкал, слепя зрение радугой. Вот он, «замуж за богатого иностранца», то, к чему она стремилась столь целеустремленно!

– Я согласна, милый, дорогой, любимый Костанцо! – прошептала она застенчиво, с настоящими слезами на глазах, сверкнувшими в свете люстры не хуже брильянтов.

Пришлось на это пойти ради усиления эффекта, фиг с ней, с потекшей тушью!

Лючия, которой брат скороговоркой перевел и вопрос и ответ, захлопала в ладоши, а потом аккуратно вытерла платочком слезинку в уголке глаза будущей невестки, спасая макияж.

Все выпили шампанского (Новосветского, экстрасухого, очень хорошего!), перецеловались – и принялись поедать закуски.

«Надо же, как от счастья аппетит возбуждается, ещё один лишний килограмм сегодня обеспечен... Ну и фиг с ним!» – мысленно махнула рукой Марина.

Глава девятая

Слухом земля полнится! Лена узнала, что Сереженька будет участвовать в конкурсе профмастерства на ВДНХ. Поразмыслив, пришла к выводу, что это самый подходящий случай подойти к нему вплотную. И решила – поехала в Ворсино за приворотным зельем!

Всю дорогу её трясло от возбуждения и страха перед неведомым. Когда сошла с платформы во рту так пересохло, что даже в туалет захотелось! Пройдя по безлюдной улице, заросшей пыльной, начавшей желтеть травой, увидела колодец, и долго пила прямо из ведра ледяную воду, пока не заломило зубы. Когда ставила ведро на место, неожиданно увидела рядом с собой дряхлую, с носом крючком, старуху в платке. Откуда она взялась? Только что не было никого!

– Ты ко мне, Лена? – вопросительно улыбнулась бабка беззубым ртом.

«Имя мое знает! Точно, это она!» – мелькнула смятенная мысль.

– Да... к вам... А вы, правда, колдунья, да, бабушка? – голос не слушался, пришлось откашляться.

– Г-м... Не совсем. Скажем так: желания исполняю, – несколько туманно ответила страшноватая бабка, – Ну, пойдем! Не здесь же разговаривать.

Дом – старая, вросшая в землю и покосившаяся избушка – оказался недалеко, сразу за поворотом тропинки, на отшибе. Войдя (пришлось пригнуться!), Лена боязливо огляделась: комната вся увешана пучками пахучих трав, на полу домотканые половики, железная кровать у стены. На стене простенький коврик с лебедями, плавающими в пруду. На полочке разнокалиберные стеклянные банки с плавающими в них непонятными предметами. Подойдя ближе, увидела в одной из банок летучую мышь, а в другой – змею! Сердце тревожно ёкнуло.

– Рассказывай! – приказала хозяйка.

И Лена, сидя на табуретке, сбивчиво поведала ей всю недлинную и нехитрую историю отношений с Сергеем. И про самый первый раз, ещё до армии, и про скандал у пивного ларька, и про попытку надавить на совесть беременностью.

– Только я не беременная оказалась. А глистов я выгнала... – девушка заплакала, шмыгая носом, – Главное, понимаете, он с тех пор даже не глядит на меня, хмурится только! А я хочу, чтоб глядел! И это... замуж чтоб взял!

– А просто так с ним жить ты больше не хочешь? – наклонил голову набок Вагабонд.

Слово «жить» Лена поняла в смысле «проживать совместно на жилплощади».

– Да нам жить-то негде! Вот, кабы поженились, тогда бы на очередь поставили нас в мест-
коме.

– Значит, замуж? На меньшее не согласна?

– Не... не согласная я по другому... – всхлипнула Лена, – Замуж... чтобы семья, дети...

– М-да... дело не простое. Регистрация брака – это явление социальное. Вот, если бы вы просто снова сошлись, а уж потом сами решили, жениться или нет, мне легче было бы! – протянула колдунья-ангел, что-то считая на пальцах, – Потому, что это физиология!

Лена запальчиво поджала губы:

– Да-а? А если он опять жениться не попросит?

Старуха вздохнула и одернула фартук:

– Скажи отчетливо, что ты хочешь.

– Замуж хочу! Чтобы с печатью в паспорте! – твердо ответила Лена.

Чернава-Вагабонд долго шарила на полках и в шкафах. Затем бросила в ступку щепотку какой-то сушеной травы, добавила черных катышков из мешочка и желтых кристаллов из баночки. Бормоча неразборчиво, истолкла пестиком. Лена сидела зажмурившись: очень уж страшно ей было.

– На, красавица! Кто этот порошок из твоих рук с питьём изопьет или понюхает, тот на тебе и женится. Спасибо не говори, а то не подействует.

– Весь, сыпать-то? Здесь много! – неуверенно посмотрела на пузырек Лена.

Ангел второй статьи засмеялся:

– Ну, если хочешь, сыпь не весь, половину! Вторую половину для другого замужества сбережешь!

Отдав Чернаве Семирядовне всё, что удалось скопить – пятьдесят три скомканных, горячих и взмокших в кулаке рубля, Лена спрятала пузырек в лифчик и поспешила на электричку. По дороге в Москву она придумала: подарит Сереженьке на выставке букет! А букет порошком посыплет! Не удержится, понюхает! И – свадьба!

Наступил последний день пребывания Эстреллы в лагере труда и отдыха совхоза «Путь Ильича». Утром, после завтрака, все бойцы стройотряда получили зарплату, а затем выслушали поздравление товарища Капитаниди. Тот благодарил за ударный труд и приглашал приезжать на следующее лето. Было немного грустно расставаться с Крымом, с морем, с горами. Но жизнь не стоит на месте! Как поётся в песне Михаила Светлова «Гренада»:

Новые песни придумала жизнь!

Не надо, ребята о песне тужить!

Кинув последний взгляд на долину, Эстрелла села в автобус. Хельга задержалась, поджидая товарища Ковалева, чтобы сесть с ним рядом. Но тот, коварный, опять не обратил на девушку никакого внимания и сел рядом с мясистой нигерийкой Жаннеттой. Последние три недели они занимались русским языком сверх программы, почему-то уходя для этого по вечерам за пределы лагеря. Хельга вздохнула и уселась рядом с Эстреллой. Последним занял своё место Шапиро.

– Отгяд! Песню запе-вай! – скомандовал он, по капельмейстерски взмахнув руками.

– Какую, Борис Ефремович? – деловито спросила Хельга – отрядная запеваля, листая тетрадку-песенник.

– Ах, всё гавно! Ну, что-нибудь из классики...

И народ грянул песню:

– Давай-ка, ямщик, потихонечку трогай и песню в пути не забудь!

Шофер Гена ухмыльнулся и пробормотал:

– Потрогать, конечно, хорошо бы... кой-кого... за всякие места!

Циник!

Автобус запыхтел и сдвинулся с места, дребезжа неплотно закрытой дверью.

Спустя час Хельга, напряженно думавшая о чем-то, повернулась к начавшей задремывать Эстрелле:

– Знаешь, мне тут Клавдия, ну, повариха, по секрету сказала, что колдуньи могут... как это по русски... мужчину при-во-ро-жить!

– Какого... мужчину? – не поняла кубинка.

– Ну, который тебе нравится...

– Мне?!

– Ой, я неправильно выразилась! Мне, а не тебе. Вот, у Клавдии одна вдова знакомая получила от колдуньи зелье, дала съесть человеку, который ей нравился, а он стал с ней спать после этого, и девочка родилась...

Эстрелла задумалась. Что-то такое она слышала и раньше... Но, если можно приворожить, то, наверное, можно и наоборот, отворожить? Несмотря на все молитвы и медитации,

в ней продолжала свербить любовь к чужому жениху, к человеку, с которым она даже не была знакома...

Художники тоже доживали в Новом Свете последнюю неделю. В следующий понедельник они сядут на поезд и помчатся на север, в «Лучший Город Земли», как пел когда-то Муслим Магомаев.

Михаил был озабочен покупкой сувенира для деда – тот попросил привезти из Крыма легендарного вина «Чёрный Доктор». Порасспросив местных, Михаил выяснил, что этот напиток богов можно купить в Ялте или Симферополе. Расстояние было примерно одинаковое, но в Симферополь ехать было удобнее. Решив не откладывать до последнего дня, Михаил встал пораньше, дабы ехать по холодку. Не успел он завести мопед, как из палатки вылезла заспанная Люся.

– Миш, а Миш! Ты чего, уезжаешь?

– Ну!

– А куда? – любопытство плескалось в серых глазах как вино в стакане местного алкоголика дяди Стёпы.

Михаил улыбнулся и щёлкнул Люсю по облупленному носу:

– На кудыкину гору, рвать помидору!

– Ой, а возьми меня с собой! А то мне скучно! Ну, пожалуйста!

– Да я в Симферополь еду! Это ж на весь день!

– Ну, и хорошо! Я там себе куплю что-нибудь ненужное! А то здесь прямо мхом заросла! Веских причин отказывать товарищу не было.

– Ладно, садись! Да держись как следует! – скомандовал Михаил.

Люся умостила на заднем сидении и крепко обхватила талию жениха в кавычках. Куда угодно, лишь бы с ним! От свежeweстиранной футболки приятно пахло чабрецом, полынью и любимым человеком. Ап-Чхи!

И они поехали.

Добираться пришлось больше двух часов – в гору шибко не разгонишься с дополнительным грузом, частенько приходилось переключаться на первую передачу. В городе солнце пекло намного жарче, чем на побережье и путешественники, страдавшие от голода и жажды, прежде всего решили поесть, а потом уже пускаться на поиски «Чёрного Доктора». Нашли павильон с вывеской «Чебуречная» и блаженно нырнули в тень, присоединившись к короткой очереди.

– Одна порция – это два чебурека. Ты сколько осилишь? – спросил Михаил, рассматривая художественно выполненный плакат, гласивший: «У нас порядок такой! Поел – уберу за собой!».

– Ой, я такая голодная! Думаю, что три! – мечтательным голосом откликнулась Люся.

– Три порции?!

– Нет, три чебурека!

– Понятно. Иди, займи столик, я все принесу.

Люся села за столик у окна, чтобы можно было смотреть на улицу. Через пару минут напротив остановился автобус-ПАЗик, и из него вышли люди, среди которых была та самая иностранка! Посылавшая на Мишу! И все они двинулись в сторону чебуречной!

Надо было что-то срочно предпринять, чтобы эта телка и Миша не встретились... Но, что? Что делать-то, люди!? Спасительное решение прямо-таки взорвалось в голове. Одним прыжком Люся подскочила к двери и повесила табличку «Закрyто», после чего заперла дверь на задвижку.

– О, закрыто! – разочарованно надула и без того большие губы Жаннетта и подергала дверь, – В натуре, конкретно заперто!

Народ попытался заглянуть внутрь через окно, но внутри было, во первых, темно, а во вторых, окно было грязное, и ничего рассмотреть не удалось.

– Что ж, поищем другое место, гадость ты наша! – пожал плечами Шапиро, и все, захихикав, вернулись в автобус.

Люся, убедившись, что противник успешно дезориентирован и обращен в бегство, убрала табличку и отперла дверь. Затем на цыпочках вернулась на место.

Подошел Михаил с подносом, распространявшим умопомрачительный аромат жареного теста и баранины.

– Давай, Воробей, навались! Чебурек – источник витаминов!

Они принялись за еду. Горячий сок брызгал на руки и подбородки из золотистых, покрытых волдырями плодов... то-есть, тьфу! Чебуреков! Михаил умудрился ляпнуть здоровенное пятно на футболку и крошка фарша упал ему на ключицу.

Люся представила, как она слизывает эту крошку, и покраснела.

Расправившись с едой, они пили лимонад – по бутылке на каждого.

– Ой, я уже больше не могу, сейчас лопну! – вздохнула Люся, морщась от пузырьков газа, шибавшего в нос.

Михаил произнес голосом кота Матроскина:

– А я говорю: пе-ей!

Люся прыснула и лимонад попал в нос. Чхи!

– Во-во! – скорчил грустную рожу Михаил, – Не допьешь – ещё хуже будет!

Отсмеявшись, они вышли на улицу и снова оседлали мопед. Трогаясь с места, Михаил громко рыгнул.

– Пардон, мамзель!

Люся прижималась к его спине и млела. Мамзелью назвал! Какой он ласковый...

Ни в первом, ни во втором винном магазине «Черного Доктора» не нашлось. Поехали через весь город в фирменный магазин «Солнце в Бокале», но и там – увы!

После ещё трех решено было прекратить поиски и купить, что есть. На привокзальной площади наткнулись на маленький магазин с умеренной, минут на пятнадцать очередью.

– Мне, пожалуйста, вон тот «Кокур», мускат белый, мускат красный, портвейн... и «Черный Доктор», если есть, – загибал пальцы Михаил.

Продавщица равнодушно поставила на прилавок все пять бутылок. Михаил не мог поверить своим глазам: «Черный Доктор»! Надо же, где нашелся!

– Спасибо!

Уложив бутылки в сумку, они вышли из магазинчика.

– Дай, я на багажник привяжу! Должна же от меня быть польза! – ухватила за ручки Люся.

Михаил полез в карман за сигаретами и с досадой обнаружил, что они кончились. Возвращаться в душный магазин и снова стоять в очереди не хотелось, и он пошел к киоску, стоявшему у платформ. Купивши курево, распечатал пачку «Явы» и закурил, рассеянно глядя по сторонам. В десяти шагах только что тронулся поезд «Симферополь – Москва», но двигался пока со скоростью пешехода. Проводницы закрывали двери. И вдруг! В окне шестого вагона стояла Она! Девушка с Ленинского проспекта! Стояла и смотрела на него, Михаила своими огромными глазищами. Отшвырнув сигарету, он бросился за уползающим вагоном, схватился за поручень полузакрытой двери...

– Куды!? Куды прешь! В лоб захотел? – злобно заорала проводница, грудью шестого размера заслоняя амбразуру дверного проёма, – Опоздал – на следующем поедешь!

– Пустите, мне надо, – лепетал Михаил, уже едва поспевая за поездом, – Мне надо...

Но проводница, пыхтя, навалилась на дверь животом и та захлопнулась.

Эстрелла стояла у окна. Поезд уже тронулся, и вдруг! Она увидела Михаила Михайлова! Он стоял и смотрел на неё своими темными бездонными глазами. Долго, секунд пять. Потом сорвался с места и бросился вслед за набирающим скорость поездом. Эстрелла рванула дверь купе и выскочила в коридор. Спотыкаясь в шлепанцах-вьетнамках, побежала в тамбур. Проводница, потная от усилий, запирала дверь.

– Откройте, пожалуйста! – взмолилась Эстрелла, – Мне очень-очень нужно!

Проводница уставилась на неё, как алкоголик на лимонад:

– Обалдела, что ли? Разбиться, в натуре, хочешь? Чтоб меня под суд отдали? А ну, вали в своё купе! – и добавила несколько неизвестных Эстрелле слов.

Ругательных, судя по интонации.

Затем до неё дошло:

– Так это твой, что ли, за поездом бежал?

Девушка всхлипнула и, заливаясь слезами, села прямо на пол – ноги не держали.

– Да ладно тебе, рыдать-то, – сочувственно промямила проводница, – Ну, не положено на ходу... А у вас это по серьёзному, да? – она погладила Эстреллу по голове, – Ну, не реви, не реви! Небось, свидитесь ещё... Чаю хочешь?

Поезд, глумливо хихикая, злонамеренно увеличивал расстояние между влюблёнными...

Михаил стоял у самого конца платформы. Упустил! Опять упустил! Горечь неудачи сжимала сердце тисками... Станционный репродуктор, как будто издеваясь, бодро пел:

В свой вагон вошла она!

Улыбнулась из окна!

Поезд тронул, а я вслед

Лишь рукой помахал ей в ответ!

Сутулясь и шаркая кедами, парень вернулся к мопеду.

– Миш, а Миш! – встревоженно щебетала Люся, – Ты чего? Ты куда бегал-то?

Михаил, не глядя на девушку, хмуро отрезал:

– Помолчи, Воробьёва!

И они молчали до самого Нового Света.

Марина за три дня, прошедшие после помолвки, поправилась ещё на килограмм, но это её уже не волновало. Скоро она уволится из театра и уедет в Рим! А пока они с Костанцо и Люцией раскатывали по Москве. Побывали и в Большом, и в Третьяковке, и в Мавзолее. Впечатлений масса! А самое главное, они подали заявление в ЗАГС! Костанцо настаивал на церковном браке, но Марина объяснила, что её не выпустят из страны, если не будет свидетельства о браке. А венчаться они будут в Италии!

Бюрократка в ЗАГСе предупредила, что по закону нужно ждать три месяца. Костанцо приуныл: столько ждать он не мог, работать же надо, да и виза скоро закончится! Но Марина подарила чиновнице толстую золотую цепочку, одну из многих, привезенных из Ашхабада, и проблема перестала существовать. Срок ожидания сократился до двух недель! Времени, чтобы подготовиться к свадьбе, было в обрез: ресторан снять, платье заказать, то, да сё... Короче, сплошные хлопоты. Но – приятные!

Отдыхая вечером у телевизора с бокалом пива в руке, (о котором раньше и мечтать нельзя было – от пива толстеют, да ещё, пардон, в пузе газы образуются, с которыми ногами не подрыгаешь!), Марина услышала дребезжание телефона и сняла трубку.

– Алё?

– Мариш, привет! Это я, Серега! Мишка вернулся?

– Нет пока, через неделю ждем.

– Г-м, жаль... А у тебя как дела? Уезжала куда-нибудь на лето?

– Ага, в Ашхабад, на гастроли! Скучища и жарыща!

– А как в плане личной жизни?

– Ты что, спятил?! С чёрными?!

– Ха-ха! Шучу!

– А я не шучу! Я замуж выхожу!

– Да ты што-о-о!? А за кого?

– За итальянца!

– Ну, ты даёшь!

– Даю, а как же! Ему, и только ему!

Посмеялись.

– Мариш, а приходите с ним завтра в три на ВДНХ, в павильон «Машиностроение»! Я там во всесоюзном конкурсе кузнецов участвую. Поддержи старого друга, а? Мама тоже придет!

– Ой, Сереж, конечно! Жалко, Мишки нет!

– Ага, жалко... Ну, чмоки-чмоки! Чао, бамбина-Марина!

– Арриведерчи, Златогорчик!

Отставной майор и начальник отдела кадров сидел на кухне в одних трусах и пришивал пуговицы к принесенному из химчистки костюму. Предстояло ещё погладить белую рубашку и галстук. Жил Петропавлыч бобылем. Служба его прошла на Колыме, в регионе, скажем так, невестами не богатом. А потом уж поздно стало жениться. Да и кто на немолодого отставника польстится? Тем более, что ни ростом ни вышел, ни красотой не блещет, ни богатств не стяжал... Хотя, ежели поглубже в глаза заглянуть, то любой сразу станет видно, что душа у Петропавлыча нежная, трепетная и красивая, а это – главное в человеке. Ну, да ладно! Пора собираться.

Одевшись и завязав с некоторыми трудностями галстук, товарищ Пилипчук открыл старенький холодильник «Саратов» и вынул бутылку «Столичной». Пить или не пить, вот в чем вопрос! С одной стороны, наверное, не стоит, сегодня конкурс, по телевизору будут показывать... А, с другой стороны, если не выпить, то опять инопланетянцы будут из-под шкафа дразниться, а это всегда страсть, как обидно...

Тщательно взвесив эти «за» и «против» решил, всё-таки, выпить. Но – без фанатизма, так, сто пятьдесят, не больше. Не пьянства ради окаянного, а бодрости для, и дабы не отвыкнуть. Не успел он налить, как зазвонил телефон.

– Пилипчук на проводе!

– Здорово, майор! – раздался в трубке тягучий голос первоотдельщика Филимонова.

– Здравия желаю, товарищ полковник! – Петропавлыч на всякий случай отодвинул трубку подальше, чтобы в неё не попал выхлоп.

– Не забыл, что сегодня конкурс?

– Ну, что вы, Аполлон Данилыч, как можно!

– Златогор... Как он, в кураже?

– Не, он по будням не пьёт.

– Ха-ха! Остроумно! Я спрашиваю, как настроение у него? Боевое?

– Так точно, боевое! Уши топориком, хвост пистолетом! Всех порвет! Я смотрел – там только бурят один ему по настоящему конкурент, но у нас секретное оружие припасено, вы же знаете. Выиграем, не посраим!

– Ладно, верю. Ты, Пилипчук, посматривай там.

– Наблюдение обеспечу!

– Не пил?

– Кто, я?!

– А то я не слышу, как ты в сторону дышишь! Смотри у меня, майор! Не сорви мероприятие!

Клик! Связь прервалась.

Петропавлыч с сожалением посмотрел на налитый стакан... и выпил, ибо решение было принято и никакой Филимонов не мог его изменить!

Закусывать не стал, только протер свежевывбритые сизые щеки одеколоном «Шипр». Твердо ступая начищенными полуботинками вышел из квартиры, держа курс на станцию метро.

Сергей в последний раз проверил шпаргалки: речь, написанную с помощью Александры Георгиевны, и портрет В. И. Ленина со специальными пометками. Одел русскую рубаху с вышитым воротом, подпоясался поясом с кистями. Тонким кожаным ремешком по лбу прихватил волосы. Посмотрелся в зеркало: образ подходящий!

– Серж! Только что звонили! Такси ждет! – позвала из кухни мать, – На выход! Парад алле!

Сергей подхватил чемоданчик с инструментами и они вышли из квартиры к ждущему у подъезда таксирнику.

– Куда едем, командир? – глянул в зеркало заднего вида шофер.

– В светлое будущее, шеф! – небрежно ответил пассажир.

Тот кивнул и повернул ключ зажигания:

– Понял!

Лена приехала на ВДНХ уже к полудню, чтобы не заблудиться и не опоздать, ибо раньше на Выставке не бывала. Павильон «Машиностроение» нашла легко. Походив вокруг, вернулась к центральному входу, чтобы купить цветы. Тут возникла проблема: георгины, гладиолусы и астры не пахли, а значит, Сереже и в голову не придет их нюхать! Других цветов не было. Ну, прямо, хоть плачь!

– А ты к метро сходи, девонька! – сочувственно посоветовала бабулька в кепке с зеленым прозрачным козырьком, торгующая семечками, – Я тама розы видела.

Лена пошла к метро. Там, действительно, стоял унылого вида кавказец в кепке-аэродром. Перед ним стояло ведро с розами, увенчанное ценником: 2 руб. 00 коп. Народ, проходя мимо, косился, но покупать нежный товар никто не спешил. Дорого!

– А сколько роз на два рубля? – робко приценилась Лена, надеясь, что три.

Тогда ей денег хватит.

– Адын! – был лаконичный ответ.

У Лены было с собой всего пять рублей. Роз ей нужно было, как минимум, пять. А лучше – семь.

– Мушина, а вы здесь завтра будете? – бесхитростно глядя сыну гор прямо в глаза, спросила она, – А то мне денег не хватает. Мне семь роз сегодня нужно, вот пятерка, а остальные я завтра принесу...

Кавказец хитро заулыбался.

– Э-э, слушай, так не пойдет, да! Кто знает, что завтра будет! Четырнадцать рубль давай – семь роз твои!

– Да, говорю же, мне сейчас надо, а девять рублей завтра!

Торговец прищурился и внимательно оглядел девушку, особенно задержавшись взглядом на груди:

– Э-э, красавица, для меня девять рублей – одна пустяк! Вот, смотри! – он хвастливо вытащил из кармана комок денег, – Поцелуешь меня – вообще бесплатно цветы забирай!

Ветер, до этого дремавший, проснулся и решил пошутить! По тротуару винтом всколыхнулась пыль, Ленины волосы на миг закрыли лицо, купюры вспорхнули с ладони кавказца и закружились радужным хороводом.

– Эй! Стой! Куда пошёл!? – голосом самца гориллы, потерявшего банан, заорал горец и бросился ловить пятерки, трешки и рубли.

Лена отсчитала семь роз, подсунула пятерку под ценник и ушла. Ишь, чего выдумал, целоваться! Да ни за что! Кто она ему, лахудра сексуальная, что ли?

За завтраком, поданным в номер, Марина предложила Костанцо и Лючии поехать на ВДНХ.

– Там сегодня конкурс кузнецов! Будет интересно, тем более, что мой друг детства участвует.

Костанцо, услышав это, слегка взревновал! Задышал, раздувая ноздри, задвигал усами.

– Друг детства? Мужчина?!

Марина поняла, что допустила тактическую ошибку. Надо было сказать «друг моего брата», но слово не воробей, вылетит – не поймаешь!

– Мы с ним и Мишкой в один детский сад ходили, вот и все. А брат с ним и сейчас дружит.

Костанцо расслабился, но, на всякий случай, Марина решила после завтрака увести его в спальню и наскоро приласкать, чтоб не мучился.

Лючия отнеслась к идее поездки на ВДНХ с интересом. Там, согласно путеводителю, много интересного можно посмотреть.

Глава десятая

У входа на выставку плакат в три краски изображал могучего красавца, кующего что-то железное так задорно, что искры летели во все стороны из под огромного молота, образуя надпись: «Всесоюзный Конкурс профессионального мастерства кузнецов!»

Под плакатом маялась Лена. Она потратила все деньги на букет, и теперь нечем было заплатить за вход. В отчаянии девушка оглядывалась по сторонам, надеясь увидеть знакомых, но до начала оставалось уже всего ничего, а знакомых лиц не было. Что делать-то, люди? Решила наврать контролеру на входе, что она Сережина жена, бегала за цветами. Может, поверят...

И тут она увидела Марину! Под руку с иностранным мужчиной она шла по аллее прямо к павильону! На другой руке мужчины была ещё женщина, тоже иностранная, но Лена на неё внимания не обратила.

– Марина! – радостно кинулась она навстречу.

– Эта девушка продает цветы? – улыбнулся Костанцо.

Марина взгляделась и узнала:

– Нет, это подруга Сергея, кузнеца... Привет, Леноч!

– Ой, Марин, представляешь, все деньги на розы потратила, и теперь нечем за билет заплатить, одолжи пятьдесят копеек, пожалуйста, а то сейчас уже начало! – возбужденно выпалила раскрасневшаяся Лена на одном дыхании.

Марина полезла в сумочку.

Лючия внимательно рассматривала простую советскую девушку. До этого не было подходящего случая, из окна автомобиля деталей не разглядишь.

Натуральные шикарные пепельные волосы небрежно стянуты в конский хвост аптечной резинкой. На лице – неумелый макияж. Фигура хорошая, но уже слегка расплывается, особенно в талии. Наверняка в спортзал не ходит и диеты не придерживается! Ногти без маникюра. Ба! Вообще, обкусанные! Дешевенькое, не новое платье. Голые, без колготок, небритые ноги... И кроссовки!

«М-да... Это она в таком виде пришла своего парня поздравлять? Однако!»

Марина, наконец, нашла монету и протянула её Лене.

– Ой, Мариночка, такое тебе спасибо-расспасибо! С полочки сразу верну! – поблагодарила та, и метнулась к кассе.

Марина, Костанцо и Лючия спокойно последовали за ней, предварительно купив по букету гладиолусов.

В главном зале павильона «Машиностроение» стояли стенды с экспонатами участников конкурса, а на эстраде была устроена настоящая маленькая кузница с несколькими наковальнями. В центре зала сутились телевизионщики, настраивая аппаратуру. Петропавлыч, пришедший за час до начала, слонялся по павильону, дожидаясь приезда Сергея. Бдил, так сказать.

Сергей с Александрой Георгиевной прошли через служебный вход.

– Ну, сынок, bon chance! Я пойду в зал, держать за тебя фигу! – мать поцеловала сына в висок и ушла.

Тотчас на Сергея набежал администратор.

– Так, вы – Златогор? Идите скорее к своему стенду! Через десять минут начало! Да, а где представитель завода?

– Я здесь! – бдительно возник, как из-под земли, Петропавлыч.

– Ах, да! Я с вами уже беседовал... Будьте поблизости!

– Есть!

Конкурс начался с представления участников. Двенадцать мужчин в возрасте от двадцати до сорока со всех концов Советского Союза по очереди рассказывали о себе и демонстрировали экспонаты со своих стендов. Посмотреть было на что! Некоторые вещи поражали воображение, даже не верилось, что они выкованы из одного куска железа. Например, макет Спасской Башни, представленный кузнецом из Забайкалья, или роза со стенда Сергея. Затем участники должны были ответить на вопросы о международном положении. Некоторые, сразу видно, чувствовали себя неуверенно, задумывались, прежде чем ответить на простые вопросы, типа: как называется правящая партия Монголии? Какое воинское звание у Пиночета, диктатора и главы кровавой хунты Чили?

Зрители, тем не менее, жизнерадостно аплодировали после каждого ответа. Телевизионщики снимали, поочередно наезжая крупным планом на каждого из участников. Петропавлыч, стоящий за плечом Сергея, аж содрогался от удовольствия. Его видит вся страна! Вот оно, счастье!

– Начинаем завершающую часть нашего конкурса! – прогремел в микрофон ведущий, – Задание такое: за пять минут изготовить оригинальное изделие из одного куска железа! На помосте четыре наковальни, сейчас состоится жеребьевка!

Сергей вытянул жребий выступать в последней тройке. Очень хорошо! Тем сильнее будет эффект.

И началось! Раскаленное железо светилось вишневым, алым и белым цветом, летела искрами окалина, грохотали молотки. Зрители сидели совершенно зачарованные зрелищем. А Люция с самой первой минуты не сводила глаз со статного, атлетически сложенного, белокурого и кудрявого парня – друга детства Марины. Серджио... И фамилия у него такая красивая, Костанцо перевел: Монтанья д'Оро! Золотая Гора! О, если б только... но он молод, едва за двадцать, и такой красавец, а она – старая, жирная, лысая уродка! Шансов нет...

Пора! Сергей, надев поверх русской рубахи кожаный фартук, вышел к наковальне. Клещами сунул в горн пруток. Подождал, пока он не засветится нестерпимо белым цветом, выхватил, ударил молотком раз, другой... Снова в горн, снова удары. Пруток причудливо изгибался. Сергей бросил взгляд на шпаргалку, закрепленную на рукавице: ага, здесь вот так... а здесь – наоборот!

– Пошла последняя минута! – рявкнул динамик над головой.

Ничего, он успеет! Краем глаза отметил, что два его соперника уже закончили ковку. На секундомере стрелка ползет последние двадцать секунд... Ещё два удара! Клинок, клинок... Готово! Сергей высоко поднял над головой профиль вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина! Металл на глазах темнел, потрескивал. Все присутствующие в зале встали и зааплодировали! Марина и Люция, держа в руках гладиолусы, двинулись к эстраде. Лена, вихрем сорвавшаяся со своего места, опередила их. Скорее, скорее вручить букет! Розы она сыпала порошком в последний момент.

На эстраде телеоператор как раз снимал крупный план: Сергей и обнимающий его за плечи счастливый Петропавлыч. Он и перехватил букет! Сунул в него свой носик! Лена сначала не поняла, что произошло, но затем в памяти всплыли слова колдуньи: «Кто этот порошок из твоих рук с питьём выпьет или понюхает, тот на тебе и женится!». В отчаянии она попыталась отнять цветы, но поздно: Петропавлыч закатил глаза и чихнул на весь павильон! А её Сереженька только глянул эдак равнодушно, взял букет и кивнул, как чужой... В следующий момент Лену оттерли его друзья, затеявшие качать победителя.

Читатель! Вспомни, какое было время! Если ты хоть на секунду сомневаешься, что первое место могло быть присуждено кому-то другому, а не мастеру, сковавшему Профиль

Ленина, то ты глубоко неправ! В жюри сидели советские, идеологически подкованные люди, многие из них – члены КПСС.

После того, как председатель жюри огласил список победителей (Первое место единогласно присуждается... Сергею Златогору!), поздравления продолжились.

Александра Георгиевна рыдала счастливыми слезами на плече сына. Подошла Марина, поцеловала в щеку.

– Златогорчик! Нет слов, одни междометия! Мастер, короче! Кстати, познакомься: мой жених Костанцо Каррера и его сестра Лючия.

Костанцо уважительно пожал чемпиону руку (хотя и взренокнул немножко за поцелуй!), по французски пожелал всяческих успехов в работе и счастья в личной жизни. Сергей ответил на том же языке, что не намерен останавливаться на достигнутом, и повернулся к Лючии. Глаза их встретились... Рука в рукавице внезапно ослабла и разжалась. Клещи упали на ногу Петропавлычу. Ойкнув, тот отскочил, но никто на это не обратил внимания.

Сергей тряхнул головой. Эта итальяночка поразила его в самую середину! Такая, понимаешь, фемина, совершенно не похожая на русских представительниц женского пола. Вот бы её... э-э... закадрить? И будет, чем всю оставшуюся жизнь гордиться, ведь, настоящая иностранка-итальянка!

План действий созрел моментально. Быстрота и натиск! Куй железо, пока оно горячее!

Сергей встопорщил усы и прищурился:

– Аншантэ... – вкрадчивым голосом мурлыкнул он по французски.

– Non capire (не понимаю, – перевод с итальянского Автора!), – замирающим шепотом прошелестела Лючия.

Красавец стоял так близко... и пах он по особенному, не как все остальные мужчины! Не одеколонами-дезодорантами, но железом, дымом и свежим мужским потом! Запах Самца! Ноги стали ватными, пришлось собрать в кулак всю волю, чтобы не упасть.

«Не понимает, значит, французского. А я по итальянски ни бум-бум, какая жалость... О! А латынь?!»

И Сергей заговорил на языке Овидия, Цицерона и Гая Юлия Цезаря вместе взятых. Для итальянки это звучало примерно так:

– О, юная дева, Авроре краскою подобная! Воистину счастлив я сделать с тобою знакомство. Прости недостойный мой облик и дар сей прими, умоляю! – Сергей снял со стенда пурпурно-черную розу на зеленом стебле с шипами и листьями, совсем как настоящую, но выкованную из железа и закаленную хитрым образом для достижения нужных цветов.

Обалдевшая от причудливого слога, Лючия взяла и прижала это произведение искусства к груди, не чувствуя колючек. Машинально понюхала. Слова благодарности комом застряли в горле, удалось только кивнуть.

На розу, в результате мощного чиха Петропавлыча, осела часть волшебного порошка! Вагабонд, летающий неподалеку под видом голубя, дабы проконтролировать действие своего снадобья, удивился и обрадовался: это облегчало его задачу реализации начинающего гения (Златогора!).

Сергей понял, что его атака была успешной. Теперь закрепить успех!

– Мариш! Я приглашаю вас всех на ужин сегодня вечером! Посидим, отпразднуем мою победу. Расскажешь, что и как, ага? – повернулся он к подруге детства и сделал значительные глаза.

Марина поняла намек.

– Ой, Златогорчик, конечно придем!

Петропавлыч, прихрамывая, брел к метро. В душе у него царил полный сумбур, и мысли в голове роились какие-то странные и непривычные.

«А эта Волопасова-Гукова ничего, симпатичная деваха... Кем она у нас трудится? Контролером ОТК... русская, комсомолка, образование среднее... Как она на меня глянула-то, прям аж обожгла, глазницами! ... Двадцать пять лет на Колыме... Живу бобылем, да и кто за меня, такого, пойдет? Сорок четвертый год с Покрова пошел... А хозяйку бы надо... сколько можно с шалавами всякими... Вот, скоро дачные участки в местном будут раздавать... одному-то ни к чему... а, впрочем, тянет в земле поковыряться... Огурчики-помидорчики, картошечка своя... вдоль забора малина, хрен, опять же... Самовар на веранде... Старый ты хрен, Пилипчук... А, ведь, она, Елена эта, тоже деревенская! Рискнуть, поухаживать? В кино пригласить, да что – в кино! В театр! В самый Большой! Нет, в Большой билетов не достать... Тогда – в Малый! Балет послушать и вообще... Там, говорят, пиво вкусное в буфете... А потом – в ресторан! Нет, ресторан дорого, лучше в кафе... нет, в кафе водку не подают... ну, ещё куда-нибудь... А потом посвататься по всей форме!»

Приняв такое судьбоносное решение, Петропавлыч, придя домой, выпил водки: один стакан за победу, а второй – от душевного томления. Закусил вчерашней вареной картошкой с черным хлебом. Больше дома все равно ничего не было.

Костанцо был несколько смущен идеей праздновать что-либо на частной квартире.

– Для этого есть рестораны, кафе, на худой конец! Почему дома?

– Дорогой мой, это особенность русского гостеприимства! – терпеливо объяснила Марина, – Русские чувствуют себя скованно, празднуя что-то в компании незнакомых людей. Только если гостей слишком много, чтобы принять их дома, пировать идут в ресторан, но тогда снимают его целиком! И ещё: дома тебя накормят лучше, чем в ресторане!

Костанцо понял и проникся.

Александра Георгиевна совершила чудеса кулинарного искусства и умудрилась за несколько часов накрыть обалденный стол! В бой за престиж были брошены все резервы, ибо, во первых, не каждый день сын становится лауреатом всесоюзного конкурса, а во вторых – не каждый вечер итальянцы в гости приходят! На столе была селедка в горчичном соусе, посыпанная зеленым лучком, салат «Оливье» (какой стол без него!), колбаса двух сортов, буженина, шпроты, салат из печени трески, соленые огурчики-помидорчики-грибочки, маринованный чеснок, икра баклажанная и жгучая морковка по корейски. В духовке подрумянивался венгерский гусь с яблоками, скворчала на огромной сковороде картошка, хлопотала кипятком кастрюля, готовая в любой момент принять в себя пельмени. Торт «Птичье Молоко» и пломбир на десерт. Бутылки с водкой, шампанским, боржомом и лимонадом покрывались инеем в холодильнике. Кусок вонючего «Дорогобужского» сыра обреченно ждал, когда его расчленият. Рокфор щербато скалился зеленой плесенью, ожидая той же участи.

Сергей помогал матери по мере сил – открывал консервы, резал колбасу. За полчаса до прихода гостей скрылся в ванную и наскоро принял душ. Подумав, побрился (второй раз за сегодня!).

Едва он успел надеть чистую рубашку, раздался звонок в дверь. По пути к двери, глянул на часы: было 21:01, суббота, 23 августа.

Через два часа Сергей и Костанцо сидели обнявшись и нестройными голосами пели песню, каждый свою. Итальянец, чтобы не сбиться с ритма, дирижировал сам себе вилкой с наколотым на неё остывшим пельменем.

Дамы, тоже изрядно подогретые шампанским (и чуть-чуть – водочкой!) щебетали в сторонке. Лючия рассказывала о Палермо, помогая себе языком жестов, Марина об Ашхабаде, Александра Георгиевна – о балбесах студентах, неспособных постичь красоту и изящество тре-

тьего склонения латинских имен существительных. Потом все попили кофе, некоторые с тортом, а некоторые просто так – и диспозиция изменилась! Завели магнитофон и начались танцы! Голос Валерия Ободзинского наполнял комнату вкрадчивой мелодией старой песни «Льёт ли тёплый дождь, падает ли снег, я в подъезде возле дома твоего стою...», и две пары плавно кружились по часовой стрелке в медленном танце. Александра Георгиевна сидела тихонько в уголке, потягивала шампанское и радовалась за молодежь. Сергей исподволь попытался привлечь новую подругу поближе, дабы вступить с ней в более тесный контакт, но итальяночка застенчиво препятствовала этому, слегка отстраняясь, хотя прижаться к кавалеру хотелось неимоверно. Но, нельзя же так, сразу! Вдруг он подумает, что Лючия легкомысленная и плохо воспитанная! Слегка отрезвевший Костанцо, наоборот, прижимал к себе Марину изо всех сил, а она обвивалась вокруг него, как лоза вокруг дуба. Или лиана вокруг пальмы! Затем как-то само собой получилось, что Сергей и Лючия, потихоньку дрейфуя, незаметно для всех оказались на балконе. Лючия замерла: он увел её сюда неспроста! Что-то будет? Сергей задержал дыхание, как перед прыжком с парашютом, и провел заскорузлым пальцем по брови девушки. Сердце Люции неистово заколотилось от восторга. О, Мадонна! Пусть он поцелует её, один только раз, а затем она уйдет в монастырь и будет вспоминать поцелуй Серджио всю оставшуюся жизнь!

Взрыв первого поцелуя швырнул их обоих навстречу друг другу... Длился он миг, или вечность, или на миг дольше вечности?

Под балконом дважды коротко библикнул таксирник.

– А, вот вы где! – игриво воскликнула Марина, входя на балкон, – Освежаетесь?

– Ага... Мы, это... отдыхаем!

Марина взяла Сергея за руку:

– Златогорчик, выручай! Костанцо отрубился, надо его до машины донести.

– Не вопрос!

Погрузив в машину бесчувственное тело, Сергей предложил свои услуги по доставке итальянца в номер. Не шоферу же тащить!

Всю дорогу до гостиницы Лючия сжимала его руку в своей. Рука была большая, теплая, мозолистая. И такая родная! Нет, будь что будет, но она... Дальше додумывать было страшно.

Швейцар с ненавистью отпер дверь гостиницы «Космос» и впустил четверку. Ходят тут всякие, ночь-полночь! Впрочем, смягчился, получив мзды. Дежурную по этажу Сергей приветствовал словами «Бона сэра!», чем ввел её в заблуждение относительно своей национальности.

«А... тоже итальяно... интересно, с какого номера?» – сонно подумала она и проверять документы пришельца не стала.

Водруженный в номер Костанцо был оставлен на попечение Марины.

Сергей неловко топтался на пороге номера Люции. Надо было решаться, переходить к главному, тем более, что аванс в виде поцелуя был уже получен, но непривычная обстановка сковывала.

– Прекрасноликая Лючия, уж скоро Гелиос на колеснице позлащенной тронется в свой путь по куполу небес хрустальному. Так что, мне восвосяи отправляться? Ужели ты не пригласишь меня развеять одиночество твоё хотя б на несколько клепсидры капель?

Выражаться на латыни попроще он не умел.

Лючия запаниковала. Сейчас он уйдет... и всё! В голове завывала пурга отчаянных мыслей: «Жизнь проходит... Я скоро стану старухой... и вообще никому не буду нужна, а моя девственность – тем более! Надо решаться, и будь что будет... Пусть только одна ночь! Хотя бы одна ночь! Или, даже, половинка ночи! Да, что там, один час!» Не найдя подходящих слов, она просто взяла парня за руку и втянула в номер. Там, зажмурившись и затаив дыхание, холо-

дея от собственной отчаянной храбрости, она медленно расстегнула три пуговицы на блузке. На большее решимости не хватило, но намек был понят, и Сергей осторожно выколупнул из петелек остальные. Всё ещё не открывая глаз, Лючия неуклюже закинула руки на шею предмету своей мечты и жадно потянулась губами к его рту. Последовал поцелуй, в результате которого она оторвалась от земли, поднятая в воздух могучими руками. Сергей отнес доверчиво прижавшуюся к нему подругу в спальню и, положив на кровать, лег рядом. И вот, немного погодя, между ними произошло... произошло...

Произошло страшное!

Сергей, увлекшись ласками, нечаянно сорвал с головы итальянки парик. Лючия жалобно вскрикнула и закрыла лицо руками.

«Всё! Теперь – всё, амба! Он узнал мою тайну... Зачем ему лысая баба? Сейчас он встанет и уйдет... а я... а я... Ну, в монастырь, так в монастырь!»

– Красавица моя, иль ты полна застенчивостью из-за волос своих искусственных отсутствия? – удивленно спросил Сергей, и погладил Лючию по голове, – Поверь, мне нравится так больше!

Ему и в самом деле понравилась гладкая кожа аккуратной головки. И не просто понравилась, а ещё и возбудила!

– Правда? – всхлипнула Лючия, всё ещё не открывая глаз, – Я тебе не противна... такая?

– Трогай, о дева, и убедись, что глаголю я правду нагую! – властно приказал Сергей и дева потрогала.

Доказательство, вложенное ей в руку, было очень убедительным: большим и твердым, как камень, но в то же время нежным, теплым и гладким. И восхитительно приятным при употреблении внутрь! Все было не так, как она представляла, как мечтала долгими ночами. Все было гораздо лучше! Непредставимо! Божественно-о-о! А-А-А-Х-Х-Х! О, Серджио, о Сергунчик... Ай-йй-йй! Се-рё-жень-ка-а-а!

«Дура я, дура! Прожила столько лет, едва не состарилась нафиг, и не знала, что может быть ТАК хорошо! Хотя... хорошо, наверное, не с каждым, а только с ним, ненаглядным, с Серджио! Стало быть, я берегла себя для него? Святая Мадонна, сделай так, чтобы он остался со мной!»

Сквозь полусомкнутые веки Лючия смотрела, как её Серджио, выйдя голышом из ванной, берет сигарету и разминает табак крепкими пальцами.

«Он похож на статую Давида! Ту, что изваял Микельанджело, во Флоренции! Только... Ой! Неужели ЭТО только что было во мне!? Как такое возможно? У статуи эта штука и то гораздо меньше!»

Сергей выпустил дым и с довольной улыбкой взглянул на свою новую (итальянскую!) подругу. Она натянула простыню до самых глаз, затененных густыми длинными ресницами. «Стесняется... Надо же, я у неё первым оказался! Хотя, говорят, у них в Италии насчет этого строго... Жаль, что она скоро уезжает... Вот, если б меня с собой взяла! Да куда там! Она миллионерша, а я простой работяга... ну, не совсем простой... чемпион! Эх, Италия... макаронная фабрика своя... вермишели можно лопать, сколько хочешь... и вообще... Заграница!»

Сергей нагнулся и поцеловал видневшуюся из-под простыни руку.

– О, женщина! Покровы совлеки, чтоб видом тела твоего сполна я насладиться мог!

«Нет, надо срочно итальянский учить! А то, что я, как трибун на Форуме, вещаю!»

«Нет, надо срочно русский учить! А то я, как собачка, все понимаю, а ответить не могу!»

Лючия, мгновение поколебавшись, отбросила простыню. Пусть любимый смотрит!

Они долго любовались друг другом, а потом поцеловались и... Ну, в общем – да!

Сойдя с автобуса возле общежития, Эстрелла и Хельга с удивлением увидели, что ни один лифт не работает – в шахте гулко перекрикивались рабочие, иногда доносился стук молотка по железу.

– Придется пешком! – грустно вздохнула Хельга, и они, пыхтя, потащили чемоданы на свой шестнадцатый этаж.

На седьмом Хельга остановилась в изнеможении:

– Ой, не могу больше! Останусь жить прямо тут насовсем...

Эстрелла приподняла чемодан подруги:

– Ого! Что у тебя там? Камни?

– Ага, и камни тоже! Из Коктебеля...

Отдышавшись, они продолжили карабкание по лестнице. В двери своей комнаты Эстрелла обнаружила записку: «Рамирес! Позвоните в посольство!»

Пришлось спуститься на вахту.

– Позвольте, пожалуйста, позвонить.

Суровая вахтерша посмотрела на девушку сквозь очки:

– Со служебного телефона посторонние разговоры запрещены! Звони с автомата.

Работающий автомат нашелся на углу, через два квартала. Номер долго не отвечал, затем в трубке что-то зашуршало.

– Алло! Алло! Анджела?

– Шу-шу...

– Анджела, это Эстрелла!

– Шушу, шушушушу...

– Алло!!! – Эстрелла в отчаянии стукнула по аппарату кулаком.

Телефон оказался мазохистом и, получив удовольствие, заработал нормально

– Да, слушаю, слушаю! – раздался в трубке голос Анджелы, – Что вы там шуршите?

– Это я, Эстрелла! Я только что вернулась из лагеря!

– А, очень хорошо! Я узнала для тебя адрес владельца машины! Неофициально! – Анджела захихикала, – Помнишь, я говорила, что у меня есть знакомый, настоящий полковник? (Знакомый полковник милиции, услышав необычную просьбу симпатичной, аппетитной, чернокожей Анджелы, сначала обещал подумать, а затем предложил встретиться на конспиративной квартире. Там он, за бутылкой шампанского, намекнул даме, что предоставит ей сведения, являющиеся государственной тайной (гриф «Для Служебного Пользования»!), он готов в обмен на обладание прелестями очаровательной кубинки! Та, пожеманившись немного, устроила бравому служивому такую бурю секса, что бедняга вынужден был потом взять больничный лист на три дня по причине истощения сил организма! Ну, и гостайну выдал. И будет и дальше сотрудничать! А Анджела за успешную вербовку получила благодарность от руководства! СССР, конечно, друг Кубы, и главный союзник, но дружба – дружбой, а иногда бывает нужно узнать кое-какие секреты Большого Северного Брата.

Помолчав несколько секунд, вспоминая все это, Анджела снова хихикнула:

– Записывай...

– Ой! Сейчас... ручку возьму... Спасибо тебе огромного размера, Анджела!

Пионер Петя Иванов, укрывшись за кустами, бдительно наблюдал за тёткой, говорившей по телефону-автомату на иностранном языке. Он только что прочитал книжку про шпионов, а посему был уверен, что что объект наблюдения шпионка и есть!

– Дяденька милиционер! – страстно схватил он за рукав проходившего мимо лейтенанта, тащившего два огромных арбуза, – Там, в автомате, шпионка! По иностранному говорит!

– Да ты што-о! А ну, пойдём, посмотрим!

Завернув за кусты, лейтенант увидел девушку в телефонной будке, шарящую в кошельке в поисках двухкопеечной монеты.

«А ничего шпионка, симпатичная!» – мелькнула в голове игривая мысль.

Он обернулся к пионеру:

– Ну-ка, поддержи!

«Сейчас он будет её брать! Кэ-эк выхватит пистолет: руки вверх!» – замирая от восторга, соображал Петя, принимая тяжелые арбузы, – «А я на подхвате, как бы... Вот здорово!»

Воображение уже рисовало погоню, перестрелку, ранение вражеской пулей, красивую блестящую медаль... Когда он во дворе расскажет, что участвовал в задержании взысканной шпионки, пацаны загнутся от зависти!

События, между тем, развивались стремительно.

– Постойте, девушка! – окликнул служивый Эстреллу и козырнул, – Лейтенант Петренко. Предъявите документы, пожалуйста!

Эстрелла озадаченно похлопала себя по карманам:

– У меня нет с собой документов... Я на минутку вышла, позвонить! А живу я во-он там, в общежитии!

– Так, значит, нету документов, – огорченно вздохнул лейтенант, – Придется пройти. Для выяснения личности.

– Куда? – испуганно дернулась девушка.

– Да тут, недалеко! В опорный пункт.

Идти, действительно, было близко – два квартала. Петя, пытая под тяжестью арбузов, плелся сзади. Он был разочарован: ни стрельбы, ни погони, ни махаловки...

В опорном пункте охраны правопорядка Эстреллу быстренько разъяснили. Позвонили в общежитие, позвонили в посольство, позвонили товарищу Ковалеву. Везде подтвердили, что Эстрелла Рамирес действительно существует, живет по указанному адресу и соответствует описанию. Все это время Петя Иванов сидел в углу и грустно ел арбуз. Такое приключение обломалось!

Лейтенант Петренко галантно предложил проводить Эстреллу до общежития, но она отказалась.

После её ухода он вдруг обратил внимание на гравюру Михаила, висевшую на видном месте. Ну-ка, ну-ка... Во, награду сулят! Настроение сразу же поднялось. Лейтенант взял трубку и накрутил номер. На том конце никто не ответил. Ничего, он позвонит ещё раз, вечером!

Эстрелла дошла до телефона-автомата и набрала продиктованный Анджелой номер.

– Слушаю! – донесся из трубки старушечий голос.

– Алло! Мне, пожалуйста, Михаила Михайлова...

– Нету тут такого!

– Но как же...

– Сказано, нету!

Связь разъединилась...

Неправильный номер дал Анджеле коварный полковник! А, может, она сама просто записала с ошибкой...

Глава одиннадцатая

Михаил приехал в Москву за два дня до окончания лета. На перроне все художники распрощались и отправились по домам. Осталась только Люся Воробьева.

– Миш, а Миш, – канючила она, – Ну, что мне делать? Я ключ потеряла... а папа и мама только в октябре вернутся!

– Воробьева! – беспомощно разводил руками Михаил, – Езжай к родственникам! Есть же у тебя бабушка, сама рассказывала!

– Да-а, бабушка сейчас на даче! Полтора часа на электричке с Павелецкого. К тому же, у неё сейчас новый муж, а он на мои сиськи пялится, когда бабки рядом нет.

– Да-а? – с сомнением покосился на упомянутые органы Михаил, – Ну, я не знаю... Пусть она тебе ключ даст от своей городской квартиры, что ли.

– Не, я там одна боюсь! – Люся изобразила на лице страх, – Там дедушка помер, и иногда приходит по ночам.

– Ух, ты! – восхитился Михаил, – Призрак! А что он делает?

– Что делает, что делает... Дышит! – Люся помолчала, а потом вкрадчиво спросила:

– Комсомолец Михайлов! Ты ведь, не бросишь младшего товарища в беде?

– Ни за что не брошу! – выпятил грудь Михаил, – Сам погибай, а товарища опохмеляй!

– Ну, тогда пусти на постой! К себе и ненадолго! А я буду пол мыть, и посуду, и пыль вытирать.

Михаил задумался.

– А готовить-то ты умеешь, Воробьева?

– Конечно! Чайник кипятить, хлеб резать, консервы открывать!

Это не вдохновляло.

– Слушай, Воробушек, а хочешь, я тебя у своего деда расквартирую? Он у нас вот такой мужик! – Михаил показал большой палец, – Шоколадом закормит!

«Нет, Мишенька, не отвертись!» – подумала хитрая Люся, чувствуя, что оборона противника вот-вот лопнет.

А вслух выдала:

– К деду не хочу! Стесняюсь и вообще!

– Ладно, поехали! – с тяжелым вздохом сдался Михаил, – Надеюсь, сеструха возражать не будет. Только имей в виду, через десять дней предки приезжают. Маманя может понять неправильно.

– Не волнуйся, Михайлов! Беру социалистическое обязательство подружиться с твоей мамой!

Войдя в квартиру, Михаил громко крикнул:

– Есть кто дома? Чур, за старенького!

Из своей комнаты походкой сытой пантеры вышла Марина:

– А, вернулся, наконец! Привет, брателло! А это кто с тобой?

– Это так... Воробьева. Она у нас поживет немного. Ключ, понимаешь, потеряла, а родители в отъезде.

– Привет, я – Люся! – пискнула из-за его спины интриганка.

– Привет... – рассеянно кивнула Марина и перестала обращать на неё внимание.

Она встала в позу «девушки с веслом» и с пафосом возвестила:

– А знаешь, Мишка, я замуж выхожу!

– Вот, здорово! – обрадовался брат, – Я тогда в твоей комнате мастерскую устрою! А за кого? За Виталика?

– Нет, за итальянца одного. Вечером приедет, познакомлю.

Михаил кивнул и потащил рюкзак в комнату, разбирать вещи. Матримониальные дела сестры его интересовали мало.

Позже, за чаем, Марина небрежно сообщила:

– Тебе уже три раза милиционер какой-то звонил. Насчет твоего объявления. Вот, я его телефон записала!

– Вот спасибо, сестричка! – обрадовался Михаил и схватил телефон.

– Алё! Мне лейтенанта Петренко, пожалуйста! Это я объявление давал, ага! ... Награда? Два литра хватит? ... А где мне вас найти? ... Ага, записал! ... Завтра в одиннадцать, договорились!

Он бросил трубку и повернулся к сестре:

– Мариш! Девушка нашлась! Помнишь, я тебе говорил? С Ленинского проспекта! И ещё я её в Крыму два раза видел, только поговорить не удалось!

Люсино сердце сжигала едкая, как кислота, ревность. Надо же, девушка у него нашлась! Значит, все труды напрасно? Выходит, в одной палатке, даже в одном спальнике, спали зря? Нет, шалишь, парниша! Мы ещё поборемся!

Вечером приехал Костанцо, произвел на Михаила благоприятное впечатление и увез Марину в ресторан.

– Ну, что, Воробушек, давай ложиться спать? – предложил Михаил, вывихивая челюсть в зевке, – Я тебе в родительской комнате постелил. Иди, устраивайся!

Люся лежала на широченной кровати и набиралась решимости. Сейчас или никогда! Она должна сделать Это! Несмотря на теплое одеяло, ноги были ледяные. И руки тоже! Мысли путались... Стрелка часов медленно переползла ещё на одно деление. Механизм захрипел и заиграли куранты. Половина одиннадцатого. Пора! План был прост и незатейлив, и основан, как всегда, на литературных примерах. Дано: Миша – честный человек. Отсюда следует: если он лишит Люсю невинности, то, значит, как честный человек, будет обязан – вот именно: обязан! – на ней жениться! Так и у Куприна написано, и у Бунина, и у Оноре де Бальзака в переводе Б. А. Грифцова, а они зря не скажут! Процесс лишения невинности девушка, впрочем, представляла смутно. Об этом в романах писали очень расплывчато, и было непонятно, что, собственно, следовало понимать под термином «лишение девственности». Девчонки говорили, что это, всего-навсего, разрыв девственной плевы, но Люся не верила, что всё так просто. Должно же быть что-то ещё, важное, духовное, возвышенное! И она надеялась, что Миша наверняка знает, как правильно превратить её в женщину.

Встав с кровати, она медленно разделась. Совсем-совсем! Оставила только трусики и лифчик. Тело тут же покрылось гусиной кожей. Тихо ступая босыми ногами по ковру, направилась в комнату Михаила, по дороге больно ушибив мизинец о ножку стула. На слух определила, где находится кровать, и осторожно скользнула под одеяло.

– Это ты, Воробьёва? – сонным голосом пробормотал предмет её вождения, – Чего тебе не спится? Опять замерзла, что ли?

– Нет, я не это... Я хочу тебя! – решительно заявила Люся и зажмурилась.

В комнате повисло долгое молчание, а затем раздался... храп! Люся чуть не расплакалась от разочарования. Противный бесстыдник! К нему девушка пришла по важному делу, а он... Прильнув всем телом к любимому, поцеловала его в ухо. Не проснулся! Собрав всю силу воли и подавив стыдливость, потрогала за самое главное. Опять не проснулся! Только затвердел под руками. Что дальше делать, Люся не знала. Внезапно Михаил задышал, повернулся к ней и положил руку на грудь. Другая рука нескромно скользнула в трусики и стала там трогать... везде! Даже там, где Люся сама себя никогда не трогала! А затем... затем Люся

ощутила, как что-то большое, скользкое и тёплое, медленно, толчками, вторгается в неё! Было очень страшно, но, в то же время, интересно и приятно. Немного погодя она ощутила лёгкую боль в низу живота и мощную пульсацию извергаемой в неё горячей жидкости. Так вот как это происходит между мужчиной и женщиной! Она положила голову на плечо уже почти мужа и счастливо зажмурилась...

А утром очнулась одна на широченной кровати супругов Михайловых. В пижаме, ага! И без каких-либо признаков нарушения девственности...

Сон, это был только сон!

В отчаянии Люся стукнула кулачком по одеялу. Как она могла уснуть в такую ответственную ночь! Хотелось ругаться, и она выкрикнула самое страшное сквернословие, какое только знала:

– Каррамба!!!

– Эй, комсомолка Воробьёва, проснулась? Давай-ка, вставай, завтрак уже готовченко давно! – раздался из кухни веселый голос Михаила.

Люся встала и поплелась в ванную.

– Так, Воробушек, остаёшься за главного! – строго напутствовал её Михаил после завтрака, – Я сейчас убегаю, когда вернусь – неизвестно, может, к вечеру. Маришка тоже сегодня со своим итальянцем весь день. Жратва в холодильнике, телик ты включать умеешь. Пока! – он щелкнул её по носу и ссыпался по лестнице, спеша на свидание с лейтенантом Петренко.

Люся осталась одна. Чтобы не скучать, устроилась на диване с книгой «Проклятые Короли» Мориса Дрюона. Вот, где интриги! Вот, где коварство! Кое-что Люся даже законспектировала, надеясь применить эти знания в реальной жизни. И такой случай вскоре представился!

Зазвонил телефон и Люся, не колеблясь, сняла трубку:

– Хэллоу?

– Алё, Мариш, ты? Это я, Оля! Миша приехал? – донеслось до слуха этакое контральто с придыханием.

По интонациям говорившей Люся догадалась, что это не просто знакомая.

– Нет, это не Марина.

– А кто?!

– Я Люся, невеста Михаила.

– Какая... невеста? – голос Ольги явно потерял уверенность и напор.

– Ой, женщина! Какая невеста, какая невеста... Законная! Женимся мы скоро, уже и заявление подали!

– Да как же... Когда же... Мы же... это... – забормотала Оля в полном смятении.

– Да, Миша мне рассказывал о вас, – светским тоном прожурчала Люся, – У него от меня нет секретов. Извините, мне обед ему готовить надо! – и повесила трубку.

Так, ещё от одной соперницы избавились!

Лейтенант Петренко встретил Михаила в том самом опорном пункте, где устанавливал личность Эстреллы Розы Марии Рамирес. Догадавшись по дзиньканью бутылок в пластиковом пакете, что вошедший и есть звонивший накануне Михаил Михайлов, он, широко улыбаясь, встал и сделал несколько шагов навстречу дорогому гостю.

– Здравствуйте, дорогой товарищ Михайлов! Ждем, ждем вас с нетерпением!

Михаил пожал протянутую руку и вложил в другую пакет с наградой. Улыбка лейтенанта стала ещё шире.

– Вот, пожалуйста, все данные для вас выписал! – на стол лег листок из блокнота.

Михаил прочел следующее:

«Эстрелла Роза Мария Рамирес, 1965 г. р., гражданка Республики Куба, национальность – кубинка, не замужем, студентка 1-го курса 2МОЛГМИ им. Н. И. Пирогова. Адрес: Ул. Волгина д. 37, корп. 2, кв. 16—3.»

– А где это – улица Волгина, тридцать семь? – наморщил лоб в умственном усилии Михаил, плохо знавший географию Юго-Запада столицы.

– Близенько! Две остановки на автобусе. Такие высокие корпуса на углу, четыре штуки. Мимо не пройдете, дорогой товарищ Михайлов!

И Михаил, распрощавшись, широкими шагами двинулся навстречу своему счастью. Идти, действительно, было близко. Вот они, корпуса, и вывеска: «Общежитие»!

Михаил вошел в вестибюль второго корпуса.

– Стой! Пропуск предъявь! – строго окликнула его вахтерша, выглядевшая очень по военному.

– Я к Эстрелле Розе Марии Рамирес, по... по организационным вопросам. Из деканата послали, – соврал Михаил.

– К троим, что ли? – удивилась вахтерша, привыкшая, что парни ходят, как правило, к одной девушке.

– Не... Она одна, просто имен много.

– Все равно, пропуск покажь! Или пачпорт в залог оставляй!

Пришлось оставить паспорт.

Лифт не работал, но наш герой взмахнул крыльями любви и взлетел на шестнадцатый этаж даже не задохнувшись. Вот и комната 16—3! Постучал.

– Войдите!

Михаил вошел... и на него обрушилось разочарование, ибо Эстреллы в комнате не было. Знакомая по картинке Смахтина девушка (та самая, худенькая блондинка) выжидательно улыбнулась.

– Здравствуйте, я к Рамирес...

– Здравствуйте, я – Хельга! А вы, наверное, Михаил? Эстрелла пошла вас искать...

В то утро, отчаявшись дозвониться, ибо каждый раз попадала не туда, Эстрелла отправилась по указанному Анджелой адресу.

Вот он, нужный дом! Вот он, нужный подъезд! Вот она, нужная дверь... Девушка подняла руку к звонку и заколебалась.

«Что я делаю? Он же обручен! ... Но он смотрел такими отчаянными глазами, там, на перроне... И бежал за поездом! ... Надо увидеться, надо! Просто поговорить... Я же не собираюсь отбивать его у невесты?» Но в глубине души Эстрелла именно этого и хотела. Затаив дыхание, нажала кнопку звонка. Послышались шаги и дверь распахнулась. На пороге стоял пожилой синьор с военной выправкой, очень похожий на Михаила.

– Здравствуйте! Мне нужен Михайлов, Михаил Михайлович, – пролепетала сбита с толку Эстрелла.

– Это я! – коротко наклонил голову синьор, – Входите, прекрасная незнакомка!

Эстрелла вошла и была усажена за стол в гостиной.

– Не желаете ли чаю или кофе? – галантно осведомился Михал Михалыч, – С пирожными?

– Э-э... Я, видимо, ошиблась... Мне нужен другой Михайлов...

– Понимаю. Объясняю: Мишка – это мой внук. Мною молоденькие девушки, увы, уже не интересуются, – лукаво улыбнулся отставной генерал, – Но, раз уж вы пришли, составьте старику компанию и расскажите, если это возможно, зачем вам Миша.

Есть такие люди, к которым испытываешь доверие с первой же минуты! Мишин дед был именно таким человеком. Эстрелла отхлебнула чаю, надкусила эклер, и рассказала старику всё. Начиная с встречи взглядов на Ленинском проспекте, о портрете, купленном подругой в Крыму, о погоне за поездом в Симферополе.

– Нам надо обязательно встретиться... Разобраться, что между нами происходит, понимаете?

– Да чего уж тут непонятного! – хмыкнул генерал, – Сейчас позвоню ему, шалопаю. Должен уже приехать.

Телефон заверещал и вырвал Люсю из хитросплетений средневековых страстей и интриг.

– Хеллоу?

– Алло, Маринка? – хрипловатый мужской голос в трубке звучал авторитетно, по хозяйски.

– Это не она.

– А ты кто?

– Я Люся Воробьёва.

– Г-м... А что ты там делаешь?

– Живу.

Голос в трубке сгустился:

– Не понял!

– Ну, живу я тут. С Мишей. Я его невеста, – храбро соврала девушка, решив идти до конца.

– Ого! Дело серьёзное! Он дома?

– Нет, по делам ушел...

– Передай ему, что дед звонил. Пусть, как появится, зайдет ко мне. И ты, Люся Воробьёва, тоже приходи.

Люся обмерла: теперь все раскроется! Так быстро! Нет, она ни за что не скажет Мишеньке о звонке деда! Только бы дождаться ночи, и добиться своего! Она на этот раз не оплошает! Победитель получит всё! А победителей не судят! Только надо с Мишенькой поласковее...

Генерал был глуховат, поэтому динамик был отрегулирован на максимальную громкость. Эстрелла слышала весь разговор, как по громкой связи. Сердце её сжалось: все-таки, действительно, у Михаила есть невеста! И даже живет у него дома...

– Спасибо вам за все, Михал Михалыч... Я, пожалуй, пойду... – произнесла она слабым голосом, с трудом сдерживая слёзы.

– Э-э, нет! Сиди! Надо дождаться Мишку! – покачал головой генерал Михайлов, – Не было у него никакой невесты до Крыма! Разбираться будем.

Михаил, перебросившись несколькими вежливыми фразами с Хельгой, решил ждать Эстреллу на автобусной остановке. Остаться в комнате он постеснялся. Усевшись на лавочку под березой, принялся перелистывать кем-то забытый журнал «Огонек». Прошел час, и другой, и третий. Полуденное солнце палило немилосердно. Захотелось есть и, пуще того, пить, и он зашел в столовую. Очереди не было – студенты ещё не вернулись с каникул. Толкая перед собой поднос, взял борщ, полстакана сметаны и тройную поджарку из свинины с макаронами. И ещё три стакана вкусного компота из сухофруктов для возмещения потери жидкости.

– Ого! Спортсмен, что ли? – вяло восхитилась повариха, – Неужто, осилишь столько?

– Ага, спортсмен, – легкомысленно соврал Михаил, – Сборы у нас тута.

– А по какому спорту?

– По этому, как его... литроболу!

Расплатившись, уселся за столик в углу, чтобы видеть вход в корпус, и принялся за еду. Краем уха он слышал обрывки разговора поварих и кассирши, обсуждавших животрепещущую тему.

– Зинк, а правду грят, что у спортсменов от гормонов на полшестого делается?

– А мне откуда знать-то...

– Ну, а Федька, твой бывший?

– Ой, да он же не спортсмен, здоровенный просто...

– Ну, так чё, у него-то, правда, сдулся?

– Чё, чё... У него от водки бессилие наступило... не от гормонов.

– Ой, бабоньки, а я чё слыхала! Будто в заграницах можно вообще любого размера хер купить! Пластмассовый, аль резиновый, на батарейках! Включаешь – а он тебя и так, и эдак, и по всякому, пока батарейки не сядут... И никакого мужика не надо!

– Брехня это всё! Антисоветская пропаганда!

– Ой, девки, а мне сказали, что чем больше у мужика нос...

– Ага, тебя послушать, так у энтого, что в углу, небось, вообще, подсердечник...

– Да-а, носяра у него знатный! Значит, и в штанах тоже кой-чего найдется!

– Поди, поищи! Может, найдешь под свой размер!

– Боже упаси! Мне мово Васьки с евоным щекотуном за глаза хватает!

Михаил покраснел, с усилием проглотил остатки макарон и, залпом выпив компот, выскочил из столовой. Посмотрел на свое отражение в стеклянной двери: нос как нос... Ну, может, великоват немного... Но, ведь, не огромный же? У Принца Уэльского, между прочим, такой же...

Тетки задумчиво и серьезно смотрели ему вслед...

Отдышавшись, Михаил вспомнил, что забыл вчера позвонить деду.

«Экая я свинья! Старикан волнуется, наверное...» С этой мыслью он вошел в вестибюль и улыбнулся вахтерше:

– Разрешите позвонить, пожалуйста?

– Ты чо, самый умный? Аппарат служебный! С автомата звони! – привычно огрызнулась бдительная тетка, в недавнем прошлом служившая тюремной надзирательницей в чине прапорщика.

Но Михаил знал, как добиться своего. Сделав таинственное лицо, он понизил голос:

– Мне необходимо срочно переговорить с генерал-лейтенантом Михайловым по секретному государственному делу. Вот номер, наберите сами!

Вахтерша, поколебавшись, накрутила диск.

– Алё! Вахтер Смурякова на проводе! Генерал-лейтенанта Михайлова пригласите, пожалуйста!

– Генерал-лейтенант Михайлов у аппарата!

– Товарищ генерал! Тут с вами такой Михайлов ждет переговорить. Но он в штатском.

– Это для конспирации. Передайте ему трубку, вахтер Смурякова!

Тетка, напыжившись от сознания собственной значимости, протянула трубку Михаилу:

– Можете говорить!

Михаил взял и поблагодарил кивком.

– Товарищ генерал-лейтенант! Докладываю: прибыл в Москву вчера для выполнения спецзадания! Спецгруз для вас также доставлен!

– Ладно, ладно, не очень-то резвись, внучек! – услышал он смешок деда, – Давайте, срочно приезжайте ко мне. Есть важное дело.

– Есть, товарищ генерал-лейтенант!

– А теперь передай трубку вахтерше взад.

Смурякова взяла трубку и встала по стойке «Смирно».

– Номер телефона приказываю забыть!

– Так точно, уже забыла, товарищ генерал-лейтенант!

– Благодарю за службу, вахтер Смурякова!

– Служу Советскому Союзу! – благоговейно выдохнула та.

Небось, не каждый день с генералами общаться приходится!

Трясаясь в автобусе, Михаил задумался: почему дед обращался к нему во множественном числе? Но ни к какому заключению так и не пришел.

Приехав домой, принялся искать сумку с крымскими винами.

– Воробьева! Ты сумку такую, тряпочную, с портретом Джо Дассена, не видела?

– Нет, Мишенька, зайчик мой, не видела!

Михаил слегка прибалдел:

– Какой я тебе, нахрен, зайчик, Воробьище!?

Люся сообразила, что взяла неверный тон.

– Это так, вырвалось нечаянно. Не хочешь быть зайчиком, да, медвежонок?

– Зайчик, медвежонок... Ты меня ещё слоненочком или поросеночком обзови! – возмущенно фыркнул Михаил, – Давай, сумку ищи!

Искомая сумка вскоре нашлась.

– Теперь одевайся и пошли!

– Куда? – насторожилась Люся.

– Дергать провода! – щелкнул её по носу Михаил, – К деду моему! Тут рядом.

У Люси все помертвело внутри. Значит, Миша сам позвонил деду! Ай-ай-яй! Не ходить туда, не в коем случае не ходить! Тогда останется хоть какой-то шанс взять Мишу штурмом ночью. Дед, конечно, упомянет о разговоре с «невестой», Миша удивится и по возвращении начнет копать эту тему... А она повернет все на шутку! Вспомнилась цитата из «Мальчища-Кибальчища» любимого писателя Гайдара: «Нам бы день простоять, да ночь продержаться!» А там...

– Нет, Миш, не пойду я.

– Это ещё почему?

– Я устала!

– Ни фиги себе! Устала она, дома сидевши!

– Да! Я маленькая и хрупкая!

– Ну, как хочешь... Ты хоть обедала, Воробьева?

– Ага, хлеба с кефиром навернула!

– Блин! Ты кефир выпила?! Маришка же из него маски делает! Ну, погоди, вернется сеструха – убьет тебя!

Люся побледнела. Конфронтация с Мариной в её планы не входила.

– Ладно, не бойсь! – сжалился Михаил, – Я на обратном пути другой куплю.

И ушел. Люся же затаилась в спальне, чтобы избежать встречи с Мариной, если та придет раньше Миши. К телефону решила не подходить. Ну его, опять брякнешь что-нибудь невпопад!

За несколько часов, проведенных в ожидании Михаила, Эстрелла крепко сдружилась с Михал Михалычем. Они говорили, говорили и ещё говорили. Девушка рассказывала о Крыме, в лицах представляя и Шапиро, и Ковалева, и подруг. Описывала подводный мир, показывала камушки из Коктебеля. Ну и, конечно, свою встречу с Люсей Воробьевой, отказавшейся выдать местонахождение Михаила.

– Представляете, я её вежливо спросила, где, мол, можно найти этого молодого человека, ну, с портрета, а она мне, грубо так: иди на фиг! – Эстрелла схватила чашку с остывшим чаем (шестую за день!) и выпила её залпом.

Генерал, в свою очередь, рассказывал ей о войне, которую начал лейтенантом, а закончил подполковником.

– А вот был ещё случай! – воодушевленно жестикулировал Михал Михалыч, – Отправились за линию фронта, ночь безлунная, темнота – хоть глаз выколи! А мы крадемся... – он по чапаевски разложил на столе несколько картофелин, – Командир мне показывает: впереди часовой! Ну, я выдвигаюсь справа... – тут он двинул правофланговую картофелину вперед, – и кэ-эк прыгну! – с этими словами картошка подскочила и упала в солонку.

Эстрелла взвизгнула.

– Во-во! Эта свинья вот так же визжала, пока я её не прирезал!

– А почему? Можно же было сделать... без шума?

– Можно. Только я тогда неопытный был, промахнулся маленько.

Девушка вдруг встрепелась:

– Погодите-погодите! Вы сказали: «свинья»?

– Ага, свинья там, в окопчике, оказалась. А командир её за часового принял. Тоже по неопытности...

– Жалко животное, – подперла голову рукой Эстрелла.

– На войне – как на войне! – пожал плечами генерал, – Мы её на обратном пути с собой утащили, чтоб мясо не пропало.

Звонок в дверь вырвал его из вороха воспоминаний. Грузно поднявшись, Михал Михалыч пошел открывать. Эстрелла встала, сцепив руки, чтобы не дрожали.

Из прихожей донесся веселый голос:

– Здравия желаю, товарищ генерал! Вот ваш спецгруз! Лучшие вина Крыма!

– Вот спасибо, внучек! Проходи в горницу. Там тебя человек ждет.

Михаил шагнул в горницу и на миг остолбенел: у стола стояла девушка его мечты, та самая, Эстрелла Роза Мария Рамирес! Глаза их встретились, и снова возникло ощущение бездны, манящей, засасывающей в иные миры. Он молча протянул руку – и Эстрелла протянула свою навстречу. Михаил с удивлением отметил, что ладошка у неё мозолистая и шершавая. Ну, конечно, всё лето ящики с фруктами таскала!

– Я нашел тебя, – прошептал он, не отводя взгляда и не отпуская руку, – Я искал тебя – и нашел!

– Нет, это я тебя нашла! – возразила Эстрелла, – Искала владельца большой черной машины, номерной знак 28—70 МКА, а нашла тебя... Мигель...

– У тебя такое красивое имя... Если перевести на русский, то получится... э-э... Краснотелая Мария! – улыбнулся Михаил, – Но я буду звать тебя просто Мария!

– Я согласна, Мигель! – кивнула Эстрелла, и тоже улыбнулась.

Они стояли, держались за руки и улыбались, а мир послушно вращался вокруг них. Михал Михалыч тактично вышел на кухню. Когда он вернулся со штопором и рюмками, молодые люди стояли все в той же позиции, излучая некий невидимый свет... Да ты знаешь, о чем я, Читатель! Ты же видел влюблённых...

Чмокнула пробка.

– А что, ребята, не выпить ли нам по глоточку? За встречу? – преувеличенно бодро предложил хозяин.

Черное вино полилось в хрустальные рюмки, породив брильянтовые сполохи. В глазах Эстреллы замерцали искорки:

– Какое красивое вино! Я такого никогда не пробовала!

Михаил пустился в пространные, путанные и неправильные объяснения насчет крымских вин. Михал Михалыч, почувствовав себя лишним, тихонько удалился в кабинет. Любовь, которой он стал свидетелем, согрела его сердце.

Смеркалось. Влюбленные сидели на том же месте, не зажигая света, и беседовали, вернее, бессвязно говорили о всяких пустяках. О Крыме в том числе. Михаил рассказал, как он вычислил Эстреллу и гнался за автобусом на мопеде, как столкнулся с пчелой и улетел в кювет.

– Представляешь, эта Нимфодора мне прямо в глаз угодила! Хирург потом жало вынул, но я все равно зрения чуть ли не на неделю лишился! Такой, понимаешь, отек.

– Бедный! Как же ты справлялся?

– Товарищи помогли. Водили везде за руку, кормили с ложечки, книжки читали. А когда прозрел, вы уже в Судак не приезжали.

– Ага, мы в Коктебель...

О невесте, по имени Люся Воробьева, Эстрелла решила не спрашивать, ибо догадалась, что невеста была самозванная.

– Мигель, а ты прокатишь меня на той машине? Я никогда в жизни не каталась на автомобиле, только на автобусе!

– Конечно, прокачу! – Михаил встал и пошел в кабинет, – Дед! Дай, пожалуйста, ключи.

– Ну, возьми в тумбочке... и ещё вот это возьми, пьяница. Прикрепишь на ветровое стекло, – отставной генерал протянул спецпропуск, – С ним ГАИ не остановит. Просрочен, правда... но это в темноте не видно.

Михаил поблагодарил и хотел уже уйти, но дед остановил его:

– Что за Люся Воробьева у тебя живет?

– Да так, товарищ по учебе. Вместе в Крыму были. Она ключ потеряла, а родители в отъезде. А что?

– А то! Я сегодня тебе звонил, а она твоей невестой отрекомендовалась!

– Воробыха?! Во даёт! – изумился Михаил, пребывавший в неведении, что его едва не женили.

– Приказываю разобраться и принять меры!

– Есть, товарищ генерал!

«И опять я с любимой до звезд простою, и опять будет этого мало!» – напевал Михаил, возвращаясь домой.

С Эстреллой они, и в самом деле, долго стояли, держась за руки, в скверике около общежития. Несколько раз она неуверенно говорила:

– Ну, я пойду?

Но Михаил каждый раз удерживал её, не мог расстаться. Наконец, когда радиоточка в одном из окон ехидно объявила: «Московское время двадцать три часа. Вы слушаете программу «Маяк», Эстрелла высвободила руку и мягко сказала:

– Мне пора. Завтра же в школу!

И ушла. А Михаил завел ЗИМ и медленно поехал по пустынной в этот час улице в настроении самом романтическом, хотя свою любимую он ни разу не поцеловал. Ну, как-то даже в голову не пришло!

Поставив машину в гараж, решил деда не беспокоить, а занести ключи завтра.

Дома был полный кавардак: воняло хлоркой, и все вещи были сдвинуты со своих мест, даже холодильник. Марина, одетая в старенький халатик, яростно терла пол шваброй.

– Эй! Ты чего это, на ночь глядя, генеральную уборку затеяла? – растерянно остановился Михаил посреди разгрома.

– Чего, чего... – Марина выпрямилась и уставилась на брата злыми глазами, – Это все подруга твоя, Люська! Прихожу домой, а на полу наблевано, сортир весь в дрисне, а сама она лежит бледная, стонет и за пузо держится! Вызвала неотложку, признали отравление, в Боткинскую увезли.

– Да чем она отравилась-то?

– Чем, чем... Кефир мой для масок сожрала, дура! А ему уже месяц исполнился, я его специально старила! Вот, теперь убираю за ней...

– Ни фиги себе!

– Ага! Себе-то ни фиги... Давай, помогай!

Уборка затянулась до двух часов ночи.

Эстрелла медленно поднималась на свой шестнадцатый этаж. Голова сладко кружилась, настроение было самое романтическое, несмотря на то, что Мигель так и не поцеловал её на прощание. Может, у них, в России, не принято целоваться на первом свидании?

В комнате её встретила возбужденная Хельга:

– Ну? Ты нашла его?

– Нашла...

– А он тоже тебя нашел, сюда приходил!

– Я знаю, Хельга. Он мне все рассказал!

Подруга, вибрируя от любопытства, понизила голос:

– Целовались, да?

– Нет. Только за руки держались. Вот, смотри: отпечатки пальцев!

Хельга обиженно надула губы:

– Да ну тебя!

Глава двенадцатая

Сигарный дым плотными слоями висел в комнате с зашторенными окнами. Лучик света, проникавший в щелочку, казался стеклянной трубочкой, в которой причудливо вихрились голубовато-серые волны. Трое мужчин за столом были, несмотря на жару, одеты в черные костюмы, застегнутые на все пуговицы.

– Наш друг, Григорио Каррера, купил «Banco di Palermo», синьоры. Я со всей учтивостью поздравил его с ценным приобретением и предложил моего племянника Джузеппе на должность вице-президента. И он, представьте себе, отказал! Правда, очень вежливо. Тогда я предложил продать нам сорок процентов акций по самой выгодной для него цене и ввести в правление другого моего племянника, Луиджи. Увы! Синьор Каррера опять отказался... – синьор, сидящий во главе стола скорбно покачал седой головой, – Я деликатно попытался узнать, не даст ли он нам беспроцентный кредит на девятьсот девяносто девять миллионов лир, на тридцать лет. Угадайте, что он мне ответил!

– Согласился? – с надеждой спросил синьор, сидевший справа от говорившего.

– Нет! – развел руками седой, – Мне ничего не оставалось, как встать и уйти.

– Он болен! – печально понурился третий синьор, сидевший слева, – Нормальный человек так поступать с друзьями не может.

– Да, не жалец... Будем надеяться, синьоры, что его брат и наследник Костанцо проявит большее стремление к сотрудничеству, – синьор, сидящий во главе стола, пыхнул сигарой так, что полетели искры, – Дон Ринальдо, распорядитесь насчет достойного некролога и, конечно, венка от скорбящих друзей.

– Э-э... А на какое число, дон Федерико? – почтительно спросил упомянутый дон Ринальдо, тот, сидевший слева.

– Это вам скажет дон Паоло. Он знает, сколько продлится болезнь синьора Карреры...

Сидящий справа синьор кивнул и загасил окурок сигары в пепельнице.

Через два дня после вышеописанного совещания Григорио вышел из новоприобретенного банка. Здание «Banco di Palermo» находилось на центральной площади города, украшенной фонтаном для красоты. И именно из-за этого фонтана и вылетел мотоцикл с двумя седоками! Сидящий на заднем сидении поднял короткий автомат и, не тратя времени на приветствия, принялся стрелять, как показалось Григорио, куда попало. Три пули, впрочем, попали в голову, грудь и живот новоиспеченного банкира. Последней мыслью Григорио было: «Зря они со мной так! Брат отомстит...»

До свадьбы Марины и Костанцо оставалась всего неделя. Уже было готово платье: с глубоким декольте растопырочкой, кружевами по корсажу и манжетам, с выточками вот тут и вот здесь для лучшего окаймления фигуры, с воротником стоечкой, хлястиком, бантиками и накладными карманчиками, а также разрезом слева до самого этого самого! Фата с диадемой из серебра ждала на распялке. Уже был сделан заказ в ресторане «Центральный» на пятьдесят персон! И вдруг – на тебе! Телеграмма о безвременной кончине Григорио! Костанцо рыдал и рвался в Италию. Во первых, на похороны брата, во вторых – отомстить. Ни Марине, ни Лючии эта идея не нравилась. Марина прекрасно понимала, что свадьба вообще может быть отложена на неопределенный срок – пока-то Костанцо отомстит за брата, если вообще сумеет! Да и наследство не сразу оформляется... Год, не меньше, на все дела. А за год мало ли что может случиться! И выездная виза в Италию должна быть вот-вот готова, только паспорт со штампом о браке показать! Что ж, все бросить, чтобы потом начинать сначала?

А Лючия... Ей, уже познавшей радости плотской любви, хотелось большего – хотелось замуж за Серджио. Ради этого итальянка была готова на все, даже остаться в СССР! Но как объяснить ему это? Проклятый языковой барьер! Короче, оставшиеся дни были необходимы, чтобы внести ясность в отношения, которые с каждой ночью нравились Лючии все больше и больше.

А посему, обе дамы, приводя каждая свои аргументы, уговаривали Костанцо не уезжать скоропалительно, но довести дело со свадьбой до конца. Дескать, о живых думать надо, а похороны подождут!

Референт Абдулла вошел в комнату отдыха неся на золотом подносе хрустальный бокал с водой и лекарства от печени, сердца и желудка, прописанные профессором кремлевской поликлиники на прошлой неделе. Хозяин лежал на тахте отвернувшись к стене, и его спина выражала грусть и уныние.

Дождавшись, когда лекарство было употреблено, Абдулла осторожно спросил:

– О, Великий Хан Гепардов Пустыни! Что гнетет тебя? Ты не кушаешь плов, не пьешь коньяк, не посылаешь за наложницами... На твоём челе печаль, разрывающая моё сердце!

Протяжный стон был ответом.

– Уж не скука ли гложет тебя, Великий Хан Гепардов Пустыни? Прикажи – и лучшие лицедеи Ашхабада будут здесь незамедлительно!

– Нет, Абдулла, это не скука... Чресла мои сжигает неуголенная страсть! Повелеваю: поезжай в Москву и привези мне Марину-танцовщицу! Скажи ей, что я не могу без неё, что я кину к её ногам всё, что имею... Лишь бы она была со мной! Я старею, Абдулла. Мне нужна молодая, горячая в ласках наложница. Никто не сравнится с Мариной-ханум.

– Я понял тебя, Великий Хан Гепардов Пустыни! Но, если она откажется?

– Все равно привези. Кто слушает возражения женщин, э? Потом сама спасибо скажет, да! Возьми с собой столько нукеров, сколько посчитаешь нужным, но привези мне Марину-ханум. Отправляйся немедленно, и пусть Всемогущий Аллах сделает твои ноги резвыми, руки цепкими, а глаза внимательными!

Референт, кланяясь, попятился из кабинета Второго Секретаря Ашхабадского Обкома Компартии Туркменистана.

Мечты о привольной жизни в Загранице с каждым днем всё сильнее бередили душу Сергея. Что он там конкретно будет делать, было не ясно, но он придумает что-нибудь, не пропадет! Тем более, если будет жена-миллионерша, г-м! Ласковая, покорная, пылкая! Такой женщины раньше у него не было. Эх, если б он мог жениться на Лючии! Но уверенности в данном вопросе не было. Кто он ей, просто скоротечный любовник из экзотической России, или... нечто большее? Представил, как смешно будет звучать предложение руки и сердца на латыни, которую Лючия понимает с пятого на десятое. А вдруг она расхохочется ему в лицо? Проклятый языковой барьер! Ну, как тут объясняться, в таких условиях?

Референт Абдулла с двумя помощниками неловко топтались на площади внуковского аэропорта. Вопреки ожиданиям, и несмотря на заранее посланную в представительство Туркменинии телеграмму, их никто не встретил. Не удивительно, ибо в Москве служили люди из клана Горных Барсов, а не из клана Гепардов Пустыни, к которому принадлежал Абдулла.

«Вот, из-за этой феодальной раздробленности важное дело может пострадать!» – раздраженно сучил ногами референт, – «Придется ехать на такси, поступиться гордостью.»

– Пойди, пригони такси! – высокомерно кинул он одному из помощников.

Тот послушно пошел на стоянку. Ему повезло: такслярник остановился в нескольких метрах, высаживая пассажира.

– Э, уважаемый! – вежливо окликнул таксиста Гепард Пустыни, – Подъездь во-он туда, пожалуйста, у нас там багаж.

Шофер окинул приезжего наметанным взглядом: среднеазиат, но костюм хороший, хоть и не модный. Явно денежный клиент. Тем не менее, сделав равнодушное лицо, заявил:

– У меня обед!

– Понимаю, дорогой! Но, очень ехать надо! Сколько скажешь – столько заплатим!

«То, что и требовалось доказать!» – удовлетворенно ухмыльнулся работник общественного транспорта.

– Куда поедет, командир?

– Э, тут недалеко! Представительство Туркменистана знаешь?

– Да, знаю! Ладно, садись!

Сдав назад, погрузили остальных членов команды и чемоданы. Следуя принципу «Куй клиента, пока горячий!», водила объявил:

– Имейте в виду, дотудова не меньше, чем пятьдесят рублёв будет!

На самом деле, по счетчику вышло бы семь с полтиной, если ехать не нарезая круги по кольцевой дороге.

– Заплатим, уважаемый, заплатим! – безразлично отозвался Абдулла, – Погоняй!

В представительстве Туркмении их приняли радушно, хотя и с некоторым замешательством.

– Клянусь Аллахом, никакой телеграммы не получали, потому и не встретили! – конфузясь, разводил руками глава представительства, – Разве я мог бы такое неуважение к землякам проявить! Да ещё к посланцам самого Великого Хана Гепардов Пустыни!

«Ага, наш Хан вашего не слабее!» – гордо улыбнулся Абдулла.

А тут, как раз, и телеграмму принесли, и все шероховатости встречи исчезли.

На дело референт решил идти уже этим же вечером.

Лючия нашла выход: лихорадочно учила русский язык. Из итальянско-русского словаря были выписаны необходимые слова, самые важные слова. Сегодня вечером она скажет их Серджио – и будь что будет! Конечно, он такой красавец, а она – стареющая женщина... Правда, судя по событиям последних дней, она ему нравится, иначе не проводил бы с ней долгие часы под одеялом! Так что, шанс выйти замуж, хотя бы и маленький, у неё есть. Лишь бы мужчина её мечты согласился, а уж она разрушит любые преграды на пути к их счастью, даже Железный Занавес!

Марина и Костанцо в этот вечер устроили романтический ужин при свечах. Ужин удался на славу, разве что был излишне калорийным. Но Марина уже не боялась немного поправиться, тем более, что Костанцо горячо одобрял её слегка округлившиеся формы. После ужина они затеяли игру в карты на раздевание, шалуны эдакие! Марина жульничала, и в результате Костанцо лишился одежды первый. Пришлось ему бежать в ванну, чтобы замотаться полотенцем...

Через сутки после водворения в инфекционное отделение Боткинской больницы Люся Воробьёва решила на побег. Понос и рвота прекратились, а на воле оставалось недооконченное дело с совращением Михаила. Пусть на сутки позже, но она добьется своего! В лучших традициях прочитанных книг она сплела канат из простыней и покинула палату через окно. Как герцог де Бофор из «Двадцать лет спустя»! Подумаешь, всего-то второй этаж! Выбравшись на улицу, принялась махать руками, пока не остановила такси.

– Куда поедет? – поинтересовался пожилой таксист, с сомнением поглядывая на Люсин больничный халат и тапочки.

Люся назвала адрес.

– А деньги-то у тебя есть, красавица? – продолжал сомневаться работник общественного транспорта.

– Есть! – девушка показала горсть трёшек и пятерок, прихваченных с собой во время госпитализации.

– Ну, тоды ладно. Поехали, значит. Не психическая, нет?

– Нет. Я с инфекционного сбежала, – простодушно объяснила Люся.

Шофер опасливо ёрзнул:

– Ты, это... на меня не кашляй, ага?

– Не буду, дяденька! – пообещала Люся, и они поехали.

По дороге маленькая и хрупкая художница содрогалась от ужаса, вспоминая пережитое в приёмном покое Боткинской больницы. Сначала толстая грубая медсестра в халате с засученными на волосатых руках рукавами подвергла её промыванию желудка, заставив глотать резиновую кишку. Люся давилась и отказывалась, но её скрутили и запихнули зонд насильно. Ощущения были отнюдь не радужные! Кроме того, ей была сделана, несмотря на яростное сопротивление, здоровенная клизма. И ещё заставили слопать таблетки активированного угля!

В запальчивости Люся обозвала тетку гестаповкой, но та лишь Жизнерадостно заржала. Кобыла! А в отделении весь день кормили ненавистной жидкой рисовой кашей, изверги!

Вот и Мишин дом.

– Здесь, что ли?

– Да, вон тот подъезд. Вот деньги, сдачи не надо.

Таксист поспешно уехал, решив после смены обязательно принять профилактические меры. В смысле, выпить водки и закусить салом с чесноком и луком. Мало ли, какая у пассажира инфекция! Ещё закапает с конца, потом красней перед женой! Деньги – две инфицированные трёшки, он завернул в бумажку отдельно, чтобы завтра отдать должок заразе-диспетчерше Семеновне. Зараза к заразе не прилипнет!

Поднявшись на нужный этаж, Люся нажала кнопку звонка. Ей долго не открывали, затем замок щелкнул и на пороге появилась Марина в пеньюаре на голое тело. Люся представила, как она смотрелась бы в таком. Мишенька точно, отпал бы!

– Здрассь, а Миша дома?

– Нету его! – сквозь зубы процедила Марина, которой приход этой сикильдявки мог испортить вторую фазу романтического вечера.

– Ну, я подожду? – как ни в чем ни бывало улыбнулась Люся.

– Ну, жди... Только туда-сюда не мелькай, ко мне жених пришел. А ты что, поправи-лась уже?

– А то! – гордо вскинула голову беглянка из инфекционного отделения, протискиваясь мимо хозяйки в отведенную ей комнату.

Референт Абдулла подъехал к дому Марины-танцовщицы с двумя нукерами на машине представительства Туркмении – черной Волге с занавесочками. Дело, в общем, было пустяковое: объявить девке волю Великого Хана, помочь собраться – и на самолет! А если будет брыкаться, то укол спецпрепарата в жопу – и все равно на самолет! Вот и вся разница: с уколом или без!

Дверь оказалась незапертой, и он смело шагнул внутрь. Джигит он или кто? В квартире было тихо, только из дальней комнаты доносились какие-то странные звуки: стоны, вскрики, всхлипывания. Сделав знак нукерам оставаться на месте, Абдулла двинулся туда. Два

тела, сплетенные в узел любовной страстью, сверкнули наготой ему в глаза. В замешательстве Абдулла не смог в первый момент выговорить ни слова. Затем, запинаясь, он произнес:

– Марина-ханум... Великий Хан Гепардов Пустыни желает видеть тебя! Немедленно!

От волнения он выпалил все это на родном языке и Марина ничего не поняла. Ясно было только одно: в квартиру вломились посторонние, может быть, даже грабители! Она завизжала так, что звуковая волна вынесла Абдулла из спальни и столкнула с помощниками. Один из них не удержался на ногах и упал. Возникло замешательство. Костанцо, до которого, наконец, дошло, что закончить начатое не получится, обернулся к Марине:

– Che cosa? (Что это? – итал.)

– Ladroni! (Разбойники! – итал.) – объяснила она.

И Костанцо ринулся в бой. Ударом головы в лицо он снес посланника Великого Хана с ног, повергнув его в нокаут. Затем, по инерции пролетев к пиршественному столу, схватил нож, которым Марина разделявала курицу, и попытался сходу пырнуть младшего нукера в живот. Тот с визгом отскочил. Другой, отступая и ставя блоки, попытался вступить в переговоры:

– Э, слушай, не надо так! Ещё порежешь кого-нибудь, нехорошо будет! Мы только пришли Марину-ханум в гости пригласить, да! Слушай, убери нож, поговорим, как мужчины!

Но сицилиец не понимал русского языка и продолжал атаковать, грязно ругаясь по своему. Достать противника никак не удавалось, ибо тот оборонялся качественно, используя в качестве щита табуретку. Младший нукер сидел у стены на корточках и закрывал голову руками. Через полминуты пришел в себя Абдулла и поднялся на ноги, цепляясь за косяк. Заметив краем глаза это движение, Костанцо резко развернулся... и нож, описав неширокую дугу, вонзился в грудь очухавшегося на свою беду референта по самую рукоятку. Выдернуть нож было затруднительно, поэтому Костанцо самую малость замешкался – и получил табуреткой по голове! Он упал на ковер и затих.

Марина, тем временем, выскочила из спальни и спряталась в туалете.

– Вай, слушай! Курбаши Абдулла умер! – запричитал в панике младший нукер.

– Умер-шмумер, – проворчал старший нукер, – Смерть в бою – самая лучшая смерть! Аллах примет его душу в райские кущи!

– А этот, нерусский человек... Ты не убил его, да?

– Нет, дышит... Слушай, надо убираться отсюда! Где девка-то?

И тут оба Гепарда Пустыни заметили онемевшую от ужаса Люсю, вышедшую в спортивном костюме «Трудовые Резервы» посмотреть, что за фигня происходит.

– Эй, ты, дэвушка! Стой там! Иди сюда! – крикнули они хором и надвинулись на несчастную.

Старший нукер схватил её за худенькие локти:

– Шприц! Давай, укол делай, да? – крикнул он товарищу.

Тот, помешкав, достал из кармана пиджака небольшой стерилизатор, дрожащими руками собрал шприц, отломил клювик ампулы, порезавшись при этом.

– Эй! Вы чего, обалдели? А ну, пусти, гад! – завопила Люся и рванулась, дабы избежать укола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.